

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№1 (56) / 2012



Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Елынцова И.В.</i> Суффиксальное образование наречий в близкородственных языках (на материале русского и белорусского языков).....	6
<i>Карпетова Е.Г.</i> Свойства восприятия в языковой репрезентации.....	14
<i>Лашукевич С.А.</i> Лингвистическая специфика морфологии турецкого языка (на примере именных форм).....	21
<i>Синевич А.С.</i> Традиционные и специфические модели композит в текстах Ареопагитского корпуса (V–VI вв. н.э.).....	29
<i>Федосеева В.М.</i> Проблема передачи ритма при переводе английской поэзии на русский язык.....	36

Романское и германское языкознание

<i>Ефимова Е.В.</i> Информационная значимость элементов высказывания как фактор модификаций длительности английских ударных гласных.....	43
<i>Казимирова О.В.</i> Прагмасемантический портрет адресанта современного англоязычного журнального очерка.....	51
<i>Ковалевская И.И.</i> Основные уровни анализа структуры делового письма.....	58
<i>Красник А.В.</i> Лексико-семантическая структура поля «Погода» в английском языке.....	63
<i>Ломовая А.В.</i> Двойное выражение однотипных логико-семантических отношений в английских предложениях с отыменными конверсионными глаголами.....	71
<i>Мирский А.А.</i> Стилистические функции грамматических архаизмов (на материале немецкого языка).....	79
<i>Павловская Ж.С.</i> О функциональном аспекте лексических синонимов с отрицательным компонентом.....	87
<i>Павловский В.А.</i> Английские заимствования и словообразовательные модели французского языка.....	94
<i>Свистун Т.И.</i> Дистрибуция дискурсивных признаков и плотность аббревиатур в интернет-тексте.....	102

Исследования славянских языков

<i>Головня А.И.</i> Системное представление грамматической омонимии в системе русского языка.....	110
---	-----

Литературоведение

<i>Букаева Л.С.</i> Новое восприятие мира немецкими поэтами в 1990-е годы.....	118
<i>Быстрова Е.А.</i> Эпистемическая оценка в тексте-воспоминании (на материале произведений литературного течения «новый роман»).....	126

<i>Кісліцына Г.М.</i> Экзістэнцыялізм як светапоглядная сістэма ў апавяданні «Бунін-Марцінкевіч» А. Фэдарэнкі	133
<i>Минина В.Г.</i> Лейтмотивные и окказиональные символы в произведениях К. Исигуро	138
<i>Сазонаў М.А.</i> Праблема генезісу літаратурнага характару іроніка ў прозе Максіма Гарэцкага	146
<i>Наши авторы</i>	155

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Elyntseva I.V.</i> Suffixal Word-Formation of Adverbs in Closely Related Languages (on the Material of Belarusian and Russian).....	6
<i>Karapetova Y.G.</i> Features of Perception in Language Representation	14
<i>Lashukevich S.A.</i> Linguistic Specifics of Turkish Morphology (on the Material of Nominal Forms)	21
<i>Sinevich A.S.</i> Traditional and Specific Models of Composites in the Structure of Areopagitical Corpus (V–VI cc. a.d.).....	29
<i>Fedoseeva V.M.</i> The Problem of Choosing Proper Rhythm in Translating English Verse into Russian.....	36

Romance and Germanic Linguistics

<i>Efimova E.V.</i> The Information Value of an Utterance Element as a Factor of Variation in English Stressed Vowels Duration.....	43
<i>Kazimirova O.V.</i> The Addresser's Pragmasemantic Portrait of Contemporary English Magazine Feature	51
<i>Kovalevskaya I.I.</i> The Main Levels of Business Letter Structure Analysis	58
<i>Krasnik A.V.</i> Component Structure of a Semantic Field "Weather" in English	63
<i>Lomovaya A.V.</i> Double Expression of Homogeneous Deep Case Relations in English Sentences with Denominal Converted Verbs.....	71
<i>Mirsky A.A.</i> Stylistic Functions of Grammar Archaisms (on the German Language Material).....	79
<i>Pavlovskaya J.S.</i> Functional Aspects of Lexical Synonyms with a Negative Component	84
<i>Pavlovski V.A.</i> English Borrowings and Word Formation Patterns in French	97
<i>Svistun T.I.</i> The Distribution of the Discursive Factors and the Density of Abbreviation in the Internet-Texts	102

Slavonic Languages

<i>Golovnja A.I.</i> Systemic Representation of Grammatical Homonymy in the Russian Language	110
---	-----

Studies in Literature

<i>Bukaeva L.S.</i> A New Sights of the World from German Poets in the 1990s.....	118
<i>Bystrova E.A.</i> Epistemic Attitude in Literary Reminiscence (Based on Novels of the "Nouveau Roman")	126
<i>Kislitsyna H.M.</i> Existentialism as a System of Philosophy in the Story "Bunin-Marcinkiewicz" by A. Fedorenko	133
<i>Minina V.G.</i> Leitmotif and Occasional Symbols in K. Ishiguro's Works.....	138
<i>Sazonau M.A.</i> The Problem of Ironist's Literary Character Genesis in Maxim Goretzky's Prose	146
<i>Our authors</i>	155

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И.В. Елынцева

**СУФФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ
В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ**
(на материале русского и белорусского языков)

Статья посвящена сопоставительному исследованию суффиксального образования наречий в современных русском и белорусском языках. Несмотря на достаточно высокую степень изученности данного разряда слов (о чем свидетельствует значительное количество специальных работ, посвященных данной проблеме), такого рода исследование словообразования наречий, в частности, суффиксальных, в отечественной лингвистике до этого времени не проводилось. Рассматриваются словообразовательные типы русских и белорусских суффиксальных наречий, мотивирующими основами которых выступают прилагательные, существительные, глаголы и числительные; прослеживаются сходства и отличия в их структуре, а также особенности функционирования и продуктивность аффиксов, с помощью которых образуется данный класс слов в сопоставляемых близкородственных языках.

Словообразование – неотъемлемая и чрезвычайно важная часть сопоставительного изучения языков в целом, в том числе близкородственных. Это прежде всего объясняется тем, что в сфере деривации находят выражение и перекрещиваются закономерности, связанные как с лексическими номинациями, так и с грамматическими значениями, фонетическими и акцентологическими альтернативами и др. Поэтому сопоставительное словообразование во всей возможной многоплановости и многоаспектности его изучения представляется одним из объектов исследования, позволяющим не только усовершенствовать наши знания в области лингвистической типологии, но и проникнуть в глубинные структуры феномена языка [1, с. 27].

В современных русском и белорусском литературных языках выделяются одни и те же грамматические разряды слов – части речи, которые по основным характеристикам имеют одинаковую систему словоизменения и словообразования. Это касается и наречия, которое в двух сопоставляемых языках имеет очень своеобразную словообразовательную систему. «Своеобразие состоит не только в ограниченном количестве действующих в области данной части речи словообразовательных единиц, но и в самом характере этих единиц, в процессе образования наречий некоторых групп, в зависимости словообразовательных способов, типов, моделей от семантических группировок основ, в тесном переплетении фактов синхронии и диахронии. Своеобразным является и то, что словообразовательная система наречий почти лишена внутренней (внутринаречной) базы и обслуживается почти целиком другими частями речи» [2, с. 83].

Объектом нашего исследования являются суффиксальные наречия в современных русском и белорусском языках*. В системе словообразования наречий дериваты такого типа занимают значительное место.

I. В качестве основной словообразовательной базы суффиксальных наречий выступают **имена прилагательные**. Все важнейшие наречные словообразовательные типы в современном русском языке связаны с этой частью речи. Самым высокопродуктивным типом являются наречия, образованные при помощи суффикса **-о** (орфограф. также **-е**)**. Такие наречия совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи, например: *хорошо, плохо, громко, быстро, смело, невуче, искренне, колюче*. В качестве мотивирующих могут выступать прилагательные любой структуры, кроме прилагательных с суффиксами **-ск-** и **-ий/-[j]-**. В данную группу включаются обычно и наречия, образованные от действительных причастий настоящего времени, перешедших в разряд прилагательных: *ободряюще, умоляюще, волнующе, угрожающе, раздражающе* и т.п. [3, с. 20].

Наречия, мотивированные суффиксальными прилагательными со значением отношения к предмету, явлению, одновременно могут мотивироваться (опосредствованно) теми существительными, которыми мотивированы соответствующие прилагательные, и имеют обычно следующее значение: 'так, как свойственно тому, что названо мотивирующей основой прилагательного' (*молочно, ватно, южно, каменно, бронзово*); причастиями с адъективным значением, обозначая процессуальный признак, характеризующийся тем или иным отношением к действию в зависимости от разряда причастия: *осуждающе, изолированно, несменяемо*. Особенно употребительны наречия, мотивированные действительными причастиями настоящего времени.

В белорусском языке русским наречиям такого типа соответствуют отадъективные наречия, образованные при помощи суффикса **-а** (**-о** под ударением очень редко), которые обозначают признак, названный мотивирующим словом, с дополнительным обстоятельственным значением: *багата, балюча, бедна, даўно, дваяка, дзіка, добра, звыкла, інтрыгуюча, рашуча, сардэчна, штодзённа*. Возникновение этого словообразовательного типа связано с адвербиализацией формы винительного падежа единственного числа кратких (нечленных) прилагательных среднего рода. Однако процесс образования наречий с суффиксом **-а** (**-о**) давно вышел за пределы адвербиализации указанных форм и перерос в морфологический способ – суффиксацию. Теперь наречия с названным суффиксом образуются от основ многих прилагательных, которые не имеют (и даже не имели раньше) краткой формы: *зярніста, шаўкавіста, заліхвацка, балюча, заядла* и др. [5, с. 254]. Этот тип словообразования наречий в белорусском языке является наиболее продуктивным и вместе с тем чрезвычайно богатым лексически.

* Фактический материал был взят из «Русско-белорусского словаря: в 3 т.» (Минск: БелЭн, 2002) и «Беларуска-рускага слоўніка: у 3 т.» (Мінск: БелЭн, 2003). В процессе анализа дополнительно привлекался материал грамматик русского и белорусского языков.

** Суффикс **-о** сохраняет жизнеспособность на протяжении всего существования русской письменности, начиная с первых письменных памятников и до настоящего времени [4, с. 54].

В конце XX в. в современном русском языке наблюдается уход в пассив одних отадъективных суффиксальных наречий на *-о* (например, *боевито, классово, копеечно*) и актуализация других (например, *адресно, консервативно, монопольно, подпольно, радикально*). Кроме того, в данный период отмечается появление новых наречий, например: *антирыночно* (экон.), *ментально* (книжн.), *обвально* (публ.), *самопально* (разг.), *спекулятивно, эксклюзивно* (книжн.) [6]. В начале XXI в. в языке прослеживается достаточно активный процесс актуализации наречий данного словообразовательного типа, например: *законодательно, нелегитимно* (юр.), *проправительственно* (полит.) и др. В русском языке стали активно употребляться новообразованные и актуализированные отадъективные суффиксальные наречия на *-о* (например, *бесконтактно, бомжевато, консервативно, монопольно, подпольно, радикально* и др.) [7].

В белорусском языке в конце XX – начале XXI в. среди наречий наблюдается возникновение новых лексем, в частности, суффиксальных отадъективных наречий на *-а* (например: *абвальна, віртуальна, гламурна, драйвова* (жарг.), *жарсна, крута* (жарг.), *мадэрнова* (жарг.), *ментальна, нармалёва* (разм.), *недэмакратычна, неспадзеўна, пашанліва, пашанотна, эйфарычна* и др.) [8].

Продуктивный в русском языке тип отадъективных наречий с суффиксом *-и*, отсутствующий в белорусской системе словообразования, совмещает в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи. Данные дериваты мотивируются только прилагательными с суффиксами *-ск-* и *-ий/-[j]-*: *всячески, зверски, творчески, молодецки, хозяйски, дружески, детски* (но *броско*, так как в мотивирующем прилагательном *броский* суффикс *-к-*, а не *-ск-*). В белорусском языке такому типу наречий могут соответствовать: а) суффиксальные наречия (чаще с суффиксом *-а*) (*автоматически/аўтаматычна; апатически/апатычна; артистически/артыстычна; исторически/гістарычна*), б) префиксально-суффиксальные наречия (*богатырски/па-волатаўску; братски/па-братску; па-братняму; варварски/па-варварску; дружески/па-сяброўску*), в) сочетания союза и существительного (*воровски* (разг.)/*як злодзей*).

В конце XX в. в современном русском языке наблюдается образование новых отадъективных суффиксальных наречий на *-и* (например, *пропутчистски, эзотерически, энергетически*) и актуализация наречий данного словообразовательного типа (например, *экологически, юридически*) [6]. В начале XXI в. в языке прослеживается достаточно активный процесс актуализации наречий с суффиксом *-и*, например: *бандитски* (криминал.), *биологически, бюрократически, генетически, геополитически, демократически, прокоммунистически* (полит.), *пропагандистски, пророссийски, супрематически, сюрреалистически* (иск.), *эзотерически*. Отадъективные суффиксальные наречия на *-и*, которые ранее считались новообразованиями (например, *эзотерически, энергетически*), стали активно употребляться в русском языке [7].

Наречия с суффиксом **-ком (-иком)** в русском языке имеют то же значение, что и в предыдущих типах, т.е. они совмещают в своем значении присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением наречия как части речи. Морф **-ком** выступает после шипящих и [j], морф **-иком** – после парно-мягких согласных (парно-мягкие перед ним смягчаются): *пеший – пешком; тихий – тишком; босой – босиком; целый – целиком; прямой – прямиком*. В отдельных образованиях выделяются следующие суффиксальные морфы: **-ом** (*пёхом*), **-ём** (*живьём*), **-няком** (*особняком*), **-ишом** (*нагишом*). Подобных образований в русском языке немного*. В белорусском языке данному типу отадъективных суффиксальных наречий могут соответствовать: а) наречия как с одинаковыми, так и с разными суффиксами (*тишком* (разг.)/*цішком*, (обл.) *цішкам; целиком/цалкам; особняком/асобна; пешком/пяшком*), б) сочетания предлога с существительным (*особняком/на водшыбе*), сложные наречия (*босиком* (разг.)/*басанож*), в) префиксально-суффиксальные наречия (*прямиком* (разг.)/*напрасцяк, напрасткі, нацянькі*).

Согласно «Русской грамматике», «характер наречных образований имеют формы с суффиксом **-ым**, обозначающие тот же признак, что и мотивирующее прилагательное, но с оттенком усиления» [9, с. 399]. Употребляясь с формами мотивирующих прилагательных (преимущественно кратких) или с наречиями на **-о**, мотивированными теми же прилагательными, они находятся только в препозиции, например: *белым-бело, черным-черно, давным-давно, полным-полно*. В качестве мотивирующих выступают немотивированные прилагательные (за исключением таких образований, как *светлым-светло, пьяным-пьяно*). Продуктивность типа ограничена образованиями от исконно русских качественных прилагательных.

Существует и иная точка зрения на образование данного типа наречий. Некоторые исследователи относят их к сложным наречиям, образованным путем повторения основ – редупликацией, выделяя при этом а) чистую редупликацию наречий (*тихо-тихо; близко-близко; далеко-далеко; редко-редко*) и б) редупликацию с добавочной аффиксацией (*темным-темно, черным-черно, давным-давно, полным-полно* (добавочный суффикс **-ым** в первом компоненте); *крепко-накрепко, глухо-наглухо, строго-настрого, волей-неволей, громко-прегромко* (с добавочными префиксами **на-, не-, пре-** во втором компоненте) [4, с. 32; 10]. В системе белорусского словообразования данные образования относятся к сложным наречиям [11, с. 352].

В русском и белорусском языках в единичных отадъективных образованиях *полностью/поўнасцю* выделяются суффиксальные морфы **-остью // -асцю**.

II. Суффиксальные **отсубстантивные** наречия в русском и белорусском языках образуются при помощи суффиксов **-ом** (орфограф. также **-ем**) // **-ом (-ам); -ой (-ою) // -ай (-аю), -яй (-яю), -ой (-ою); -ю // -у (-ю); -ами**

* Для наречий неактуально понятие непродуктивности производящего элемента. Речь может идти только о непродуктивности взаимодействия того или иного аффикса с определенным типом производящей основы.

(орфограф. также *-ями*) // *-амі (-ямі)*, которые являются омонимичными флексиям творительного падежа и распределяются в зависимости от типа склонения мотивирующего слова*. Данные наречия обозначают признак, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Наиболее частотные лексические группы этого типа – названия временных отрезков (*днем/днём; вечером/вечарам; утром/ранкам; летом/летам; весной и весною/вясной и вясною; зимой и зимою/зімой и зімою; временами/часамі; днями/днямі; верхом/верхам и вярхом*). Однако немало наречий находится вне названных лексических групп: *кругом/кругам* и *кругом*; *задом/задам; добром/дабром; дорогой/дарогай; силой/сілай* и *сілаю*. Такие наречия могут обозначать также внешний признак, свойственный тому, что названо мотивирующим словом: *ёжиком/вожыкам; бобриком/бобрыкам; петушком/пеўнікам; калачиком/абаранкам* (разг.). В русском языке данный тип наречий является продуктивным; в белорусском языке приобретает продуктивность под влиянием разговорной речи.

В отдельных русских наречиях, не соотносительных с падежными формами мотивирующих слов, выделяются суффиксальные морфы: *-а*: *дóма*; *-ой*: *домóй*; *-ком*: *силком, гуськом* (о манере передвижения); *-ом*: *силóм* (прост.). Некоторые белорусские наречия, которые соотносятся с формами других падежей существительных или не соотносятся с ними, имеют суффиксы: *-у (-ю)* (омонимичный флексии винительного падежа): *кроплю, крыху, каплю*; *-оў*: *дамоў*; *-ком*: *сілком*.

В начале XXI в. в современном русском языке стало активно употребляться отсубстантивное наречие с суффиксом *-ом*: *оптом* [7].

III. В русском и белорусском языках **отглагольные** суффиксальные наречия представлены образованиями с суффиксами *-мя // -ма; -ом, -ком // -ом (-ам), -ком*.

Наречия с суффиксом *-мя // -ма* совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака со значением наречия как части речи. В сопоставляемых языках они употребляются преимущественно вместе с мотивирующим глаголом (непосредственно перед ним) с целью усиления. Мотивирующими выступают беспрефиксальные глаголы несовершенного вида: *лѣжмя, лежмя* (прост.)/*лежма; стоймя/стаўма, старчма; торчмя* (прост.)/*тарчма, стаўма*. Фактический материал показал, что русским наречиям на *-мя* в белорусском языке могут также соответствовать наречия с суффиксами *-ачы* (*лѣжмя, лежмя* (прост.)/*лежа-чы*) и *-ком* (*стоймя/стаяком*). В русском языке тип проявляет некоторую продуктивность в художественной речи; в белорусском – тип продуктивный в разговорной речи.

Наречия с суффиксами *-ом, -ком // -ом (-ам), -ком* имеют то же значение, что и в предыдущем типе, т.е. совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака со значением

* Указанные группы наречий с точки зрения диахронии образовались морфолого-синтаксическим способом из застывших форм творительного падежа существительных и не всегда могут быть четко отграничены от них [9, с. 400].

наречия как части речи, например: *молчком* (разг.)/*маўчком*; *нырком*/*нырцом*; *ползком*/*паўзком*; *тайком*/*тайком*. В процессе анализа было установлено, что данному типу русских отглагольных наречий могут также соответствовать: а) суффиксальные наречия с разными аффиксами (*молчком* (разг.)/*моўчкі*; *торчком* (разг.)/*тарчма*, *стаўма*), б) префиксально-суффиксальные наречия (*тайком*/*употайкі*, *потайкі*) и в) префиксально-нульсуффиксальные наречия (*тайком* / *употай*). В русском языке среди отглагольных наречий с суффиксами **-ом**, **-ком** отмечаются полимотивированные дериваты, которые могут образовываться как от глаголов, так и от существительных, например: *молчком* (*молчок* → *молчк-ом* и *молчать* → *молч-ком*), *ползком* (*ползок* – *ползк-ом* и *ползти* – *полз-ком*), *торчком* (*торчок* → *торчк-ом* и *торчать* → *торч-ком*). В белорусском языке подобные наречия имеют одну мотивирующую основу. В обоих сопоставляемых языках этот тип является непродуктивным. Некоторые из наречий употребляются только в разговорных конструкциях рядом с однокоренными глаголами с целью усиления: *поедом ест/поедам есць*, *пропади ты пропадом/прападзі ты пропадам*, *валом валить/валам валіць*.

В русском языке отмечены единичные образования русских отглагольных наречий при помощи суффикса **-ю**: *ощупью* (от глагола *ощупать*) и *насыпью* (от глагола *насыпать*); данные наречия имеют такое же значение, что и наречия предыдущих типов. В белорусском языке им соответствуют а) префиксально-суффиксальное наречие *вобмацкам* и б) суффиксальное наречие *насыпам*. Кроме того, в русском языке среди отглагольных суффиксальных наречий зафиксированы единичные образования при помощи морфов: **-е** (*насторожё*) и **-ками** (*урывками*). В белорусском языке русскому наречию *настороже* соответствуют словосочетания *быць пільным*, *быць насцярожаным*, *быць напаягове*; наречию *урывками* – отсубстантивное наречие *урывкамі*: *урывак-(Ø)* → *урывк-амі* [11, с. 345; 12, с. 376; 5, с. 256].

IV. Суффиксальные **отадвербиальные** наречия в сопоставляемых близкородственных языках представлены двумя общими словообразовательными типами с суффиксами **-овато** // **-авата**; **-енько (-онько)** // **-енька (-анька)**. Наречия с суффиксом **-овато** // **-авата** мотивируются наречиями с суффиксом **-о** // **-а** и обозначают ослабленную степень признака, названного мотивирующим словом: *рановато/ранавата*, *поздновато/пазнавата*, *слабовато/слабавата*, *страшновато/страшавата*. Наречия с суффиксом **-енько (-онько)** // **-енька (-анька)** мотивируются наречиями с суффиксом **-о** // **-а** и обозначают некоторое усиление признака с различными экспрессивными оттенками: *быстренько/хуценька*; *тихонько/ціхенька*; *высоконько/высокенька* (разг.); *низенько/нізенька*; *легонько* (разг.)/*лёгенька*; *раненько/раненька* (разг.). И в русском, и в белорусском языках указанные типы наречий непродуктивны.

В белорусском языке усиление признака с различными экспрессивными оттенками обозначают также немногочисленные наречия с суффиксом **-утк-** (**-ютк-**): *блізютка*, *віднютка*, *ціхутка*.

В русском языке отмечен также тип отадвербиальных наречий с суффиксом *-охонько (-ошенько)*. Они мотивируются наречиями с суффиксом *-о* и имеют усилительно-ласкательное значение: *ранёхонько* и *ранёшенько*, *ровнёхонько* и *равнёшенько*, *скорёхонько* и *скорёшенько*, *близёхонько* и *близёшенько**. Данный тип продуктивен в разговорной и художественной речи. В белорусском языке наречиям такого типа соответствуют образования с другими суффиксами, например: *близёхонько*, *близёшенько* (разг.)/*блізенька*, *блізенечка*, *блізютка*; *позднёхонько*, *позднёшенько* (нар.-поэт.)/*пазнюсенька*, *пазнютка*; *ровнёхонько*, *ровнёшенько* (разг.) / *роўненька*, *раўнютка*, *раўнюсенька***.

Среди отадвербиальных наречий в русском языке выделяется группа дериватов с суффиксами *-ком, -кой, -ку, -ко*, которые мотивируются наречиями с отсекаемыми финалями *-ом, -ой, -у, -о* (последняя преимущественно в наречиях с ударным суффиксом *-енько (-онько)*). Они имеют экспрессивное ласкательное значение. Единство типа определяется тем, что каждый из суффиксов состоит из общего для всех них элемента *-к-* и элемента *-ом, -ой, -у* или *-о*, который всюду равен отсекаемой финали мотивирующего наречия: *рядом – рядом, боком – бочком, пешком – пешочком, босиком – босичком; стороной – сторонкой, украдкой – украдочкой; вразвалку – вразвалочку, втихомолку – втихомолочку, потихоньку – потихонечку; хорошенько – хорошенечко, легонько – легонечко, тихонько – тихонечко, нисколько – нисколичко*. В единственном образовании *рядышком* выделяется суффиксальный морф *-ышком*. В русском языке данный тип наречий обнаруживает продуктивность в разговорной речи.

В белорусском языке среди отадвербиальных суффиксальных наречий отмечены единичные дериваты, образованные при помощи суффиксов *-енечка (танюсенечка); -ечку (памалечку); -ачкі (трошачкі); -энна (страшэнна); -усенька (ціхусенька); -эзна (высачэзна)*.

V. В русском и белорусском языках **отнумеративные** наречия не многочисленны и не продуктивны по образованию, поскольку сама группа числительных мало продуктивна и лексически очень ограничена. В сопоставляемых языках выделяется один общий структурный тип суффиксальных отнумеративных наречий, образованных при помощи суффикса *-ю*. Данные наречия мотивируются числительными *пять – двадцать* и числительным *тридцать* и обозначают увеличение во столько раз, сколько названо мотивирующим словом: *пятью, шестью, семью, восемью, двадцатью, тридцатью*.

* Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова, некоторые наречия данного типа (например: *ровнёхонько* и *равнёшенько*, *тихохонько*, *чернёхонько*, *чистёхонько*) являются полимотивированными [13].

** Некоторые лингвисты, в частности, А.Н. Гвоздев, считают, что формы оценки наречий образуются также при помощи суффикса *-енечк- (-онечк-)*: *хорошо – хорошенечко, мало – маленечко, легко – легонечко* [14, с. 380]. По мнению же А.Н. Тихонова, *-енечк- (-онечк-)* – это не один суффикс, а сочетание двух суффиксов, которые последовательно присоединяются к мотивирующим основам наречий, например: *хорошо – хорош-еньк-о – хорошенечк-к-о, мало – мал-еньк-о – маленечк-к-о, легко – лег-оньк-о – легонечк-о* [15, с. 17].

В русском языке выделяется также словообразовательный тип отнумеративных наречий с суффиксом *-жды (-ажды)*, которые обозначают увеличение во столько раз или повторяемость столько раз, сколько названо мотивирующим словом: *дважды, трижды, четырежды, однажды, многаяжды* (устар.) и *единожды* (в последнем орфограф. *-ожды*). С таким же значением в белорусском языке образуются отнумеративные наречия при помощи суффикса *-ойчы (двойчы, тройчы)*; семантически изолированно наречие *аднойчы*.

Таким образом, сопоставительное исследование русских и белорусских суффиксальных наречий, мотивированных прилагательным, существительным, глаголом, наречием и числительным, показало, что существуют как общие для русского и белорусского языков словообразовательные типы, так и типы, характерные для словообразовательной системы только русского или только белорусского языков. Что касается продуктивности словообразовательных типов, то, как показал анализ фактического материала, отмечаются типы, 1) в русском языке проявляющие некоторую продуктивность в художественной речи, в белорусском – продуктивные в разговорной речи; 2) непродуктивные в русском языке, в белорусском – продуктивные под влиянием разговорной речи; 3) малопродуктивные в обоих языках; 4) высокопродуктивные как в русском, так и в белорусском языках; 5) непродуктивные в обоих сопоставляемых близкородственных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г.Д. Басова [и др.]. – Киев : Наук. думка, 2003. – 534 с.
2. *Климкова, Л.А.* Некоторые трудные и спорные вопросы изучения словообразования наречий / Л.А. Климкова // Вопросы словообразования и грамматики русского языка: сб. науч. тр. / М-во просвещения РСФСР. Горьк. гос. пед. ун-т им. А.М. Горького. – Горький, 1974. – С. 83–94.
3. *Астафьева, Н.И.* Современный русский язык: Наречие. Категория состояния / Н.И. Астафьева, Т.Г. Козырева. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйш. шк., 1981. – 78 с.
4. *Ермакова, О.П.* О некоторых общих вопросах словообразования наречий / О.П. Ермакова // Развитие словообразования современного русского языка / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М. : Наука, 1966. – С. 52–55.
5. *Шуба, П.П.* Сучасная беларуская мова: Марфаналягія. Марфалогія : вучэб. дапам. для філал. фак-таў ун-таў / П.П. Шуба. – Мінск : Універсітэцкае, 1987. – 334 с.
6. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
7. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.

8. Уласевіч, В.І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.
9. Русская грамматика : в 2 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР; редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Введение в морфемику. Словообразование. Морфонология. – 784 с.
10. Кульбеков, А.С. К вопросу о производных формах однофункциональных наречий и слов категории состояния на -о / А.С. Кульбеков // Русское и зарубежное языкознание. – Алма-Ата, 1970. – Вып. 3. – С. 72–77.
11. Беларуская граматыка: у 2 ч. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – 431 с.
12. Бардовіч, А.М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с.
13. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 2. – 886 с.
14. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык : в 2 ч. / А.Н. Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1958. – Ч. I : Фонетика и морфология – 406 с.
15. Тихонов, А.Н. Образование наречий в синхронном освещении / А.Н. Тихонов // Труды Самарканд. госпединститута им. С. Айни. – Самарканд, 1969. – Вып. 170. – С. 1–24.

Derivational types of the Russian and Belarusian suffixal adverbs formed from adjectives, nouns, verbs and numerals are considered in the article. Similarities and differences in their structure are detected. Peculiarities of functioning and productivity of the affixes used to form the class of words in the compared closely related languages are observed.

Поступила в редакцию 19.12.11

Е.Г. Карапетова

СВОЙСТВА ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье прослеживается, как действие/движение сопряжено с процессом восприятия в языковой репрезентации. Излагается семантический портрет глаголов, в семантике которых имеются перцептивные признаки, построенный на основе компонентного анализа английских слов. Выявлены семантические модели рассматриваемых глаголов. Сочетание семантически широкого смыслового компонента ‘действие/движение’, который является основой категориальной семантики глагола вообще, и компонента ‘восприятие’ подтверждает наличие взаимосвязи движения и восприятия. Данный факт отражается в том, что интегральная сема рассматриваемых глаголов представляет собой кластер, состоящий из двух семантических компонентов, определяющих принадлежность рассматриваемых глаголов к той или иной группе.

Современная лингвистика поставила на повестку дня задачу выявления языковых средств репрезентации полученного и обработанного когнитивной системой человека знания (опыта). В решении данной задачи анализу языковых фактов отводится большая роль. Они рассматриваются как средство доступа к знанию об отдельных фрагментах действительности. Об исключительной роли исследований языка высказываются Ст. Андерсон и Д. Лайфут: «Лингвисты оказались в более счастливом положении, нежели другие ученые, изучающие разум, и именно потому, что наше знание языка ведет к множеству очевидных и обозримых последствий, а также потому, что оно гораздо более открыто для изучения, чем другие домены» [1, с. 5].

Итог переработки знания зафиксирован в языке в виде языковых репрезентаций. И слово как основная единица вербальной фиксации опыта человека также признается активной единицей: «слово и в системе языка, и в акте сообщения находится в состоянии постоянной активной работы» [2, с. 8].

Сказанное позволяет утверждать, что глубокий содержательный анализ языковых фактов, выявляющий полноту и способ представленности в лексической системе такой важной для человека сферы жизнедеятельности, как восприятие, и его результата – перцептивных, т.е. чувственно воспринимаемых, признаков, составляющих свойства окружающих объектов, сможет дополнить языковое описание человека и связанных с ним фрагментов действительности.

Лексический материал изучается нами в контексте класса, или парадигматическом контексте. Контекст класса, вслед за Н.Ю. Шведовой, рассматривается нами как «абстракция не от непосредственных употреблений, а от осуществленной самим языком систематизации своих ресурсов, т.е. от отношений лексических единиц друг к другу. Контекст класса устанавливается путем определения места слова в границах той целостности, которую можно называть лексико-семантическим классом, подклассом, разрядом, группой, парадигмой, лексическим рядом и т.д., отвлекается от отношения слова к другим членам этой целостности и от его противопоставленности единицам других лексических множеств. Именно контекст класса нужен для характеристики значения слова...» [2, с. 9]. Проведенный нами парадигматический анализ глаголов, объединенных единой семантикой в лексико-семантическом поле перцептивных признаков в современном английском языке позволяет описать специфику семантики одного микрополя.

Представляя описание категоризации восприятия в глагольной семантике в современном английском языке, мы остановимся на двух моментах: какие аспекты движения, связанные с ситуацией восприятия, отражены в семантике данных слов и как они репрезентированы.

Смысл такого описания, по словам Е.С. Кубряковой, заключается «в том, чтобы объяснить, какое именно представление о мире фиксируется глаголом. Обращение к семантике глагола диктуется здесь не столько стремлением ответить на вопрос о том, что он значит, сколько попыткой

определить, к наречению каких сущностей он приспособлен, какие структуры знания стоят за ним, какая информация вербализуется при подведении ее под тело такого знака, как глагол» [3, с. 84].

Свойства восприятия хорошо изучены. Тот факт, что восприятие сопряжено с движением в широком смысле (действие, деятельность, активность), не раз излагался в современной психологии и физиологии. Так, Дж. Гибсон выделяет три типа движения, сопровождающего зрительное восприятие: повороты головы относительно тела, движение конечностей относительно тела и передвижение относительно окружения (или локомоция). Для каждого из них зафиксированы свои типы оптической информации, задающей его: в случае поворачивания головы – скольжение поля зрения по объемлющему строю, в случае движения конечностей (особенно при манипуляциях) – вхождение в поле зрения специфических очертаний и в случае локомоции – течение объемлющего строя [4, с. 187–188].

Как показывает материал исследования, данное свойство восприятия – сопряженность с движением – закреплено в языке в виде наличия соответствующих компонентов значения у глаголов.

Исследователи глагольной лексики отмечают, что по чисто логическим основаниям глаголы могут быть классифицированы на основе наиболее абстрактных категорий: бытие, сознание, движение, деятельность, отношение. Поле «Движение», например, в русском языке, по словам Э.В. Кузнецовой, оказывается наиболее четким по структуре. Оно включает глаголы с конечными идентификаторами (т.е. идентификаторами, полученными путем использования методики ступенчатой идентификации) *двигаться, перемещаться, падать, достигать, удаляться* и т.п. [5, с. 7]. Глаголы перцептивной семантики (или глаголы восприятия) занимают в языке особое место, так как описываемая ими внеязыковая ситуация – ситуация восприятия – является частью процесса познания, который выступает определяющим для всей жизнедеятельности человека [6].

Аналізу подвергались глаголы, в семантике которых перцептивный признак выступал как в качестве интегрального, так и в качестве дифференциального компонента. Материал исследования ограничен глаголами зрения, характеризующими самый, согласно данным многих исследователей, важный модус восприятия. Данная группа немногочисленна, поэтому, представляя ее структуру, мы будем указывать все составляющие ее глаголы.

Прежде всего была выделена лексико-семантическая группа глаголов действия/движения (т.е. группа глаголов, для которых сема 'действие/движение' является интегральной), в семантике которых закреплено и указание на восприятие. Для отнесения глаголов к полученной группе был проведен анализ глагольных дефиниций и выделен ряд лексических идентификаторов семантики действия/движения: *to move, to try an activity, to attempt to do sth, to go, to run, to fly, to turn (your eyes), to bend (your body), to lower (your head), to put, to put your body into position, to bring sth out, to present sth, to cover, to surround, to hide, to change* и т.д. Нами также был определен набор лексических идентификаторов для семантики восприятия: *to start to be seen, to see, to be able to see, so that you can see, to avoid being seen* и т.д.

Ниже приводится семантический портрет глаголов рассматриваемой лексико-семантической группы, построенный на основе компонентного анализа.

Полученная группа глаголов, на наш взгляд, соотносится с опытом обобщения процесса восприятия через призму действия/движения и соответствуют наивному представлению о восприятии. Рассматриваемые глаголы столь же разнообразны, сколь богат сам процесс восприятия, имеющий отношение ко всей деятельности человека. Для понимания закономерностей восприятия важно разнообразие семантических моделей групп глаголов действия, чья семантика содержит перцептивный признак. Семантика действия понимается нами очень широко и включает любую активность. Как указывает Р.М. Гайсина, сема 'действие' характеризуется высокой степенью абстрактности и не поддается точному определению [7, с. 17].

Семантические модели глаголов, в семантике которых содержится указание на действие и восприятие

1. [действие/движение в результате которого перцептивный признак выступает как цель и результат].

1.1. [действие/движение, совершаемое субъектом органом восприятия, с целью увидеть объект (т.е. перцептивное действие, акт восприятия):
to look1 'to turn your eyes towards something, so that you can see it'.

1.2. а) [действие (движение), совершаемое субъектом телом, с целью увидеть объект (т.е. действие, приводящее к акту восприятия)]:

to bow3 'to bend your body over something, especially in order to see it more closely'.

1.2. б) [действие/движение, совершаемое субъектом телом, с целью не быть зрительно воспринятым (замеченным)]:

to duck1 'to lower your head or body very quickly, especially to avoid being seen or hit';

to duck2 'to move somewhere very quickly, especially to avoid being seen or to get away from someone';

to sneak1 'to go somewhere secretly and quietly in order to avoid being seen or heard';

to streak1 'to run or fly somewhere so fast you can hardly be seen'.

1.3. [действие, совершаемое субъектом, с целью увидеть объект (т.е. действие, приводящее к акту восприятия)]:

to rewind 'to make a cassette tape or video go backwards in order to see or hear it again';

to sample3 'to try an activity, go to a place etc in order to see what it is like'.

1.4. а) [действие/движение, совершаемое субъектом, с целью позволить увидеть объект другому субъекту (т.е. действие субъекта, приводящее к акту восприятия)]:

to show1 'to let someone see something';

to show7 'to let someone see where a place or thing is, especially by pointing to it';

to show8 'to make a film or television programme available on a screen for people to see, or to be on a screen';

*to post*⁸ ‘to put a message or computer document on the Internet so that other people can see it’;

*to produce*⁴ ‘if you produce an object, you bring it out or present it, so that people can see or consider it’;

*to release*³ ‘to make a CD, video, film etc available for people to buy or see’;

*to show*¹² ‘to put a group of paintings or other works of art in one place so that people can come and see them’;

*to stick*⁴ ‘if you stick a part of your body somewhere, you put it in a position where other people can see it’;

*to superimpose*¹ ‘to put one picture, image, or photograph on top of another so that both can be partly seen’;

*to try*⁵ ‘to attempt to open a door, window etc in order to see if it is locked’;

*to unscramble*¹ ‘to change a television signal or a message that has been sent in code so that it can be seen or read’.

1.4. б) [действие (не-движение), совершаемое субъектом, с целью не позволить увидеть объект другому субъекту (т.е. действие субъекта, не приводящее к акту восприятия или затрудняющее его)]:

*to cloak*¹ ‘to deliberately hide facts, feelings etc so that people do not see or understand them’;

*to eclipse*¹ ‘if the moon eclipses the sun, the sun cannot be seen behind the moon, and if the Earth eclipses the moon, the moon cannot be seen because the Earth is between the sun and the moon’;

to enshroud ‘to cover or surround something so that it is not possible to see, understand, or explain it’;

*to veil*³ ‘to partly hide something so that it cannot be seen clearly’;

to white ‘to cover something written on paper, especially a mistake, with a special white liquid so that it cannot be seen any more’.

1.5. а) [(воображаемое) действие объекта, соответствующее началу акта восприятия]:

*to appear*³ ‘to start to be seen, to arrive, or to exist in a place, especially suddenly’.

1.5. б) [(воображаемое) действие, совершаемое объектом, при действии (движении) субъекта, что приводит к обнаружению объекта (т.е. действие, приводящее к акту восприятия)]:

*to arise*⁶ ‘if something arises when you are moving towards it, you are gradually able to see it as you move closer’.

1.5. в) [(воображаемое) действие, совершаемое воспринимаемым объектом, приводящее к затруднению его восприятия (т.е. действие, исключаящее восприятие объекта)]:

*to recede*¹ ‘if something you can see or hear recedes, it gets further and further away until it disappears’.

1.6. [действие (не-движение), совершаемое объектом, с целью позволить субъекту увидеть объект (т.е. действие, приводящее к акту восприятия)]:

*to reach*⁸ ‘if a message, television programme etc reaches a lot of people, they hear it or see it’;

*to relay*² ‘if radio or television signals are relayed, they are received and sent, especially so that they can be heard on the radio or **seen** on television’;

*to show*⁵ ‘if a picture, map etc shows something, you can **see** it on the picture, map etc’;

*to show*⁹ ‘if something shows, it is easy to **see**’;

*to show*¹⁰ ‘if material shows the dirt or a mark, it is easy to **see** the dirt or mark on it’.

1.7. [действие субъекта, которое сопровождается актом восприятия]:

*to trace*⁴ ‘to copy a drawing, map etc by putting a piece of transparent paper over it and then drawing the lines you can **see** through the paper’.

1.8. [движение, которое ассоциируется с качеством зрительного восприятия]:

*to blunder*¹ ‘to move in an unsteady way, as if you cannot **see** properly’.

2. [ментальное действие, которое является результатом восприятия]:

*to recognize*¹ ‘to know who someone is or what something is, because you have **seen**, heard, experienced, or learned about them in the past’.

3. [физиологический процесс, который является результатом восприятия]:

*to salivate*¹ ‘to produce more saliva in your mouth than usual, especially because you **see** or smell food’

Как можно видеть, семантические модели глаголов анализируемой группы различны по своему объему. Самой многочисленной является модель [действие/движение, совершаемое субъектом, с целью позволить увидеть объект другому субъекту (т.е. действие субъекта, приводящее к акту восприятия)], представленная 11 лексическими единицами.

Нетрудно заметить, что некоторые модели структурируют группы глаголов, представляющие собой конверсивы. Данные глаголы обозначают одно и то же действие, приписывая его субъекту или объекту восприятия (1.4. а) и 1.6.). Более того, один и тот же глагол может выражать сразу оба значения: *to upload* ‘if information, a computer program etc uploads, or if you upload it, you move it from a small computer to a computer network so that other people can **see** it or use it’.

Многочисленность групп подтверждает взаимосвязь процессов человеческого организма, что и находит отражение в семантике слов. Однако жесткого и однозначного отнесения глаголов к указанным группам быть не может, так как многие из них имеют указание сразу на два модуса перцепции, например, на зрительное и слуховое (1.3). Некоторые глаголы обозначают не просто действие, а действие, совершаемое определенным образом (*quickly, quietly, secretly*).

Таким образом, сопряженность древней семантики: семантически широкого смыслового компонента ‘действие/движение’, являющегося определяющим для категориальной семантики глагола вообще и компонента ‘восприятие’, говорит о важности движения в процессе восприятия и, наоборот, о важности восприятия в некоторых видах деятельности. Видимо, можно заключить, что сема восприятия у некоторых глаголов действия

пересекается с интегральной семой ('действие/движение') или встроена в нее. В таком случае интегральная сема представляет собой кластер, или сочетание двух семантических компонентов, определяющих принадлежность рассматриваемых глаголов к той или иной группе. Они представляют собой следующие сочетания семантических компонентов: 'действие/движение, результатом которого выступает перцептивный признак'; 'действие, которое сопровождается перцептивным признаком'; 'действие, которое является результатом восприятия'; 'движение, которое ассоциируется с качеством восприятия'; 'перцептивный признак, сопряженный с движением'; 'перцептивный признак, ассоциированный с действием', 'действие, прекращающее перцептивный признак' и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 2004. – Т. 63, № 3. – С. 3–12.
2. *Шведова, Н.Ю.* Об активных потенциях, заключенных в слове / Н.Ю. Шведова // Слово в грамматике и словаре / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Наука, 1984. – С. 7–15.
3. *Кубрякова, Е.С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева; Ин-т языкознания РАН. – М. : Наука, 1992. – С. 84–90.
4. *Гибсон, Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1988. – 464 с.
5. *Кузнецова, Э.В.* Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов / Э.В. Кузнецова // Семантические классы русских глаголов: межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : Л.М. Васильев [и др.]. – Свердловск: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1982. – С. 3–10.
6. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // ВЯ. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
7. *Гайсина, Р.М.* К семантической типологии глаголов русского языка / Р.М. Гайсина // Семантические классы русских глаголов: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Л.М. Васильев [и др.]. – Свердловск: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1982. – С. 15–21.

The article focuses on language representation of action. The analysis shows that action and perception are interwoven in the structure of the meaning of certain English verbs. The semantic models also show that the basis of semantics of the verbs under study is integrity of the categorical seme of action and the seme of perception.

Поступила в редакцию 07.12.11

С.А. Лашукевич

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИИ
ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА
(на примере именных форм)

Статья посвящена специфическим лингвистическим чертам турецкого языка, среди которых центральное место занимает морфология. На материале именных форм описывается система турецкого словообразования и словоизменения. Морфология описанной системы предстает как четкая и упорядоченная языковая схема, поддающаяся формальному описанию для последующего использования в лингвистической базе данных турецкого языка. Имя и именная парадигма в турецком языке представляет собой ядро морфологии. Морфологические показатели имени способны принимать практически все грамматические разряды турецких слов, сохраняя при этом свою семантику. Также именные формы в сочетании с различными послелогом и служебными словами способны образовывать сложные синтаксические конструкции, вводимые в русский язык союзами в составе сложноподчиненных предложений.

Одну из основных лингвистических специфик турецкого языка представляет его морфология. Агглютинативная система турецкой морфологии строится на принципе продуктивного аффиксального словообразования и словоизменения, а также на принципе подвижности лексических категорий в их грамматических трансформациях, когда в зависимости от синтаксических сочетаний субстантив адъективируется, адъектив субстантивируется, и тот и другой в определенных формах адвербиализируются. Этому закону подчиняется вообще вся категория имен в турецком языке. В системе этой подвижности и трансформаций каждая из номинативных категорий приобретает соответствующие формы, которые выражают грамматические и смысловые отношения между компонентами словосочетаний и предложений [1, с. 20]. Пример со словом *masalarımızdaki* 'те, которые на наших столах', демонстрирует это «движение»:

<i>masa</i>	<i>lar</i>	<i>ımız</i>	<i>daki</i>
имя сущ. ед.ч.	имя сущ. мн. ч.	притяжат.	относит. прилаг. (какие?)

Еще один пример демонстрирует движение «имя – глагол – глагольное имя» в функции прилагательного *kararlaştığımız* 'то, о чем мы приняли решение':

<i>karar</i>	<i>laş</i>	<i>tiğ</i>	<i>ımız</i>
имя сущ. ед.ч.	глагол	глагол. имя	притяжат.

Действительно, если в русском языке слово как единица словаря и слово как единица морфологии, как правило, совпадают и частеречная принадлежность слова как бы устанавливается его морфологическими признаками, то в турецком языке слова в исходном виде трудно дифференцируются по частям речи, поскольку формально не маркированы, а при наращивании аффиксов грамматическая классовая принадлежность слова может различаться с семантикой его корневой морфемы (см. пример выше). То есть разграничение возможно лишь на основе семантического содержания и

синтаксической функции слова. Таким образом, касаясь знаменательных частей речи, в турецком языке уместным будет говорить не о морфологических классах, т.е. частях речи, но о лексико-семантических разрядах слов, которые имеют значения ‘предметность’, ‘признак’ и ‘действие’. Это означает, что в турецком языке, по сути, присутствуют только разряды слов с *именной* и *глагольной* семантикой [2, с. 17].

Характерными грамматическими категориями разряда *имен* в турецком языке является их способность изменяться по *числам*, принимать значения *притяжательности*, склоняться по *падежам*, а также при помощи аффикса *-ki* образовывать относительные именные конструкции со значением «относительного прилагательного» [3, с. 21].

В турецком языке грамматически маркировано только *множественное число* в зависимости от буквенного состава слов стандартными аффиксами *lar/ler*. Также грамматический способ выражения множественности взаимодействует в турецком языке с лексическим способом указания на единичность предмета с помощью соответствующего числительного *bir* ‘один’, которое наряду с этим выполняет в этом языке и функцию неопределенного артикля:

Evden kitap aldım. = *Evden **bir** kitap aldım.* ‘Я взял из дома (одну) книгу’;

Trendeyken kitap okuyordun. = *Trendeyken **bir** kitap okuyordun.* ‘В поезде он читал (какую-то) книгу’.

В то же время в турецком языке выражение количественной характеристики предмета не является обязательным. Например: *mavi gözüm var* ‘у меня голубые глаза’, *annebabama mühendis* ‘мои родители инженеры’.

Из указанного следует, что форма множественности для имен в турецком языке используется тогда, когда говорящий испытывает потребность в указании на множественность предметов:

Kitap okumayı seviyorum. ‘Я люблю читать **книги**’;

Kitaplar okumayı seviyorum. ‘Я люблю читать **книги** (в большом количестве)’.

Аффикс множественности всегда прикрепляется к именной основе. При сочетании существительных с числительными аффикс множественности опускается: *beş kardeşler* ‘пять братьев’, *yüz rubleler* ‘сто рублей’.

Категория принадлежности является важнейшей для турецкого языка, а ее формы выступают как морфологические средства передачи самых разнообразных реальных отношений преимущественно между предметами.

Личные формы категории принадлежности

1-е л. ед. ч. <i>-m, -im</i> и варианты	1-е л. мн. ч. <i>-mız, -ımız</i> и варианты
2-е л. ед. ч. <i>-n, -in</i> и варианты	2-е л. мн. ч. <i>-nız, -ınız</i> и варианты
3-е л. ед. ч. <i>-ı, -si</i> и варианты	3-е л. мн. ч. <i>-ı, -si, -ları</i> и варианты

Наблюдаемые в данном языке функциональные особенности форм категории принадлежности говорят о том, что каждая форма передает образы различных предметных связей с помощью одного значения, а это значение имеет каждая из шести личных форм, конституирующих категорию. Данная

категория, благодаря своему грамматическому значению принадлежности, выступает в качестве средства, с помощью которого сознание носителя языка истолковывает различные предметные связи как отношения принадлежности.

Например: *hasretinden çıldırdım* ‘я сходил с ума от тоски по тебе’, *eviniz güzel* ‘ваш дом красивый’, *gözüme bak* ‘посмотри мне в глаза’, *tercümanlığımızı o yaptı* ‘переводчиком при нас был он’.

Категория принадлежности в турецком языке тесно взаимодействует с категорией родительного падежа. Родительный падеж может либо использоваться с формой принадлежности, являясь средством усиления выражения обладания предметом (*sen onun evindesin* ‘ты (именно) в его доме’), либо образовывать атрибутивные изафетные конструкции существительных (*zengin adamın evi* ‘дом богатого человека’), стремящиеся максимально определить принадлежность одного предмета другому при возникновении такой потребности при коммуникации. Однако изафетные конструкции могут и не включать показателей родительного падежа в зависимости от степени выражения относительных признаков. Сравним: *Ankara şehri* ‘город Анкара’, *Ankara'nun caddeleri* ‘проспекты Анкара’, *kadın adı* ‘женское имя’, *bu kadının adı* ‘имя этой женщины’.

Итак, категория принадлежности образуется по схеме: «основа + личный аффикс» либо «основа + аффикс множественности + аффикс», а ее значение есть сложный образ двух предметов, связанных отношением принадлежности. Коммуникативное предназначение категории – передавать всевозможные отношения между двумя объектами, поддающиеся истолкованию сознанием носителей языка как притяжательные [4, с. 78].

Что касается падежей в турецком языке, то, в общем, можно говорить об именительном (нулевом), родительном, винительном, дательном (направительном), исходном, местном и творительном (инструментальном) падежах. Кроме этого, имеется близкая по значению к инструментальному падежу форма экватива. Эти падежи имеют стандартную парадигму спряжения, и, как уже отмечалось, помимо основного своего значения, могут иметь и дополнительное (факультативное).

Нулевая основа	Падеж с нулевой основой	Падеж с маркированной основой
<i>ev</i> ‘дом’	<i>ev</i> что? ‘дом’ (им.) <i>evin</i> чего? ‘дома’ (род.) <i>evde</i> где? ‘в доме’ (мест.) <i>eve</i> куда? ‘в дом’ (дат.) <i>evden</i> откуда? ‘из дома’ (исх.) <i>evi</i> что? ‘дом’ (вин.) <i>evle</i> чем? ‘домом’ (тв.)	<i>evi</i> что? ‘его дом’ (им.) <i>evinin</i> чего? ‘его дома’ (род.) <i>evinde</i> где? ‘в его доме’ (мест.) <i>evine</i> куда? ‘в его дом’ (дат.) <i>evinden</i> откуда? ‘из его дома’ (исх.) <i>evini</i> что? ‘его дом’ (вин.) <i>evinle</i> чем? ‘его домом’ (тв.)

Именительный падеж противопоставляется всем остальным, поскольку основа в именительном падеже имеет нулевой показатель (иногда используется аффикс *-tir* и его варианты), и, условно говоря, с учетом именного характера турецкого языка любая немаркированная словоформа

стоит в именительном падеже. Однако категория именительного падежа проявляется при сопоставлении со словоформами, имеющими грамматические маркеры, и необходима для построения словаря. Примеры: *ev(dir)*, *sarhoş(tur)*, *geç(tir)*, *üçüncü(dür)*, *arama(dir)*, *yapmak(tir)*.

Форма родительного падежа образуется с помощью аффикса *-(n)in* и его фонетических вариантов. Функция данного падежа заключается в том, что в каждом конкретном случае его показатель добавляет к значению основы определенную служебную информацию, а именно: предмет, называемый основой, следует воспринимать как обладателя какого-либо предмета. Иными словами, падежный показатель сигнализирует о том, что предмет связан с другим предметом отношением, которое коммуникант, производящий высказывание, счел возможным истолковать как отношение принадлежности.

Сформулированное значение родительного падежа включает в себе то обобщенное языковое представление о принадлежности, которое содержится и в значении каждой из форм принадлежности. Однако падежное значение представляет собой обобщение другого полюса этого отношения: если форма категории принадлежности сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, есть объект обладания, то форма родительного падежа указывает на субъект обладания. То есть, в примерах *kadın adı* 'женское имя', *bu kadının adı* 'имя этой женщины' слово *ad* является объектом обладания. Однако в первом случае субъект обладания неконкретен, а во втором – конкретен. Более того, родительный падеж в турецком языке способен выражать как действительно поссессивные отношения между предметами, так и вообще всякую зависимость одного имени от другого.

Форма винительного падежа в турецком языке образуется с помощью аффикса *-(y)i* и его фонетических вариантов. Значение винительного падежа выражает действие прямо и непосредственно распространяемое на предмет и наиболее полно затрагиваемое им. Названная «прямообъектность» находит подтверждение в явной автономности винительного падежа и факультативности его использования, подобно родительному падежу. Однако с чисто формальной позиции этот падеж в языке присутствует и присутствие его необходимо. Проиллюстрируем использование данного падежа на примерах:

Geçen yaz çok kitap okudum. 'Прошлым летом я прочел много **книг**';

Geçen yaz bu kitabı okudum. 'Прошлым летом я прочел эту **книгу**';

Her sabah pencere açarım. 'Каждое утро я открываю **окно**';

Her sabah odanın perçeresini açarım. 'Каждое утро я открываю **окно** своей комнаты'.

Можно говорить о том, что винительный падеж выступает в турецком языке в значительной степени как факультативное морфологическое средство, т.е. прилегающее прямое дополнение может выступать в именительном падеже во всех случаях, когда отношения между действием и предметом ясны из контекста и отсутствует коммуникативная потребность эксплицитно выразить прямообъектность предмета.

Таким образом, описанные родительный и винительный падежи в турецком языке функционируют так же, как служебные слова, т.е. не в соответствии с автоматически действующими формальными правилами (что характерно для падежных показателей в индоевропейских языках), а в соответствии с коммуникативной задачей.

Следующая группа падежей включает в себя дательный, исходный, местный и инструментальный падежи. Данные падежи создают отдельную группу в противопоставление «факультативным» родительному и винительному падежам как обязательные к использованию в речи, а также как имеющие повышенную коммуникативную нагрузку в силу их многозначности. Также, данные падежи берут на себя нагрузку предлогов, широко присутствующих в индоевропейских языках.

Форма дательного падежа образуется с помощью аффикса *-(y)a* или *-(y)e* и передает смыслы, относящиеся к широкому диапазону различных степеней абстракции. В зависимости от семантики глагола, с которым взаимодействует предмет, дательный падеж может обозначать предмет, являющийся объектом, в направлении которого совершается действие, объектом, на который что-то кладут или садятся, которому что-либо дают, который накрывают и т.п. Многообразие предметных связей, передаваемых посредством формы дательного падежа, весьма велико, и все они не могут быть перечислены. Однако представляется, что все его смыслы сводимы к абстракции: предмет есть объект, находящийся с каким-либо явлением в таком косвенном отношении, которое характеризуется направленностью к этому объекту. Видимо, эту абстракцию и следует признать значением формы дательного падежа. Например:

Dersten sonra eve gittiler. ‘После занятий они пошли **домой**’;

Dolap mutfağa sığmaz. ‘Шкаф не поместится **в кухне**’;

Bize odasını gösterdi. ‘Он показал **нам** свою комнату’;

Ülkeyi gezmeye geldik. ‘Мы приехали, **чтобы попутешествовать** по стране’.

Форма исходного падежа образуется посредством аффикса *-dan* и его вариантов. Содержание смысла исходного падежа сводится к следующему: предмет есть объект косвенного отношения, характеризующегося направленностью в сторону от него. Родственными другим – трансгрессивным отношениям – и потому передаваемыми с опорой на одно и то же значение представляются такие, при которых предмет мыслится как орудие, средство осуществления действия:

Arabadan bindim. ‘Я вышел **из машины**’;

Bizden annesine koştu. ‘**От нас** он побежал к своей маме’;

Bu fikirden bir türlü vazgeçemiyordum. ‘Я никак не мог отделаться **от этой мысли**’;

Kirli sudan alerjik oldum. ‘**Из-за** грязной воды у меня началась аллергия’.

С некоторыми послелогонами аффикс исходного падежа образует устойчивые сочетания (*-dan başka*, *-dan beri*, *-dan sonra*, *-dan dolayı* и др.), морфологические комплексы, имеющие значения, слабо мотивированные значениями компонентов.

Местный падеж образуется с помощью аффикса *-da* и его вариантов. Имя в форме местного падежа означает предмет, являющийся местом, точкой или пространством, в котором имеет место какое-либо событие, моментом или временным отрезком времени, в который или в течение которого событие происходит:

Odada akvaryum var. ‘**В** комнате есть аквариум’;

Sokakta insanlar yürüyor. ‘**По** улице идут люди’;

Masada güzel bir kitap duruyor. ‘**На** столе лежит замечательная книга’;

Evde kimse yok. ‘**Дома** никого нет’.

Отношения, передаваемые местным падежом, говорящий может обнаруживать и в сфере «отвлеченных» понятий. Например:

Bu firmada çalışmak istemekte haklısın ‘Ты прав **в том, что хочешь** работать в этой фирме’.

Dans etmekte birinci oldum. ‘Я стала первой (чемпионкой) **по танцам**’.

Творительный, или инструментальный, падеж образуется путем присоединения к основе аффикса *-(y)la* или написания после слова послелого *ile*. Этот падеж передает значения, схожие со значениями, передаваемыми в русском языке творительным падежом (кем? чем?) или предлогами *с, по* и другими. Данный падеж, как и ранее описанные, сочетается практически с любыми словоформами турецкого языка, и при этом образует сложные грамматические конструкции, в которых его значение ‘творительность’ или ‘инструментальность’ нивелируется. Часто используется с послелогом *beraber* и *birlikte*. Например:

Eti bıçakla kes. ‘Разрежь мясо **ножом**’;

Annenle konuşmak istiyorum. ‘Я хочу поговорить **с** твоей мамой.’;

Beni görmek istememle birlikte bana yardım ettim. ‘**Хотя ты и не хотел** меня видеть, ты мне помог’.

Возвращаясь к именительному падежу, или «форме имени», которая трактуется как основной падеж в турецком языке, не имеющий материального показателя, можно сказать, что он предстает в турецком языке на фоне форм, имеющих падежные аффиксы, как форма, не несущая сама по себе какой-либо информации об участии предмета в тех или иных отношениях. Показатель каждого падежа, в свою очередь, добавляет к лексическому значению имени или к сложному значению предшествующей части словоформы информацию о том, в каких отношениях находится называемый данным именем предмет с другими предметами и действиями.

Форма *экватива* образуется с помощью аффикса *-sa* и в языке используется относительно мало, как правило, в предложениях со страдательными конструкциями. Эта категория имеет два родственных значения ‘предмет–обстоятельство–средство действия’ и ‘предмет–объект сопоставления’. Например:

Hareketlerince (vlu hareketlerinle) beni çok korkuttun. ‘**Своими поступками** ты меня напугал’;

Bizce ne kadar çok getirirsen o kadar iyi olur. ‘**Мы считаем, чем больше** принесешь, тем лучше’.

Аффикс *-ki*, образующий относительное имя прилагательное и являющийся, по мнению некоторых исследователей, именным средством вторичной репрезентации [4, с. 50], позволяет в турецком языке представлять в качестве признака или предмета местонахождение предмета в пространстве, время когда происходит событие, или принадлежность одного предмета другому. Как одно из типичных средств технического преобразования слов данный показатель своей способностью занимать отдаленное от основы место в цепочке аффиксов подтверждает правильность тезиса о том, что турецкая словоформа конструируется в момент формирования высказывания. Этот аффикс может присутствовать в одной словоформе дважды: *köşedekininki* ‘принадлежащий тому, который в углу’.

Таким образом, максимальная *именная парадигма* турецкого языка выглядит так [3, с. 18]:

Именная основа	Аффикс множественности	Аффикс принадлежности	Аффикс падежа	Аффикс относительности <i>-ki</i>
----------------	------------------------	-----------------------	---------------	-----------------------------------

Однако технически можно «ходить по кругу» и наращивать аффиксы: *gözlük* ‘очки’, *gözlükçü* ‘продавец/изготовитель очков’, *gözlükçülük* ‘работа по продаже/изготовлению очков’, *gözlükçülükçü*, *gözlükçülükçülük*, и т.д.

Отличительной чертой именных основ в турецком языке является их способность присоединять аффиксы сказуемости и образовать целые предложения, в которых одно слово, состоящее из нескольких элементов, выполняет функции и подлежащего и сказуемого. Например: *Öğretmendim*. ‘Я был преподавателем’; *Birincisin*. ‘Ты первый’; *Evdeymişsin* ‘Ты, оказывается, был дома’.

В основе всех форм категории сказуемости для именных форм в турецком языке лежит одна грамматическая структура «основа + личный аффикс определенного типа» [5, с. 390]. Изменение ее по лицам представляет собой механизм репрезентации субъекта суждения значения любого из трех лиц или двух чисел. *Именная категория сказуемости* включает в себя три более частные категории: 1) совокупность форм изъявительной модальности, которая, в свою очередь, распадается на две еще более мелкие категории – настоящего и прошедшего времени; 2) совокупность форм субъективной модальности; 3) совокупность форм условной модальности. Именная категория сказуемости взаимодействует с аналогичной глагольной категорией, уступая последней место тогда, когда необходимо выразить такое время или такую модальность, которые не могут быть выражены посредством именного сказуемого. Образование данной категории осуществляется четырехвариантным аффиксом. Эти аффиксы пишутся на конце слова слитно с основой. Например: *öğrenciyim* ‘я студент (есть)’– *öğrencisin* ‘ты студент (есть)’– *öğrenciymişiz* ‘мы были студентами (оказывается)’– *öğrenciysanız* ‘если вы студенты’– *öğrenciydin* ‘ты был студентом’.

Отрицательная форма категории сказуемости имени осуществляется при помощи служебного слова *değil*, которое пишется отдельно от именной части и оттягивает на себя аффикс сказуемости. То есть фраза типа *öğrenci değilim* дословно переводится на русский язык как 'студент не есть я'. Служебное слово *değil* используется в качестве средства для выражения отрицания со всеми словоформами в турецком языке, имеющими именную семантику. Например: *güzel değilsiniz* 'вы не красивы' (имя прилагательное), *geç değil* 'не поздно' (наречие), *ikinci değildin* 'ты не был вторым' (имя числительное), *evde değildim* 'я не был дома' (имя существительное в местном падеже) и т.п. Заметим, что в турецком языке написание местоимений вместе с именными или глагольными формами необязательно, так как можно установить лицо говорящего по типу аффикса сказуемости или принадлежности, завершающему именную или глагольную форму.

Итак, рассмотрение именных форм в турецком языке указывает на существенное различие в традиционной индоевропейской и тюркской языковых системах. Морфология турецкого имени демонстрирует стандартную и четкую парадигму склонения, устойчивую последовательность аффиксации. Кроме этого, именные формы в турецком языке способны образовывать целые именные предложения, в которых подлежащее и сказуемое являются одним и тем же словом. Морфологические признаки турецкого имени отлично систематизируются, благодаря чему именная форма, как одна из важнейших в турецкой морфологии, поддается детальному описанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дениз-Йылмаз, О. Категория номинализации действия в турецком языке / О. Дениз-Йылмаз. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 227 с.
2. Ульмезова, Л.М. Глагольное словоизменение в турецком и карачаево-балкарском языках : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.22 / Л.М. Ульмезова; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 23 с.
3. Solak, A. Design and implementation of a spelling checker for Turkish / A. Solak // Literary and Linguistic Computing. – Oxford Univ. Press, 1993. – 27 p.
4. Гузев, В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя / В.Г. Гузев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 141 с.
5. Dilek, Z. Statistical Morphological Disambiguation for Agglutinative Languages / Z. Dilek, K. Öflazer, G. Tür. // Computers and Humanities. – Kluwer Academic Publishers, 2002. – № 36. – P. 381–410.

This paper deals with morphological characteristics of Turkish shown on the material of Turkish nominal forms. For agglutinative language like Turkish, the concept of word is much larger than the set of vocabulary items. Word structures can grow to be relatively long by addition of suffixes and sometimes contain an amount of semantic information equivalent to a complete sentence. Turkish nominal forms are an example of standard grammatical paradigm, on the one hand, and of wide semantic importance of Turkish grammar, on the other.

Поступила в редакцию 11.11.11

А.С. Синевич

ТРАДИЦИОННЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОМПОЗИТ В ТЕКСТАХ АРЕОПАГИТСКОГО КОРПУСА (V–VI вв. н.э.)

Статья посвящена исследованию композит в структуре текстов Ареопагитского корпуса. Проблема композит рассматривается разносторонне: выделяются структурные модели, по которым строятся сложные слова в Ареопагитиках (в том числе приводится количественный анализ), а также описываются основные способы образования композит: тематическое и атематическое словосложение. Представлены структурные модели, которые в целом характерны для древнегреческого языка и имеют в нем богатую историю, а также специфические, характерные для текстов Ареопагитского корпуса и обусловленные его философско-богословским содержанием.

Сложные слова (компози́ты) являются отличительной и характерной чертой древнегреческого языка со времен возникновения письменности. Сложные слова занимают, как правило, значительную часть лексического состава поэтических текстов, религиозной и философской литературы, где зачастую была необходимость в создании различных специальных наименований и введении терминов.

Рассмотрим особенности использования Псевдо-Дионисием Ареопагитом (V–VI вв. н.э.) композит, необходимых для выражения сложных философско-богословских категорий, а также проанализируем структурные и словообразовательные модели сложносоставных слов. Трактаты «О божественных именах» и «О мистическом богословии» Ареопагитского корпуса¹ были выбраны в связи с тем, что язык корпуса практически не был исследован в современной русскоязычной науке. Отдельные трактаты Ареопагитского корпуса исследовались Г.М. Прохоровым [1] и А.Л. Соломоновской [2]. В зарубежной литературе язык Ареопагитик исследовали S. Fahl, D. Fahl [3], [4], B.R. Suchla [5] и др.

Философско-богословское содержание текстов этого корпуса обусловило присутствие в них большого количества разнообразных композит. Ведь, как отмечает Р.М. Цейтлин, сложные слова «употреблялись, главным образом, в так называемом «культурном словаре» – в поэтической речи и в специальных наименованиях ... философской и религиозной сфер человеческой деятельности» [6, с. 207].

Проанализируем возможности соединения корней слов, принадлежащих к различным частям речи. Структурные модели композит в текстах Ареопагитского корпуса исключительно многообразны. В этом многообразии можно выделить *основные модели (частотные, употребительные)* и *специфические (окказиональные)*.

¹ Ареопагитский корпус составляют три богословско-философских трактата «О божественных именах», «О мистическом богословии», «О небесной иерархии» и шесть писем к Тимофею на древнегреческом языке, датированные V–VI вв. н. э.

К основным структурным моделям композит относятся двукорневые сложные слова. Компонентный состав и примеры композит представлены в таблицах 1, 2, 3.

Т а б л и ц а 1

Композиты с первой отыменной частью

Структурная модель	Пример и перевод	Компонентный состав*	Количество разных лексем, % от общего количества
Существительное + существительное	1. <i>θεολόγος, ου, ὁ</i> ‘богослов’** 2. <i>φυσιολογία, ἡ</i> ‘физиология’	1. <i>θεός</i> ‘Бог’ + <i>λόγος</i> ‘слово’ 2. <i>φύσις</i> ‘природа’ + <i>λόγος</i> ‘слово’	12
Существительное + прилагательное	1. <i>θεόσοφος, ου, ὁ</i> ‘богомудрый’ 2. <i>εἰρηνοχύτος, 2</i> ‘изливающий мир’	1. <i>θεός</i> ‘Бог’ + <i>σοφός</i> ‘мудрый’ 2. <i>εἰρήνη</i> ‘мир’ + <i>χυτός</i> ‘пролитый’	3
Существительное + глагол	1. <i>θεοποιός, 2</i> ‘боготворящий’ 2. <i>θεομίμητος, 2</i> ‘богоподобный’	1. <i>θεός</i> ‘Бог’ + <i>ποιέω</i> ‘делать’ 2. <i>θεός</i> ‘Бог’ + <i>μιμέομαι</i> ‘напоминать’	12,5
Прилагательное + существительное	1. <i>ἱερολόγος, ου ὁ</i> ‘священнослов’ 2. <i>ἰσάγγελος, 2</i> ‘равноангельский’	1. <i>ἱερός</i> ‘священный’ + <i>λόγος</i> ‘слово’ 2. <i>ἴσος</i> ‘равный’ + <i>ἄγγελος</i> ‘ангел’	15
Прилагательное + прилагательное	1. <i>ὁμοάγαθος, 2</i> ‘равный добру’ 2. <i>πάγκαλος, 2</i> ‘всепрекрасный’	1. <i>ὁμός</i> ‘одинаковый’ + <i>ἀγαθός</i> ‘благой’ 2. <i>πᾶς</i> ‘весь’ + <i>καλός</i> ‘красивый’	4
Прилагательное + глагол	1. <i>πλεονεκτέω</i> ‘превосходить’ 2. <i>παμμιγῶς</i> ‘со всем перемешавшись’	1. <i>πλέων</i> ‘большой’ + <i>ἔχω</i> ‘иметь’ 2. <i>πίς</i> ‘весь’ + <i>μείγνυμι</i> ‘смешивать’	12
Числительное + существительное	1. <i>δουοειδῆ</i> ‘двувидно’ 2. <i>ἐναρχία, ἡ</i> ‘единовластие’	1. <i>δύο</i> ‘два’ + <i>εἶδος</i> ‘вид’ 2. <i>εἷς</i> ‘один’ + <i>ἀρχή</i> ‘власть’	2,5
Числительное + глагол	1. <i>ἐνοποιός, 2</i> ‘единотворящий’ 2. <i>μυριόλεκτος, 2</i> ‘тысячу раз сказанный’	1. <i>εἷς</i> ‘один’ + <i>ποιέω</i> ‘делать’ 2. <i>μυριάς</i> ‘десять тысяч’ + <i>λέγω</i> ‘говорить’	2
Всего			63

* Здесь и далее компонентный состав приводится по изданию: Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М., 1958. – Т. 1–2.

** Здесь и далее перевод дается по изданию: Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. – М., 1991.

Как видно из табл. 1, наиболее частотной является модель «прилагательное + существительное». Это можно объяснить тесной связью синтаксиса и словосложения, которую постулируют многие лингвисты (Е.А. Земская [7], Е.С. Кубрякова [8], Л. Блумфильд [9] и др.). Интересным в этой связи представляется вопрос соответствия наиболее частотных синтаксических конструкций наиболее продуктивным моделям словосложения. Можно предположить, что наиболее частотные синтагмы с большей регулярностью подвергаются сжатию в силу действия закона языковой экономии. В связи с тем, что синтаксическая конструкция «определение + определяемое», выражающая атрибутивные отношения, была в древнегреческом языке частотной, количество композит структурной модели «прилагательное + существительное» оказалось наибольшим.

Т а б л и ц а 2

Композиты с первой отглагольной частью

Структурная модель	Пример и перевод	Компонентный состав	Количество разных лексем, % от общего количества
Глагол + существительное	1. <i>φιλανθρωπία, ἡ</i> 'человеколюбие' 2. <i>φιάνθρωπος, 2</i> 'человеколюбивый'	1. <i>φιλέω</i> 'любить' + <i>ἄνθρωπος</i> 'человек' 2. <i>φιλέω</i> 'любить' + <i>ἄνθρωπος</i> 'человек'	2,5
Глагол + прилагательное	1. <i>φιλόσοφος, ου ὁ</i> 'философ' 2. <i>ζωοσόφος, 2</i> 'живопремудрый'	1. <i>φιλέω</i> 'любить' + <i>σοφός</i> 'мудрый' 2. <i>ζάω</i> 'жить' + <i>σοφός</i> 'мудрый'	0,5
Глагол + глагол	1. <i>ζωοποιέω</i> 'животворить' 2. <i>βλασφημέω</i> 'произносить хулу'	1. <i>ζάω</i> 'жить' + <i>ποιέω</i> 'делать' 2. <i>βλάπτω</i> 'вредить' + <i>φημί</i> 'говорить'	2
Всего			5

Как показывает табл. 2, композиты с первым отглагольным компонентом значительно уступают по количественным показателям отыменным. Это, возможно, свидетельствует о том, что основная функция деривации – номинативная – связана в первую очередь с именем. Также можно предположить, что численное преобладание композит со структурой «глагол + существительное» связано с частотностью предикативно-объектных отношений в синтаксисе.

Композиты с первой частью, образованной от местоимений и наречий

Структурная модель	Пример и перевод	Компонентный состав	Количество разных лексем, % от общего количества
Местоимение + существительное	1. <i>αὐτοφῶς</i> , -οτος ὁ 'самосвет' 2. <i>αὐτολίθος</i> , ὁ 'самоцвет'	1. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>φῶς</i> 'свет' 2. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>λίθος</i> 'камень'	6
Местоимение + прилагательное	1. <i>αὐτοκάλλος</i> , ου ὁ, ἡ 'сама-по-себе-красота' 2. <i>αὐτοκακός</i> , 2 'злой-в-собственном-смысле-слова'	1. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>καλός</i> 'красивый' 2. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>κακός</i> 'плохой'	2,5
Местоимение + глагол	1. <i>αὐτοπραγία</i> , ἡ 'самостоятельность' 2. <i>αὐτοεῖναι</i> 'само-по-себе-бытие'	1. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>πράσσω</i> 'делать' 2. <i>αὐτός</i> 'сам' + <i>εἶμι</i> 'быть'	2,5
Наречие + существительное	1. <i>ἀείφωτος</i> , 2 'вечносветлый' 2. <i>Εὐαγγέλιον</i> , ου, τό 'Евангелие'	1. <i>ἀεὶ</i> 'вечно' + <i>φῶς</i> 'свет'; 2. <i>εὖ</i> 'хорошо' + <i>ἄγγελος</i> 'вестник'	4
Наречие + глагол	1. <i>εὐσταθῶς</i> 'крепко стоящий' 2. <i>εὐφημότερος</i> , 3 'заслуживающий лучшей оценки'	1. <i>εὖ</i> 'хорошо' + <i>ἵσταμαι</i> 'стоять' 2. <i>εὖ</i> 'хорошо' + <i>φημί</i> 'говорить'	5
Всего			20

Из табл. 3 видно, что наиболее активно в качестве местоименной части использовалось *αὐτός* 'сам'. Это обусловлено содержательными особенностями текстов Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Частотность структурной модели «наречие + глагол» можно объяснить тем, что «для части речи обозначающей действие особенно важно определить направление действия, время его протекания» [10, с. 37].

Итак, самые распространенные структурные модели композит составляют двукорневые сложные слова, основы которых образованы от самостоятельных частей речи. Как показали подсчеты, наиболее частотной и употребительной моделью является двукорневая композита с первой отыменной частью (в рассмотренных текстах Ареопагитского корпуса более 60 % всех сложных слов). Немного реже употребляются двукорневые слова с местоимением или наречием в качестве первой составной части. В текстах Ареопагитского корпуса достаточно редко употребляются числительные

или отглагольные корни на первом месте при двукорневом сложении. Что касается второй составной части сложных слов, то здесь также можно констатировать численное превосходство отыменных корней.

К специфическим структурным моделям композит относятся двукорневые сложные слова, одна или обе основы которых образованы от служебных частей речи или от производных слов (например, имеющих префиксы), а также трехкорневые композиты.

Модели композит, основы которых образованы от служебных частей речи (союзов и частиц), можно отнести к специфическим, так как численно они уступают перечисленным в предыдущем разделе. Тем не менее при том, что такие слова не отличаются разнообразием, они являются частотными и употребительными, о чем можно судить, например, по количеству их употреблений в текстах Ареопагитского корпуса: *τοιόσδε, τοιάδε, τοιόνδε* ‘такой же’, образованное от *τοῖος* – ‘такой’ + *δέ* – ‘же’ [11, с. 32, 40, 48, 66, 170] ...; *ὅσ τε* ‘так что’, образованное от *ὅς* – ‘что’ + *τε* – ‘и’ [11, с. 82, 84, 124, 156, 166, 168, 226, 240] ...

Специфической является структурная модель «приставка+корень+корень» (табл. 4). При образовании композит по данной модели характерным является использование отрицательной приставки (*a-privativum*), так как создание апофатических (от греч. *ἀποφημί* ‘отрицать’) номинаций – одна из отличительных черт языка Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Т а б л и ц а 4

Композиты, имеющие структурную модель «приставка+корень+корень»

Пример и перевод	Компонентный состав
<i>διηυκριμένος, 3</i> (<i>διευκρινέω</i>) ‘разобранный’	<i>δια-</i> ‘через’ + <i>εὖ</i> ‘хорошо’ + <i>κρίνω</i> ‘разбирать’
<i>ἀπειροδύναμος, 2</i> ‘безмерно мощный’	<i>a-privativum</i> + <i>πεῖραρ</i> ‘предел’ + <i>δύναμις</i> ‘сила’
<i>ἀπειρόνυμος, 2</i> ‘бесконечно-именуемый’	<i>a-privativum</i> + <i>πεῖραρ</i> ‘предел’ + <i>ὄνομα</i> ‘имя’

Уникальными являются структурные модели «корень+приставка+корень»; а также трехкорневые композиты: *τρισυπόστατος, 2* ‘триипостасный’, образованное от *τρεῖς* ‘три’ + *ὑφ-ίστημι* ‘подставлять’ [11, с. 22]; *αὐτοῦπεραγαθότης, ητος ἡ* ‘само-сверхблагость’, образованное от *αὐτός* ‘сам’ + *ὑπερ-* ‘сверх-’ + *ἀγαθός* ‘благой’ [11, с. 202]; а также трехкорневые композиты: *αὐτοκαλλοποιός, 2* ‘красивый-в-собственном-смысле-слова’, образованное от *αὐτός* ‘сам’ + *καλός* ‘красивый’ + *ποιέω* ‘делать’ [11, с. 318].

Следует обратить внимание на единичное употребление таких сложных слов в текстах Ареопагитского корпуса, а также на то, что, по данным словарей А.Д. Вейсмана и И.Х. Дворецкого, эти композиты не используются другими авторами. Можно сделать вывод о том, что в данных случаях Псевдо-Дионисий Ареопагит создает авторские специальные философско-богословские термины.

С л о в о с л о ж е н и е – один из способов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ). Многие лингвисты (Л.В. Вялкина [12], Р.М. Цейтлин [6]) отмечают, что сложные слова являются значительной и характерной частью древних индоевропейских языков, в том числе древнегреческого.

Соединение двух основ при создании нового сложного слова может быть *тематическим* (с использованием соединительного гласного, интерфикса) или *атематическим* (непосредственное соединение основ или корней).

Общей закономерностью тематического словосложения является избегание зияния [13, с. 11], т.е. непосредственного следования одного гласного за другим (кроме *υ* и *ι*) или же одного согласного за другим. В связи с этим, основы, заканчивающиеся на согласный, присоединяются ко второй части при помощи соединительной гласной *-ο-*, если она, в свою очередь, начинается с согласного. Например, *παντοδύναμος*, 2 ‘всесильный’, образованное от *πάς* ‘весь’ + *δύναμις* ‘сила’ [11, с. 258, 262]; *φωτοδοσία*, ἡ ‘светодаяние’, образованное от *φῶς* ‘свет’ + *δίδωμι* ‘давать’ [11, с. 26, 74].

В текстах Ареопагитского корпуса довольно часто встречаются случаи, когда соединительный гласный *-ο-* появляется после основ, оканчивающихся на *υ* и *ι*. Например, *φυσιολογία*, ἡ ‘физиология’, образованное от *φύσις* ‘природа’ + *λόγος* ‘слово’ [11, с. 68] или *μυριόλεκτος*, 2 ‘тысячу раз сказанный’, образованное от *μυριάς* ‘десять тысяч’ + *λέγω* ‘говорить’ [11, с. 314].

Соединительный гласный *-ο-* сохраняется перед гласными, если вторую часть в сложении занимает слово, которое изначально начиналось с дигаммы: *θεο-φειδής*, 2 ‘богоподобный’, образованное от *θεός* ‘Бог’ + *εἶδος* ‘вид’ [11, с. 20, 32, 74, 120]... или *ἑνοειδῶς* ‘единовидно’, образованное от *εἷς* ‘один’ + *εἶδος* ‘вид’ [11, с. 108, 330].

Если же на стыке основ все же встречаются два согласных, т.е. не используется соединительный гласный, то эти согласные изменяются под воздействием ассимиляции: *πάγκαλος*, 2 ‘всепрекрасный’, образованное от *πάς* ‘весь’ + *καλός* ‘красивый’ [11, с. 106]; *παγκτησία*, ἡ ‘овладение, обладание’, образованное от *πάς* ‘весь’ + *κτάομαι* ‘приобретать’ [11, с. 322].

А тематическое словосложение характеризуется непосредственным присоединением корней или основ друг к другу. Например *δυοειδῆ* ‘двувидно’, образованное от *δύο* ‘два’ + *εἶδος* ‘вид’ [11, с. 156]; *ἀείφωτος*, 2 ‘вечносветлый’, образованное от *ἀεί* ‘вечно’ + *φῶς* ‘свет’ [11, с. 98]; *Εὐαγγέλιον*, οὐ, τό ‘Евангелие’, образованное от *εὖ* ‘хорошо’ + *ἄγγελος* ‘вестник’ [11, с. 344]. Однако, несмотря на кажущуюся тривиальность, и этот способ словосложения имеет свои особенности в древнегреческом языке. Рассмотрим некоторые из них на примере текстов Ареопагитского корпуса.

В случае попадания на стыке основ двух гласных, кроме *υ* и *ι* (так называемого зияния), происходит либо их слияние, либо отпадение конечного краткого гласного первой основы (часто перед долгим начальным гласным второй основы): *ἀγαθουργικός*, 3 ‘благодетельный’, образованное

от *ἀγαθός* ‘благой’ + *ἔργον* ‘дело’ [11, с. 76] – в данном случае происходит слияние двух кратких гласных *ο* и *ε* в диграф *ου*; *αὐτάρκης*, 2 ‘самостоятельный’, образованное от *αὐτός* ‘сам’ + *ἀρκέω* ‘быть достаточным’ [11, с. 338] – здесь отпадает конечный краткий гласный первой основы *ο* перед начальной *α* следующего корня.

Однако в текстах Ареопагитского корпуса встречаются специальные философско-богословские термины, допускающие зияние, что позволяет говорить, как минимум, о специфичности таких слов или даже об авторских словообразовательных неологизмах. Можно рассмотреть композиту *ἀγαθοεργός*, 2 ‘добротворящий’, образованную от *ἀγαθός* ‘благой’ + *ἔργον* ‘дело’ [11, с. 118] и сравнить ее с композитой состоящей из тех же основ *ἀγαθουρικός*, 3 [11, с. 76]. При сравнении становится заметно несвойственное для греческого языка зияние, которое также присутствует в словах: *αὐτοαγιότης*, -ητος ἡ ‘сама-по-себе-святость’, образованное от *αὐτός* ‘сам’ + *ἅγιος*, 3 ‘святой’ [11, с. 322]; *αὐτοαγαθότης*, ητος ἡ ‘сама-по-себе-благость’, образованное от *αὐτός* ‘сам’ + *ἀγαθός* ‘благой’ [11, с. 318].

На основании анализа традиционных и специфических словообразовательных стратегий, реализованных Псевдо-Дионисием Ареопагитом в его богословских трактатах и письмах, можно сделать вывод о том, что Ареопагит был способен виртуозно использовать, а также создавать сложные слова.

Тексты Ареопагитского корпуса воспроизводят развитую древнегреческую философскую терминологию, содержат в себе богословские толкования важнейших христианских категорий, столь необходимые в переходную эпоху.

Особенности языка текстов Ареопагитик определяются умозрительной, стилистической и терминологической сложностью одновременно с «эмоционально насыщенным, синтаксически сложным, ярким индивидуальным стилем Дионисия» [11, с. 8]. Поскольку автор пишет о трансцендентном, запредельном и непознаваемом, использование специфической сложносоставной терминологии, а также сложных понятий (как правило, выраженных композитами) становится очевидным и необходимым. Столь же очевидными представляются и сложности перевода таких слов на другие языки, что может быть исследовано в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров, Г.М. Корпус сочинений с именем Дионисия Ареопагита в древнерусской литературе (проблемы и задачи изучения) / Г.М. Прохоров // ТОДРЛ. – Л. : Наука, 1976. – Т. 31. – С. 351–361.
2. Соломоновская, А.Л. Непереведенные комментарии к патристическому тексту / А.Л. Соломоновская // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 59–67.

3. Харней, Ю. Метафизика предлогов: повторяющиеся непонятные маргиналии в древнейшей рукописи славянского перевода творений Дионисия Ареопагита / Ю. Харней [и др.] // ТОДРЛ. – СПб. : Наука, 1990. – Т. 54. – С. 116–122.
4. Fahl, S. Der Starec Isaja als Leser. Scholien und Scholienfragmente unbekannter Herkunft in der ersten vollständigen Kirchenslavischen Übersetzung des Corpus Areopagiticum / S. Fahl, D. Fahl // ТОДРЛ. – СПб. : Наука, 2008. – Т. 58. С. 87–99.
5. Suchla, B.R. The Greek Corpus Dionysiacum Areopagiticum and its Reception in the Byzantine Tradition / B.R. Suchla // Неоплатонизм и христианство: сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. на Иван Христов. – София, 2004. – Ч. 2: Византийска та традиция. – С. 9–62.
6. Цейтлин, Р.М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. / Р.М. Цейтлин. – М. : Наука, 1977. – 336 с.
7. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – 3-е изд. – М. : URSS: ЛКИ, 2007. – 220 с.
8. Кубрякова, Е.С. Формальные и содержательные характеристики производного слова / Е.С. Кубрякова // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках; редкол.: Е.С. Кубрякова [и др.]. – Гродно, 1990. – С. 3–12.
9. Блумфильд, Л. Язык / Л. Блумфильд – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 606 с.
10. Земская, Е.А. Как делаются слова / Е.А. Земская. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 93 с.
11. Дионисий Ареопагит / под ред. Г.М. Прохорова. – СПб. : Глаголь, 1994. – 371 с.
12. Вялкина, Л.В. Сложные слова в древнерусском языке: На материале письменных памятников XI–XIV вв : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.В. Вялкина; АН СССР. – М., 1965. – 25 с.
13. Соболевский, С.И. Древнегреческий язык: учебник / С.И. Соболевский. – М. : Лист Нью, 2003. – 617 с. – (Репринтное издание. Серия «Классика»).

The article is dedicated to the study of composites in the structure of Areopagitical corpus. There are structural models (including quantity analysis) and description of possible composite's formations in it. The article represents typical for Greek Language models of composites and specific ones, used in the Areopagitical corpus only.

Поступила в редакцию 21.11.11

В.М. Федосеева

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ РИТМА ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье сообщаются результаты сравнительного исследования ритма английского и русского стиха. Поскольку основой ритма стиха является метр, было проведено изучение состава и частотности метров в английском и русском стихосложении, а также статуса метров как культурных кодов, существующих в сознании носителей обоих языков. Сделана попытка установления степени свободы переводчика при выборе им метрических

схем в русском переводе оригинального текста. Рассмотрены возможности передачи метра, связанные с факторами межъязыковой асимметрии на фонетическом и грамматическом уровнях, а также эффект взаимодействия требований к передаче ритма и соблюдения принципа эквилинеарности.

Исследование ритма поэзии является более сложной задачей, чем может показаться на первый взгляд. На суперсегментном уровне ритм стиха может быть определен как чередование *стоп (ритмогрупп)* с упорядоченным расположением проклитиков и энклитиков относительно ударного слога. Фонологической основой ритма стиха является его *метрическая структура*, функция которой состоит в том, чтобы, разбивая текст на сегменты, организованные идентичным или сходным образом, сигнализировать о его принадлежности к поэзии [1, с. 54]. Наиболее удачным определением сущности метрических схем является определение Ю.М. Лотмана, по утверждению которого они представляют собой некоторую инвариантную систему констант [1, с. 46].

Еще более сложной задачей является нахождение эквивалентного содержанию оригинала *ритма стиха при переводе*. Трудность решения данной проблемы обусловлена прежде всего тем, что существует органическая связь между ритмом и смыслом, специфичная для каждого национального языка. Являясь одним из механизмов культурной памяти социума, метры несут в себе информацию о традиции их использования в той или иной национальной литературе [2, с. 11].

Ключевым понятием для исследования связи между метром и смыслом является термин *семантический ореол*, трактовки которого лингвистами детально исследованы М.Л. Гаспаровым [2, с. 9–18]. Очевидно, что избираемый поэтом метр связан с целой сетью смысловых ассоциаций и может быть назван «эмблемой смысла», поскольку он создает определенную инерцию ожидания.

Исследователи рассматривают семантический ореол как явление семантизации плана выражения, как некий код, обладающий не только суперсегментной, но и надъязыковой природой [2, с. 291]. Наиболее радикален в этом вопросе Ю.М. Лотман, который утверждает, что ритм стиха является смыслоразличающим элементом, поскольку он обладает способностью придавать смыслоразличительный характер и тем языковым элементам в составе стиха, которые в обычном употреблении его не имеют [1, с. 45].

Английские исследователи, не устанавливая прямой связи между метром и содержанием произведения, утверждают, что одним из немногих абсолютных правил построения поэтического текста является требование адекватности формы содержанию. Данное требование не означает, по мнению Л. Перрайна [3, с. 196], что должно существовать явное и легко воспринимаемое соответствие между ними – важно, однако, чтобы не было явного расхождения между избранным поэтом метром и смыслом стихотворения, которое способно уничтожить смысл. Так, если поэт выберет быстрый и напевный ритм для серьезного содержания, то он помешает читателю испытать по-настоящему глубокое чувство. Таким образом, фактически анг-

лийскими исследователями признается наличие некой ритмико-тематической инерции, что вполне согласуется с понятием семантического ореола, разработанного в русской теории стиха.

Очевидно, что ритм стиха является наиболее действенным средством адаптации формы к содержанию, что должно учитываться переводчиком поэзии. Знания о метрах как о культурных кодах этноса, дифференциации и интеграции семантических окрасок в пределах одного семантического ореола, помогут переводчику избрать нужную, не противоречащую содержанию форму произведения, способствуя тем самым адекватной передаче эстетической функции поэтической речи и смысла стиха.

Набор основных метров в английской и русской поэзии сходен, однако частота их использования поэтами различна. Исследователи отмечают, что для английского стихосложения характерно абсолютное преобладание *ямба*, которым написаны около 80 % метрических стихов. Вторым по частотности является *анapest*, гораздо меньшей распространенностью характеризуется *хорей*, что же касается *дактиля*, то в английском стихе, по выражению Л. Перрайна, он редок, как музейный экспонат [3, р. 177–178]. Широкое распространение *ямба* и *анапеста* дает исследователям основание для заключения, что в английских стихах существуют, на самом деле, лишь два метра: строгий *ямб* и свободный *ямб*, в котором *ямбические* стопы могут перемежаться с другими метрами – *хореем*, *спондеем* и *односложной* стопой, но все-таки чаще всего с *анapestом*. Хотя данное заключение является некоторым преувеличением, оно характеризует основные тенденции ритмической организации английского стиха.

В русском стихосложении, как и в английском, наиболее распространенным является *ямбический* метр, семантический ореол которого чрезвычайно широк – от патетики до пародийности [4, с. 150–157; 2, с. 26–48]. Вторым по частотности, в отличие от английского стиха, является *хорей*, традиционный для написания элегических, бытовых и юмористических стихов, а также стихов, относящихся к исконно-песенному жанру, романтических, любовных и раскрывающих тему «пути» [2, с. 24–30, 51–68]. Отличие русской метрической системы от английской состоит также в том, что *анapest*, чрезвычайно употребительный в английском стихе, занимает очень скромное место в русском – от 6 до 15 % от общего числа метров. *Дактиль*, очень редкий в английском стихе, достаточно частотен в русском (до 20 %). Такой же частотностью обладает *амфибрахий* [4, с. 16], который, как правило, не включается в состав английских метров.

Идеальное совпадение метра оригинала и перевода возможно, но часто бывает затруднено рядом факторов. К ним относится прежде всего краткость большого количества английских слов, в результате чего строки английских стихов обладают чрезвычайной семантической емкостью. Если переводчику удастся сохранить такой же метр (при условии адекватности его содержанию стиха), то достаточно часто нарушается принцип эквilinearности, т.е. переводчик, чтобы не увеличить количество строк в строфе, вынужден прибавлять еще одну стопу к каждой строке, что может изменить общую тональность стиха.

Еще одна трудность ожидает переводчика в завершении размеров, поскольку большинство английских стихов имеют сплошные мужские рифмы – *мммм*. Данная схема рифм очень редка в русском стихосложении и встречается в некоторых стихах М. Лермонтова («Мцыри», «Русалка»), М. Цветаевой («Стол»), Н. Асеева («Синие гусары») и др. Поскольку для русского уха более привычными являются стихи с чередованием женских и дактилических окончаний с мужскими – *жмжм, дмдм*, то схема *мммм* воспринимается русскими читателями как более жесткая и необычная.

Следует помнить, однако, что в английской поэзии данный вид рифмовки не имеет подобной маркированности, поэтому, используя сплошные мужские окончания строк, переводчик рискует вызвать у русского читателя ненужные семантические ассоциации, хотя главная роль в создании семантической окраски стиха несомненно принадлежит метру. Очевидно, однако, что в случаях, когда в оригинале заложены крайнее напряжение чувств и драматизм, следование схеме *мммм* является оправданным.

Для иллюстрации изложенных положений проанализируем несколько сделанных нами переводов стихов классиков английской поэзии Кристины Россетти (XIX в.) и Уильяма Блейка (XVIII–XIX вв.).

Стихотворение К. Россетти “Up-Hill” («Восхождение») представляет большие трудности для перевода. Преобладающим размером в нем является разностопный ямб (от трех до пяти стоп в строке) при значительной вариативности метрических схем, включающих анапест, хорей, спондей и односложные стопы. В переводе нам удалось сохранить данную вариативность, заложенную поэтессой в тексте оригинала и отражающую смятенное и тревожное состояние души, восходящей к небу, и немногословные, достаточно жесткие ответы сопровождающего ангела. Отмеченное варьирование метра уравнивается сплошными мужскими рифмами, и сохранение данной схемы в переводе способствует, на наш взгляд, не только максимальному приближению к форме оригинала, но и помещает строфы в жесткую рамку мужских окончаний, что позволяет передать строгую и аскетичную тональность повествования. Приведем перевод первой строфы стихотворения:

Does the 'road | 'wind | up-'hill | 'all | the 'way?
'Yes, | to the 'ver- | y 'end.
Will the 'day's | 'jour- | ney 'take | the 'whole | long 'day?
From 'morn | to 'night, | my 'friend.

Доро́- | га все вре́- | мя в го́- | ру иде́т?
Да, | ввѣрх и- | де́т до | конца.
И дол- | гий путь | впереди́ | нас жде́т?
Пока́ | не насту́- | пит тьма́.

Очевидно, что невозможно сохранить в переводе идентичную последовательность стоп с теми или иными метрами, которая задана в оригинале, из-за разной длины входящих в данные сегменты слов, а также по условиям грамматического контекста – отсутствию артиклей и малочисленности аналитических грамматических форм в русском языке по сравнению с английским.

Практически полного совпадения английской и русской метрических схем при переводе удается достичь, когда английское стихотворение обладает менее сложной ритмической структурой, чем рассмотренное выше, например, в случае, когда стихотворение написано строгим трехстопным ямбом (“Remember”):

When 'I | am 'dead, | my 'dearest
 Когда | умру́, | любимый

Однако строгие метрические схемы достаточно редки и, как правило, более сложное содержание требует более сложных метрических схем. Так, в стихотворении К. Россетти “From the Antique” используется традиционная для английского стиха смесь анапеста с ямбом, при наличии хорейных вставок в четных строках:

It's a 'wea- | ry 'life, | it 'is, | she 'said,
 'Doubly | 'blank in | a 'wom- | an's 'lot;
 I 'wish | and I 'wish | I 'were | a 'man
 Or, 'bet- | ter than 'an- | y 'be- | ing, were 'not.
 От жиз- | ни так | устаешь, | мой друг,
 Вдвойне | мучи- | тельней же́н- | ский уде́л;
 Я так | хоте- | ла мужчи- | ной быть,
 А луч- | ше - совсем | не быть | никем.

В переводе нам удалось сохранить данное сочетание метров – анапест + ямб + хорей, причем границы стоп чаще, чем в оригинале, проходят внутри слов, что объясняется различной длиной английских и русских слов. Длина всех слов оригинала не превышает двух слогов, в то время как в переводе их длина доходит до четырех. Отметим в этой связи, что ритмическая граница внутри слова является одним из средств выразительности в стихе, так как благодаря внутреннему членению слов замедляется темп на важных сегментах текста, что служит средством их выделения.

Еще одна проблема переводчика поэзии – соблюдать или не соблюдать принцип *эквilinearности* – одинаковой длины строк в оригинале и переводе? Опыт перевода показывает, что подходы к данной проблеме могут быть разными. Так, своей явной неудачей мы считаем перевод стихотворения У. Блейка “The Sick Rose”, в котором, по сравнению с оригиналом, к каждой строке добавлены лишние стопы. Приводим перевод первой строфы:

O Rose, thou art sick!	2
The invis- ible worm,	2
That flies in the night	2
In the howl- ing storm	2
(Has found out thy bed...)	
Как прекрас- на ты, а- лая роза,	3
В ярком блеске твоих лепестков,	4
Но, но- симый вою- щей бурей,	4
Червь на- шел твой счастли- вый альков.	4

При избрании размера для перевода мы исходили из того, что двухстопная строка, которой написан оригинал, в русской поэзии ассоциируется чаще всего с фольклорными стилизациями (напр., «Коси коса, Пока роса, Роса долой, И мы домой» А. Твардовского) или короткими, часто агрессивными ритмами М. Цветаевой (напр., «Поэма конца»). По этой причине мы удлиннили строку, однако полученный результат нельзя признать адекватным переводом, поскольку он не передает скрытого драматизма стиха У. Блейка и является, по сравнению с оригиналом, многословным и тяжеловесным.

Для сравнения приведем перевод данной строфы В. Топорова, выполненный, в основном, двустопным размером и более соответствующий семантической окраске оригинала, а также, что немаловажно, более приближенный к форме оригинала:

О роза, ты чахнешь! –	2
Оку- танный тьмой	2
Червь, рею- щий в бездне,	3
Где бу- ря и вой,	2
(Пунцовое лоно Твое разоряет...)	

Однако в некоторых случаях удлинение строки может быть оправдано семантикой оригинала, как, например, в нашем переводе стихотворения К. Россетти “Three Seasons”:

A 'CUP for 'hope! she 'said	3
In 'spring- time 'ere the 'bloom was 'old;	4
The 'crim- son 'wine was 'poor and 'cold	4
By her 'mouth's 'richer 'red.	3
«Тóст за надéж- ду!» – мóл- вила она́.	4
Весéн- ний вé- тер слад- ко ду́л с полéй;	5
Румя- нец губ её был гу- ще и алéй,	5
Чем цвет густо- го крас- ного вина́.	4

Добавление лишней стопы во всех строках перевода в данном случае является допустимым и целесообразным, поскольку оригинал представляет собой философское раздумье о смене периодов человеческой жизни, что вполне согласуется с преобладающим размером перевода – четырехстопным ямбом, семантический ореол которого связан в русской традиции с ясностью, спокойствием и лиризмом.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- переводчик поэзии должен владеть знаниями о метре как о «культурном коде», «памяти культуры», существующими в сознании носителей языков оригинала и перевода;

- переводчик с английского языка на русский обладает относительной свободой при выборе метрической схемы русского стиха, поскольку метры в английской и русской поэзии характеризуются достаточным набором общих черт, а наиболее распространенные в русском стихосложении ямб и хорей имеют достаточно дифференцированные семантические ореолы;

- указанная свобода ограничивается, однако, тем, что: а) ритм переводного произведения должен быть максимально адаптирован к смыслу оригинала; б) неприемлемым является разрыв связей между традиционными метрами и тематикой в переводном языке;

- нарушение принципа эквилинеарности может быть оправдано лишь несовпадением семантической окраски того или иного метра в английской и русской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю.М.* Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – М. : Просвещение, 1972. – 270 с.
2. *Гаспаров, М.Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2000. – 297 с.
3. *Perrine, L.* Sound and Sense / L. Perrine. – N.Y. ; London ; Sydney : Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1987. – 342 p.
4. *Томашевский, Б.В.* Теория литературы: Поэтика / Б.В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

The article reports the results of a research on comparing rhythm of English and Russian verse. The research is based on studying the most frequently used kinds of metres regarded as certain cultural codes. The problem of choosing for the Russian translation of the verse proper metrical schemes as well as interference of grammatical and lexical factors have been studied.

Поступила в редакцию 08.11.11

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.В. Ефимова

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК ФАКТОР МОДИФИКАЦИЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ
АНГЛИЙСКИХ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

Статья посвящена анализу модификаций длительности английских ударных гласных в различных фразовых позициях. Вариативность английских вокалических единиц изучается в контексте информационно-смысловой структуры высказывания, которая, согласно принятой трактовке, предопределяет фразовую просодическую структуру в плане соотношения составляющих ее слогов по выделенности. Таким образом устанавливается корреляция между типами просодической и смысловой выделенности элементов высказывания и, соответственно, гласных как носителей просодических характеристик. Результаты проведенного акустического анализа подтвердили значимость рассматриваемого фактора и правомерность избранного подхода к исследованию аллофонии в английском вокализме.

Основным фактором *модификаций длительности гласного* традиционно считается его ударность/безударность. Традиционным является и разграничение безударных гласных в зависимости от позиции по отношению к ударному слогу, в частности, предударных и заударных гласных. В современных исследованиях длительности гласных на материале различных языков учитывается также влияние позиции фонетического слова (акцентной единицы) во фразе (синтагме). Наблюдаемые позиционные различия в длительности гласных обычно объясняются с точки зрения свойственных данному языку особенностей ритмики слова и фразы [1; 2; 3]. Представляется, однако, что при несомненной важности влияния ритмической тенденции, ее нельзя рассматривать в качестве единственной причины вариативности в длительности гласных. Объяснение причин данного явления должно быть дополнено факторами информационно-коммуникативного характера, определяющими ролевое распределение элементов высказывания в его информационной структуре, реализуемое в степени их фонетической выделенности.

Понятие *информационной структуры высказывания* трактуется нами с учетом его поликомпонентности. Оно вбирает в себя, с одной стороны, объективную дифференциацию элементов высказывания по новизне (первичности) информации, а с другой – актуализованную говорящим относительную важность каждого элемента высказывания. Кроме того, объем информационной структуры неотделим от тонкой смысловой нюансировки, определяющей характер связанности между смежными элементами высказывания. Как результат такого подхода, традиционная бинарная схема различения темы/ремы, данного/нового, важного/неважного во фразе трансформируется в градуальную шкалу различных степеней информационной значимости, коррелирующей с различными степенями просоди-

ческой выделенности слова, которая, в свою очередь, согласуется с принятой типологией фразовых ударений (акцентов), а именно разграничением ядерного и полного или частичного неядерного ударений [4; 5].

В ходе экспериментального исследования качественно-количественных характеристик английских гласных в связной речи прежде всего были выделены так называемые собственно ударные и собственно безударные гласные, т.е. гласные внутрисловных ударных и безударных слогов. Ударность или безударность в данном случае является ингерентной константной характеристикой гласных, и меняющиеся условия макроконтекста, за исключением таких случаев, как скандирование, диктовка по слогам и т.п., не в состоянии изменить их соотношение в слове, т.е. превратить безударные гласные в ударные, и наоборот. Далее выделялась группа акцентированных ударных гласных, в случае их реализации в ударном слоге слова-носителя фразового ударения, противопоставленная группе дезакцентированных ударных гласных, в случае их реализации в слове, не маркированном фразовым ударением. Внутри группы акцентированных ударных гласных, в соответствии с нашей концепцией, различались ударные гласные слов-носителей неядерного фразового ударения и ударные гласные слов-носителей ядерного ударения.

Гипотеза исследования состоит в том, что, по аналогии с иерархией просодико-смысловых отношений между элементами высказывания, ударные слоги и, следовательно, гласные слов-носителей фразовых акцентов различаются по степени фонетической (просодической) выделенности. Вследствие такого ранжирования гласные образуют иерархическую цепочку с точки зрения полноты и объема реализации своих качественно-количественных характеристик. На вершине данной иерархии находится ударный гласный, реализованный в конечном ядерном слоге, а у ее основания расположен безударный гласный в безударных слогах дезакцентированных во фразе слов. Если рассматривать градацию степеней выделенности для ударных и безударных гласных отдельно, то для ударных гласных нижнюю градацию занимает гласный, реализованный в ударном слоге дезакцентированных во фразе слов, в то время как для безударных гласных важно, помимо фразовой позиции, учитывать позицию относительно ударного слога в слове.

Исследование длительности английских ударных монофтонгов с учетом названных факторов проводилось на материале устной диалогической речи нейтрально-бытового характера. Материал для экспериментального анализа представлял собой 180 ситуаций, которые продуцировались спонтанно с опорой на контрольные слова (географические названия, имена собственные, фамилии, простые числительные и т.д.) и по аналогии с заданными образцами. Контрольные слова содержали различные гласные монофтонги, которые, в соответствии с заданной моделью коммуникативной структуры рече-фрагментов, оказывались в различных просодических условиях реализации. Таким образом, полученные экспериментальные диалоги содержали слова, реализованные в различных фразово-просодических условиях в рамках одного диалога, что позволило исключить влияние комбинаторного фактора на модификации длительности гласного.

Экспериментальная запись была осуществлена дикторами, носителями произносительной нормы британского варианта английского языка: двумя мужчинами и двумя женщинами. Время звучания полученного материала – 100 мин.

Аналізу длительности ударных гласных предшествовало просодическое транскрибирование звучащих речевых фрагментов. К транскрибированию были привлечены преподаватели-специалисты в области фонетики английского языка (3 человека).

В определении общего списка аллофонов мы исходили из того, что основная задача исследования – установление зависимости воспринимаемых и акустических квантитативных характеристик гласного от названных фразово-просодических условий – не может быть достигнута без учета взаимодействия просодических и сегментных факторов в аллофоническом варьировании. В основу такой классификации был положен инвентарь аллофонов английских гласных, разработанный для моделирования темпорально-ритмических характеристик фразы при многоязычном синтезе речи [6]. Вместе с тем по результатам аудитивного анализа оказалось необходимым дополнить этот список. В частности, была принята во внимание возможность неядерных фразовых акцентов быть носителями кинетического тона – нисходящего ($\searrow m$) или восходящего ($\nearrow m$). Далее учитывалась степень связанности между смежными акцентными единицами в пределах одной интонационной группы (синтагмы) и степень связанности синтагм в рамках высказывания. В этом плане различались: тесный и свободный межакцентные стыки [7] и три типа синтагматического членения: собственно синтагматическое членение ($\{$), автономизирующее синтагматическое членение ($|,||$) и неполное, или промежуточное, синтагматическое членение ($!|$) [8]. Таким образом, принятая нами классификация просодических аллофонов гласных отражает различия в степени смысловой значимости и степени смысловой автономизации слова во фразе, а также степень завершенности синтагмы/фразы.

В плане интересующей нас проблемы, важно было дифференцировать ударные гласные акцентированных и дезакцентированных слов. При этом последние различались в зависимости от их позиции по отношению к словам, выделенным полными неядерными ударениями или ядерным ударением. По данному критерию различались: ударные гласные начальных дезакцентированных слов, т.е. слов, не обозначенных фразовым ударением или обозначенных частичным фразовым ударением, предшествующих первому полному фразовому ударению; ударные гласные неначальных дезакцентированных слов, находящихся внутри предъядерного участка фразы; ударные гласные дезакцентированных слов, находящихся в “хвостовой” части фразы, т.е. встречающихся в заядерном участке.

Особенность анализируемой серии экспериментального материала состояла в том, что сравнению подвергались малые выборки ($5 \leq n \leq 8$). Данное обстоятельство было предопределено условиями эксперимента, предполагающими изучение модификаций длительности гласных в слове

при изменении его позиции во фразово-просодической структуре. Таким образом, группы аллофонов каждого гласного подобраны из реализаций одного и того же слова в разных фразовых позициях. В частности, из полученных записей диалогических фрагментов было отобрано 17 наиболее часто повторяющихся односложных слов, которые репрезентировали 11 словоударных гласных монофтонгов. Данные слова в речи каждого из дикторов встретились в 15–40 реализациях, представляющих различные просодические (фразовые) аллофоны каждого из гласных.

Непосредственному сопоставительному анализу на обсуждаемом этапе исследования были подвергнуты усредненные показатели длительности предъядерных ударных гласных: в акцентированных словах, обозначенных полным фразовым ударением, с одной стороны, и в дезакцентированных словах, т.е. словах, не обозначенных фразовым ударением или обозначенных частичным фразовым ударением, с другой. Мы сочли возможным объединить частично ударные и безударные слова во фразе, поскольку на нашем экспериментальном материале подтвердилось известное из английской нормативной фонетики правило о том, что дезакцентуация знаменательного слова не приводит к замене в нем ударного гласного полного качества редуцированным.

Сопоставлялись также ударные гласные полноударных начальных и срединных акцентных единиц, однако, по результатам статистической оценки средних показателей, существенных различий по длительности между ними выявлено не было. Такой результат не противоречит имеющимся в литературе данным о сокращении длительности гласного, находящегося в срединной акцентной единице во фразе по сравнению с гласным в начальной акцентной единице [6], поскольку в нашем исследовании учитывается не позиция ударного гласного как таковая, а наличие или отсутствие полного фразового акцента на слове. С учетом того, что в ранее проводившихся экспериментальных исследованиях, где дифференцировались начальные и срединные акцентные единицы, как правило, не учитывалось различие между полными и частичными фразовыми ударениями, выявляемая разница в длительности между ударными гласными в начальной и срединной акцентных единицах, по существу, отражала типичное для срединного участка фразы/синтагмы ослабление акцентной выделенности, которое связано со спецификой динамики информационной структуры фразы в английском языке. Согласно полученным в нашем исследовании результатам, полноударные гласные начальной и срединной акцентных единиц могут рассматриваться как реализации одного и того же фразово-просодического аллофона.

Усреднение и статистическая оценка показателей длительности полноударных гласных с учетом разграничения статических и кинетических предъядерных тональных акцентов также не обнаружили различий между ними. В то же время в подгруппах кинетически выделенных ударных гласных нередко встречались значения длительности, которые заметно превосходили длительность других гласных, входящих в подгруппу. Дополнительный аудитивный анализ всех этих случаев, проведенный информан-

тами-носителями языка и фонетистами, показал обусловленность увеличения длительности гласного характером связи (стыка) между смежными акцентными единицами, а именно, длительность ударного гласного значительно увеличивалась в словах, маркированных свободной межакцентной связью. Иными словами, значимым для длительности позиционно-идентичных ударных гласных акцентированных во фразе слов является тип стыка между смежными акцентными единицами, а не их высотно-мелодические характеристики. Так, например, при прочих равных условиях, средняя длительность акцентированного ударного гласного [e] в словах, маркированных тесной межакцентной связью, составляет 89,75 м/с, в то время как средняя длительность данного гласного в словах, характеризующихся свободной межакцентной связью, составляет 112,5 м/с. Среднее соотношение длительности между данными аллофонами составляет 1,27, и, следовательно, длительность гласного в словах, маркированных свободной межакцентной связью, превышает длительность гласного в словах, маркированных тесной межакцентной связью, в среднем на 27 %. Аналогичная тенденция наблюдается и для других гласных в изучаемой предъядерной позиции (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Модификации длительности позиционно идентичных аллофонов
акцентированных ударных гласных
в зависимости от типа межакцентного стыка

Гласный	e		æ		a:	
	тесный	слабый	тесный	слабый	тесный	слабый
\bar{x}	89,75	112,5	110	132	128	181
σ	10	13,4	5,9	7,1	12,6	10,5
V	11	11,9	5,4	5,4	9,8	5,8
t	3,7		6,5		6,6	
p	99,9		99,9		99,9	
Среднее соотношение длительности	1,27		1,2		1,41	

Примечание. Символ \bar{x} – средняя длительность гласного (м/с); σ – стандартное отклонение; V – коэффициент вариации, %; t – критерий Стьюдента; p – вероятность различий, %.

Следующей задачей акустического анализа было выявление зависимости модификаций длительности ударных гласных от наличия/ отсутствия просодико-смысловой выделенности слова во фразе. Проиллюстрируем ее на примере сопоставления длительности предъядерных ударных гласных акцентированных и дезакцентированных/слабоакцентированных слов, формирующих одну сложную акцентную единицу в силу тесной, и при этом неравноценной, смысловой связи между смежными элементами. В частности, это сравнение длительности ударного гласного начального акцентирован-

ного слова (l'm) с ударным гласным начального дезакцентированного слова, т.е. слова, предшествующего первому полному фразовому ударению (l'm'), и с ударным гласным нена начального дезакцентированного слова, т.е. слова, следующего за первым полноударным словом ('m m).

Как видно из данных, представленных в табл. 2, средняя длительность ударных гласных в акцентированных словах превышает среднюю длительность ударных гласных в обоих позиционных типах дезакцентированных слов. При этом важно отметить высокую плотность показателей длительности в пределах анализируемой совокупности реализаций (коэффициент вариации не превышает 16 %), что, как известно, свидетельствует о неслучайном характере выборки.

Т а б л и ц а 2

Варьирование длительности аллофонов собственно ударных гласных в зависимости от характера акцентной выделенности элементов высказывания

Гласный	Статистические показатели	Диктор 1			Диктор 2			Диктор 3		
		<u>l'm</u>	<u>l'm</u> 'm	'm <u>m</u>	<u>l'm</u>	<u>l'm</u> 'm	'm <u>m</u>	<u>l'm</u>	<u>l'm</u> 'm	'm <u>m</u>
I	\bar{x}	82,6	69	75,6	90	72,6	68	93	77,6	80,6
	σ	7,7	11	1,36	5,9	7,1	6,3	4,2	4,5	6,6
	V	9,3	15,9	1,8	6,5	9,8	9,3	4,5	5,8	8,1
i:	\bar{x}	118,2	92,3	88	102,6	81	88,4	110,2	87,6	84,8
	σ	5,5	8,8	10,2	4,3	4,1	5,6	4,4	5,7	9
	V	4,7	9,5	11,6	4,2	5,1	6,3	4	6,5	10,6
A	\bar{x}	139,7	90,3	120,8	121	83	91,8	117	76,8	83,4
	σ	4,9	5,6	5,8	10,6	7,8	2,8	9,1	7,1	11,7
	V	3,5	6,2	4,8	8,8	9,4	3	7,8	9,3	14
a:	\bar{x}	153,6	111,6	112,8	134,9	106,8	111	153	119,6	126,8
	σ	15,3	9,5	9,2	15,4	7,6	7,8	11,8	7,1	6,2
	V	10	8,5	8,2	11,4	7,1	7	7,7	5,9	4,9
D	\bar{x}	125,2	79,8	101,6	138	94	87,8	115,1	77,8	91,6
	σ	8,1	8,1	8,4	8,3	8,3	6,5	8	8,8	5,3
	V	6,5	10,2	8,2	6	8,8	7,4	7	11,4	5,8
o:	\bar{x}	143,6	101,4	108,4	129,4	99,2	96,4	133,2	108,8	109,8
	σ	14,2	5	10,1	8	7,4	15,2	8,2	6,7	7,6
	V	9,9	5	9,3	6,2	7,5	15,8	6,1	6,2	6,9

Примечание. Символ \bar{x} – средняя длительность гласного (м/с); σ – стандартное отклонение; V – коэффициент вариации, %.

Данные акустического анализа были далее подвергнуты статистической обработке по t-критерию Стьюдента, в результате которой получено подтверждение статистической достоверности наблюдаемых различий в длительности между акцентированными и дезакцентированными аллофонами ударных гласных (табл. 3). В то же время, как видно из приведенных в табл. 3 показателей, различия между длительностью дезакцентированных гласных в зависимости от позиции в сложной акцентной единице (начальной или нена начальной) соответствуют заданному уровню значимости (95 % вероятности различий) лишь в 21 % случаев и обнаруживают межиндивидуальные различия.

Т а б л и ц а 3

Оценка вероятности различий Р
между сравниваемыми аллофонами по t-критерию Стьюдента, %

Сравниваемые аллофоны	Диктор	Статистические показатели	Гласный									
			ɪ	i:	e	æ	ʌ	ɑ:	ɒ	ɔ:	ʊ	u:
m / m'm	Д1	t	2	5,6	7,6	4,8	11,7	4,7	7,9	5,9	4,2	3,8
		p	90	99,9	99,9	99,8	99,9	99,8	99,9	99,9	99	99
	Д2	t	3,8	7,3	4,8	5,1	5,8	3,4	7,5	5,6	-	4,4
		p	99	99,9	99,8	99,9	99,9	99	99,9	99,9	-	99
	Д3	t	5	6,3	5,7	12,2	7,3	5,2	6,5	4,6	-	6,6
		p	99,8	99,9	99,9	99,9	99,9	99,9	99,9	99,8	-	99,9
m / 'm m	Д1	t	1,8	5,6	1,6	3,4	4,1	4,6	4,1	4,5	3,7	3,7
		p	80	99,9	80	99	99	99,8	99	99,9	99	99
	Д2	t	5,1	4,1	4,7	4,7	5,3	2,9	9,5	3,8	9,7	5,3
		p	99,9	99	99,8	99,8	99,9	98	99,9	99	99,9	99,9
	Д3	t	3,2	4,9	4	8,4	4,9	4,2	5,2	4,2	3,8	4,7
		p	98	99,9	99	99,9	99,9	99,8	99,9	99	99	99,8
m 'm / 'm m	Д1	t	1,2	0,7	6,1	3,8	8	0,2	3,7	1,2	1	0,4
		p	70	≈45	99,9	99	99,9	≈5	99	70	60	≈15
	Д2	t	1	2,1	0,5	0,4	2,1	0,8	1,2	0,3	-	1,9
		p	60	90	≈30	≈20	90	50	70	≈10	-	90
	Д3	t	0,8	0,5	0,8	1,8	1	1,5	2,6	0,2	-	2,7
		p	50	≈30	50	80	60	80	95	≈5	-	95

Таким образом, проведенный анализ модификаций длительности английских ударных гласных монофтонгов позволяет сделать вывод о том, что в речи словесно ударные гласные подчиняются фразовой акцентуации, которая приводит к модификациям количественных характеристик гласных, не зависящим ни от сегментно-слоговой структуры слова, ни и от его фразовой позиции.

Полученные результаты подтверждают правомерность принятой нами классификации аллофонов и, следовательно, существенность учитываемых нами факторов вариативности вокалических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Златоустова, Л.В.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий / Л.В. Златоустова, И.Г. Фролова, Е.В. Ленина // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1968. – С. 74–84.
2. *Кривнова, О.Ф.* Количественная оценка воздействия супrasegmentных факторов на длительность ударных гласных в синтагме / О.Ф. Кривнова // Автоматическое распознавание слуховых образов : тез. докл. и сообщ. 13-й Всесоюз. науч. школы-семинара АРСО–13, Новосибирск, 23–28 июля 1984г.: в 2 ч. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд.-ния АН СССР, 1984. – Ч. 2. – С. 6–7.
3. *Поплавская, Т.В.* Сегментная фонетика и просодия устной речи / Т.В. Поплавская. – Минск : МГЛУ, 1993. – 160 с.
4. *Kingdon, R.* The Groundwork of English Intonation / R. Kingdon. – London ; N.Y., 1958. – 272 p.
5. *O'Connor, J.D.* Intonation of Colloquial English / J.D. O'Connor, G.F. Arnold. – 2nd ed. – London: Longmans, 1973. – 288 p.
6. *Карневская, Е.Б.* Моделирование временного контура фразы при многоязычном синтезе речи / Е.Б. Карневская // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов: сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.; под ред. А.В. Зубова. – Минск, 1986. – С. 33–39.
7. *Карневская, Е.Б.* Взаимодействие длины высказывания и его просодической структуры / Е.Б. Карневская, Т.П. Русецкая // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов: сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.; редкол. : А.В. Зубов [и др.]. – Минск, 1986. – С. 39–45.
8. *Карневская, Е.Б.* Просодические средства внутрифразового смыслового членения в английском языке / Е.Б. Карневская, Т.М. Насонова // Исследования английской звучащей речи : сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и магистрантов кафедры фонетики английского языка / Минск. гос. лингв. ун-т; под ред. Е.Б. Карневской. – Минск, 2007. – С. 55–63.

The article deals with the prosodic factors of allophonic variation of English vowels. The data obtained confirm the underlying hypothesis concerning the impact of the relative semantic and prosodic prominence of a word on the modifications of the stressed vowel duration.

Поступила в редакцию 30.11.11

О.В. Казимилова

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АДРЕСАНТА СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЖУРНАЛЬНОГО ОЧЕРКА

В статье анализируется речевое поведение адресанта в четырех видах англоязычного журнального очерка – *очерке-повествовании, исследовательском, комментирующем и рекламном* очерках. В частности, определен репертуар языковых средств, используемый для организации авторского воздействия на читателя и, как следствие, достижения прагматических целей говорящего в рамках той или иной жанровой разновидности. Предлагаемый в работе лингвопрагматический подход к проблеме речевого поведения позволяет глубже осмыслить механизмы реализации авторской установки, которая, по нашему мнению, является ведущей для формирования прогнозируемого прагматического эффекта. Сравнительный анализ журнальных текстов выявил как аналогичные черты, так и отличительные признаки репрезентации авторской индивидуальности в англоязычном журнальном очерке.

Рассмотрим языковые средства актуализации авторской позиции посредством речевого воздействия в следующих жанровых разновидностях англоязычного журнального очерка: *очерке-повествовании, исследовательском, комментирующем и рекламном* очерках. Как показывают наши наблюдения, в образе автора публицистического очерка ярко проявляются общие профессионально-личностные черты (активность позиции говорящего, социально-оценочное и аналитическое восприятие окружающих явлений, синкретизм эмоционального и рационального, четкая направленность на контакт с читательской аудиторией), отражающие диалектические взаимоотношения адресанта и адресата. В то же время, при общей для авторов профессиональной направленности средств самовыражения, мы отмечаем для них собственный набор языковых средств для той или иной жанровой разновидности журнального очерка, эффективно реализующий речевое воздействие в рамках конкретного типа журнального текста и, как следствие, различную прагматическую установку говорящего. Таким образом, исследование коммуникативного поведения адресантов названных очерковых типов выявило конституирующие модели их поведения в современной медийной коммуникации.

Так, установлено, что изложение в очерках-повествованиях, более чем в других видах, направлено на образный характер отражения действительности, выражение психических состояний и ощущений автора, передачу его личностного восприятия с помощью эмоционально-чувственных элементов. Иными словами, говорящий ориентируется на художественное восприятие и отражение реальности, нежели на аналитическое, социальное, как например, в исследовательских очерках. Причем художественное восприятие зачастую имеет различную тональность – разговорную и лирическую: *For me, having newborns in the neonatal intensive care unit was like living in purgatory. After months of anticipation – filled with happy tasks like decorating the nursery – suddenly I wasn't sure when my twins might leave*

the hospital or whether they'd be disabled when they came home. I was terrified by my first view of Ella and Zoe, who were born two months premature at 3 and 2 pounds, respectively. The girls' fragile bodies lay in clear plastic incubators, hooked up to jumbles of wires and tubes. Amid a cacophony of beeping machines, I felt powerless, clueless, distanced from my own flesh and blood. I was almost superfluous, more like a theatrical extra than a new parent [1, p. 80]. Содержанием данного очерка становится модусная характеристика изложения, указывающая на душевное волнение и беспокойство автора-матери, чьи новорожденные близнецы появились раньше срока и врачи вынуждены были поместить их в отделение интенсивной терапии. Персонализированная манера повествования создает «атмосферу доверия» между автором и читателем, вызывает чувство поддержки и участия в сообщаемом. Использование личного местоимения *I* 1-го лица единственного числа и его производных *for me, my* обусловлено тем, что повествование отражает личный опыт автора. Адресант пишет о том, что испытал и пережил сам, и это, безусловно, способствует более высокому уровню доверия к его информации со стороны адресата. Психологическое состояние автора очерка и эмоциональное давление передано при помощи сравнений *having newborns in the neonatal intensive care unit was like living in purgatory, more like a theatrical extra than a new parent*; частичной инверсии *suddenly I wasn't sure when my twins might leave the hospital*, где наречие *suddenly* выдвинуто в начало сообщения; метафоры *a cacophony of beeping machines*; метафорического эпитета *fragile*; наречия меры и степени *almost*, усиливающего значение следующего за ним прилагательного *superfluous*; оценочных прилагательных *sure, terrified, powerless, clueless, distanced from flesh and blood, superfluous* (в значении 'ненужный') обозначающих психические переживания адресанта. Контаминация глагольных форм *wasn't, they'd* придает речи оттенок разговорности. На графическом уровне отметим тире, посредством которого обособлено вставное предложение *filled with happy tasks like decorating the nursery*, уточняющее и характеризующее детали высказывания.

В целом, можно заключить, что доминирующими средствами выражения авторского «я» в данном типе очерка являются языковые средства тональности и интимизации изложения, базирующиеся на чувственном восприятии (личные и притяжательные местоимения, интенсификаторы, оценочные прилагательные в сравнительной/превосходной степени, видовременные глагольные формы). Анализ показал, что лексико-стилистические средства (тропы, эмоционально окрашенные слова) играют первостепенную роль в придании повествованию эмоциональности и экспрессивности. Применение эмоционально окрашенных лексических единиц в очерке позволяет адресанту апеллировать к эмоциям адресата и воздействовать на него. Однако не следует упускать из виду тот факт, что синтаксис и общая структура сообщения имеют не меньшее значение, поскольку они осуществляют актуализацию личности автора семантикой и содержательной

стороной. Очерк-повествование характеризуется более сложной организацией речи, объемными высказываниями, сложным синтаксисом. Среди типов предложений, выделяемых по цели высказывания, преобладают повествовательные. Эмоционально-экспрессивный компонент на уровне синтаксиса выражен, в основном, вставными конструкциями, повторами, перечислениями. Графические средства выражения авторского «я» представлены преимущественно стилистической нагруженностью знаков препинания (тире, двоеточие) и орфографии (заглавные буквы).

В исследовательских очерках автор становится сторонником одних идей или противником других, берет на себя право выступать в роли судьи. Для этого он взвешивает все «за» и «против», реализуя установку непредвзятости. Установлено, что в исследовательских очерках средства выражения психического состояния и в количественном и в экспрессивном отношении продемонстрированы более слабо. Если автор очерка-повествования старается «психологизировать» свои высказывания, привлекая иногда в качестве объекта сферу своих чувств, то в качестве номинантов психического состояния в исследовательских очерках зафиксированы модальные глаголы, что связано с логической аргументацией текста, с анализом и обобщением фактов: *Every day of my life, I thank God for dark humor. I subscribe wholeheartedly to this idea, first put forth by Woody Allen: "Life is full of misery, loneliness, and suffering – and it's all over much too soon." What is it about humans, that makes us want to laugh when logically we should cry? Well, for one thing, dark humor is a form of bravery. Arnie Cann is a professor of psychology at the University of North Carolina, Charlotte, who studies the role of humor in stress – specifically, how humor helps us cope. He has demonstrated what we all know instinctively: that being able to laugh after a trauma limits the awful effects of the traumatic event. But the question is, what kind of humor helps?* [2, p. 101–105]. Из примера видно, что актуализация «я» говорящего осуществляется преимущественно морфологическими средствами (личными местоимениями *I* 1-го лица единственного числа (и его производным *my*), *we* 1-го лица множественного числа, наречиями образа действия (*wholeheartedly, specifically, instinctively, logically*), а также на уровне синтаксиса. Так, цитата *Life is full of misery, loneliness, and suffering – and it's all over much too soon* ориентирована на смысловое напряжение, призванное обострить внимание читателя. Это напряжение снимается введением вопросно-ответного хода *What is it about humans, that makes us want to laugh when logically we should cry? Well, for one thing*, облегчающего и активизирующего восприятие речи читателем. Обособление *the University of North Carolina, Charlotte* служит для нюансировки смысла, вопрос *But the question is, what kind of humor helps?* активизирует мыслительную деятельность читателя, а вводная конструкция *well, for one thing* указывает на порядок изложения авторских мыслей. Не менее важны и лексико-стилистические средства, соотносимые с субъектом речи: фразовый глагол *put forth* ('пускать в обращение') и устойчивое выражение *subscribe*

to the idea придают сообщению разговорный оттенок, тем самым облегчая восприятие текста; оценочные прилагательные с негативной оценкой *awful, traumatic* отражают мнение адресанта. Также публицистом использован прием «апелляция к авторитету» *put forth by Woody Allen; Arnie Cann, a professor of psychology*, с помощью которого автор может привести пример, реализовать аргументирование, подтвердить правильность и релевантность излагаемой им информации. На графическом уровне наблюдаем наличие тире, служащее в первом случае для обозначения внезапного изменения плавного течения сообщения (*Life is full of misery, loneliness, and suffering – and it's all over much too soon*), а во втором – разъяснения высказывания (*Arnie Cann is a professor of psychology at the University of North Carolina, Charlotte, who studies the role of humor in stress – specifically, how humor helps us cope*). В предложении *He has demonstrated what we all know instinctively: that being able to laugh after a trauma limits the awful effects of the traumatic event* двоеточие объясняет, расширяет то, что было сказано ранее.

Проведенный анализ выявил следующие превалирующие средства выражения образа автора в исследовательских очерках: на морфологическом уровне установлено доминирование личных местоимений, наречий-интенсификаторов, глаголов речемыслительной деятельности. Широко распространены императивы, побуждающие к обязательному выполнению действий, пересмотру жизненных позиций, принятию решений и т.д. На уровне лексики наблюдается доминирование лексических единиц с отрицательной/положительной экспрессивной окраской, фразовых глаголов и идиом, передающих точку зрения автора. Важную роль в формировании образа автора играют и синтаксические средства: используя риторические вопросы, вопросно-ответные ходы, цитаты, повторы, адресант предлагает рассмотреть какой-либо вопрос, вовлекает читателя в диалог. Данные средства обладают эмоциональной окраской, но в то же время их воздействие основано на навязывании реципиенту авторского восприятия действительности. Анализируя факты, говорящий нередко апеллирует к авторитетным источникам (зачастую применяя вводные конструкции), тем самым подкрепляя собственную позицию или опровергая существующую. В результате отношение читающего к тексту формируется посредством анализа представленных мнений. Показ автором оценочных позиций служит орудием формирования центрального образа. Однако, несмотря на показанные точки зрения, образ автора для всего очерка является единым, так как ему соответствует общая система оценок. На графическом уровне «я» автора проявляется преимущественно в употреблении параграфических средств, таких как пунктуационные знаки (двоеточия, тире) для ориентации реципиента в текстовом континууме.

Авторы комментирующих очерков предстают как убежденные личности, твердо отстаивающие собственную позицию. По нашим наблюдениям, вводные слова и конструкции являются показательным фактом в характеристике способа восприятия и отражения действительности. Подчеркнем, что активная эмоциональность – явление типичное для коммен-

тирующего очерка. Например, в зависимости от корреляции положительных и отрицательных оценок можно говорить о степени критичности авторского изложения. Интересно отметить еще и тот факт, что авторы комментирующих очерков при выборе эмоционально-языковых средств отдают предпочтение маркерам, *выражающим* эмоции: *The goal of eating sanely is not to cut calories: it will happen naturally. Nor is the goal to cut protein, though again, you'll wind up eating less. The goal is not to cut fat, either; in fact, you'll eat more of it, though different fat (the same is true of carbohydrates). And the goal isn't to save money, though you probably will; think of the cost of rolled oats (\$1 a pound) and say, Honey Bunches of Oats (about \$5 a pound). Rather, the goal is to eat less of certain foods and more of others – specifically, plants, as close to their natural state as possible. Above all, this is a shift in perspective, one that means better eating for both your body and the planet* [3, p. 96–99]. Основная часть отрывка представляет собой комментарий автора по поводу того, как надо правильно питаться. Актуализацией личности говорящего выступают личное местоимение *you* 2-го лица множественного числа, служащее для имитации установления непосредственного контакта с читателем; наречия образа действия *sanely, specifically, naturally*, применяемые для нюансировки смысла; сравнительные степени наречий *more, less, better*, создающие эмоциональную тональность; союз *as...as* как показатель наглядного сравнения; императивы *think, say*, имеющие оттенки субъективной экспрессии и выражающие иронию; вводное слово *probably*, указывающее на предположение адресанта относительно того, что адресат все же будет экономить средства на покупке здоровой пищи; фразовый глагол *wind up*, придающий выразительность речи говорящего. Вставные конструкции *the same is true of carbohydrates, about \$5 a pound, \$1 a pound* отражают мнение говорящего и придают высказыванию живость и непосредственность; вводные конструкции *above all, rather, in fact* служат индивидуализации речи публициста. Привлекает внимание инверсия *Nor is the goal to cut protein, though again, you'll wind up eating less* с отрицательной частицей *nor* в начале предложения, придающей сообщению эмоциональную окраску; анафора *The goal of eating sanely is not to... Nor is the goal to... The goal is not to... And the goal isn't to... Rather, the goal is to...* создает динамичность повествования. Среди просодических средств выражения «я» автора отметим наличие тире в предложении *Rather, the goal is to eat less of certain foods and more of others – specifically, plants, as close to their natural state as possible*, которое используется для того, чтобы подытожить сказанное ранее; деепричастия в предложении *The goal of eating sanely is not to cut calories: it will happen naturally*, которое разъясняет то, что было сказано в первой части; точки с запятой *The goal is not to cut fat, either; in fact, you'll eat more of it, though different fat*, указывающей на более тесную связь между составляющими сложного предложения.

Анализ практического материала позволяет сделать вывод, что авторское «я» в комментирующих очерках выявляется, преимущественно, в морфологических средствах и на уровне лексики. Анализ установил

особые признаки реализации образа говорящего – личные местоимения *I* и *you*, на основе которых построено комментирование. Данные показатели являются текстообразующими признаками оценочной позиции автора. Императивы, сравнительные степени прилагательных и наречий используются для привлечения внимания адресата к объекту комментирования. Что касается лексико-стилистических средств данного типа очерка, то они включают в свой состав в основном лексико-оценочные средства репрезентации авторской индивидуальности: имена прилагательные и имена существительные с позитивной/отрицательной оценкой, фразовые глаголы, метафоры, эпитеты, разговорные формулы. Подобная многоплановость проявления средств авторского присутствия позволяет ему заявить о своей позиции, реализовать собственную оценку описываемых событий и явлений. Нами выявлено, что на уровне синтаксиса личность адресанта проявляется в виде вводных слов, риторических вопросов, анафор, эмфатических конструкций с целью выделить значимую с его точки зрения информацию. Графические средства индивидуализации говорящего включают использование двоеточий, тире, отточий, курсивов в целях расстановки авторских акцентов.

В рекламных очерках, как показывают наши наблюдения, широко распространен прием сообщения от 1-го лица, при котором повествующий является участником каких-либо событий. В подобном случае в расширенной речи говорящего содержится информация, имеющая непосредственное отношение к рекламируемой продукции, либо опосредованную, косвенную к ней связь. Основное внимание читателя, таким образом, сконцентрировано на авторской оценке описываемого товара: *Getting my kids to complete their writing assignments was like pulling teeth. But I knew writing well is a key to success. I had to do something. Well, I went to the Alpha Smart Web site, and, sure enough, the NEO has a full-sized keyboard, a full-featured word processor, and a complete keyboarding and typing tutor. Now our NEO is not only helping Josh and my daughter Bailey learn how to keyboard accurately and write better – but me too ... At a fraction of the cost of a standard laptop, I'd say NEO is the perfect solution for writers of any age* [4, p. 199]. В данном случае автор является участником событий, делится с читателем собственным опытом: заявленное в начале очерка «я» автора (посредством притяжательного местоимения *my*) поддержано и в последующем изложении (при помощи личного местоимения *I* 1-го лица единственного числа), что способствует сохранению единства речи. Языковыми показателями персонифицированной речи являются сравнение *like pulling teeth*, придающее выразительность высказыванию; вводное слово *well*, указывающее на связь мыслей; вводная конструкция *sure enough*, выражающая уверенность адресанта в сообщаемом; модальный глагол *have to*, обозначающий необходимость свершения действия, вызванную обстоятельствами, и подчеркивающий настойчивость публициста; эмфатическая конструкция *but me too*; наречие времени *now* свидетельствует о косвенном побуждении адресата приобрести товар. Предложение *Bailey learn how to keyboard accurately*

and write better – but me too интересно своей графической организацией: в данном случае тире используется, чтобы передать контраст (развивающий компьютер Нео может быть полезен не только детям, но и взрослым). Реализация образа автора осуществляется с помощью языковых средств, направленных на косвенную оценку продукта, а именно прилагательных с положительной коннотацией *full-sized, full-featured, complete, perfect*; наречия *better* в сравнительной степени, наречия образа действия *accurately*; самого названия объекта рекламирования – *NEO*, означающего ‘недавно появившийся’, ‘впервые созданный’.

В целом, анализ языковых средств позволяет определить, что именно в рекламных текстах, где основным объектом оценочной установки является рекламируемый продукт, мы наблюдаем наибольший перевес в сторону положительной оценочной лексики (тропы, метафоры, эпитеты, сравнения), обладающей притягательной силой «позитивного заряда». Вследствие этого, наиболее употребительным средством авторизации в рекламных очерках является лексическая составляющая. Нами определено, что диапазон коннотативных значений представляет собой сложную систему образных, модальных, оценочных наслоений, призванных воздействовать на эмоционально-волевую сферу читающего. Результаты анализа показали, что на уровне морфологии местоимения, интенсификаторы и императивы эффективно реализуют диалогизацию сообщения, вовлекая читателя в процесс «обсуждения» товара. Средствами индивидуализации на синтаксическом уровне служат делиберативные парантетические синтагмы, вводные слова, повторы, параллелизмы, перечисления, сентенции, эмфатические конструкции, цитаты, с одной стороны, апеллирующие к эмоциям адресата, а с другой – реализующие аргументирование. По нашим наблюдениям, для рекламного очерка характерен простой синтаксис: большое количество вопросительных конструкций, восклицательных и побудительных предложений сообщают читателю значимую информацию в сжатой, компактной, экспрессивной форме. Графические средства выражения авторского «я» представлены знаками препинания (тире, двоеточие, точка с запятой) и орфографией (заглавные буквы, курсив, жирный шрифт) для подчеркивания прагматической значимости отдельных языковых элементов.

Сравнительный анализ репрезентации категории *адресанта* в текстах англоязычного журнального очерка показал, что исследуемые очерки имеют аналогичные черты – всем авторам очерковых типов свойственны субъективный взгляд на явления окружающей действительности, личная активность в решении выдвигаемых вопросов, социально-оценочное осознание явлений. В то же время, исследуемые типы журнального очерка различаются тематическим содержанием и, как следствие, реализуют различную прагматическую установку говорящего: установка на создание объективности и полемику находит воплощение в исследовательском очерке; установка на побуждение к действию реализуется, в основном, в комментирующем и рекламном очерках; установка на интимизацию изложения и эмоциональное воздействие прослеживается преимущественно в очерке-повествовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Knight, D.* Delivery, then a Long Wait for Deliverance / D. Knight // U.S. News and World Report. – 2007. – Vol. 143, № 7. – P. 80–82.
2. *Newman, J.P.* Newman, J. P. When the Going gets Tough, the Tough Crack Wise / J.P. Newman // Reader's Digest. – 2008. – Vol. 173, № 1037. – P. 101–105.
3. *Bittman, M.* The Simple-Till-Six Diet / M. Bittman // Reader's Digest. – 2009. – Vol. 174, № 1041. – P. 96–99.
4. *Nancy, M.* My kids hated writing... until I gave them a Neo / M. Nancy // Reader's Digest. – 2008. – Vol. 173, № 1040. – P. 199.

The article deals with the investigation of linguistic means of author's individuality actualization within the genre varieties of the modern magazine feature. The analysis reveals a certain set of linguistic resources in respect to each type of the feature text, realizing an addresser's different pragmatic aims.

Поступила в редакцию 28.12.11

И.И. Ковалевская

ОСНОВНЫЕ УРОВНИ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

В статье определяются основные задачи трехуровневого анализа структуры делового письма. Решение этих задач предполагает выявление норм, отражающих языковые и речевые традиции участников общения; представление процесса делового письменного общения как последовательности его основных структурных единиц – элементарных диалогических циклов (ЭДЦ); и описание информативного, прескриптивного и межличностного типов (ЭДЦ), выделяющихся разным объемом и характером модальных значений. Признается необходимым рассмотрение каждого из трех уровней анализа структуры делового письма в тесной связи друг с другом.

В настоящее время повышен интерес к исследованию делового общения, важной сферой которого является *деловое письмо*. Определены его базовые экстралингвистические факторы и общие стилевые черты [1]; установлено своеобразие функционирования в официально-деловых текстах некоторых семантико-стилистических категорий [2]. Большое внимание уделяется его описанию с точки зрения языковой и коммуникативной реализации [3]. Однако разработка теоретических основ делового письменного общения, включающего содержательно-предметную и межличностную зону как многомерного процесса, формирование его категориального аппарата, приемов и методов его описания еще далеки от завершения. В этой связи в нашей работе предлагается рассмотреть три уровня анализа структуры делового письма и определить круг задач его изучения на каждом из них.

На первом уровне анализа (*макроуровне*) важно учитывать, с одной стороны, зависимость делового письменного общения от системы отношений собственности, производства, обмена и потребления, которая сложилась в данном обществе на данной исторической ступени его развития, и, с другой стороны, межличностных отношений участников общения. Решение вопросов, связанных с изучением отношений живых конкретных людей, не является простым, поскольку эти отношения, отражаясь в их языковом сознании, строятся специфическим образом в зависимости от личностных характеристик, знаний и представлений, формирующих их когнитивное пространство. Эти знания и представления составляют часть общего знания – существующих в обществе норм, традиций и правил успешного речевого поведения. В когнитивное пространство партнеров по общению входят также ценности и идеалы, оценки, цели, стереотипы, образцы действий, обусловленные их принадлежностью к определенной культуре и образующие вместе со знаниями и представлениями об успешном речевом поведении пресуппозиционный фонд, ресурсы которого используются при построении делового письма. Отсюда возникает необходимость изучения языкового сознания участников общения, их личностных характеристик, когнитивных пространств и культуры.

Каждый из выделенных компонентов имеет свою специфику репрезентации в структуре деловых писем. На макроуровне их анализа требуется рассмотреть особенности вербальной категоризации реальной действительности в текстах на разных языках, а также выявить национально-культурную специфику их структуры и речевого употребления в них вербальных средств.

Решению первой проблемы посвящены работы, выполненные в русле сопоставительно-типологического описания разных языков. Предметом исследования их авторов являются *языковые нормы*, управляющие порождением речи, которые одновременно являются своеобразными фильтрами, пропускающими то, что реально существует, функционирует в языке и признается обществом правильным; и «отфильтровывающие» те продукты системы, которые реально в языке не существуют, в речи не употребляются, а если употребляются, то признаются неправильными.

За фильтрами, образуемыми языковыми нормами, следуют *речевые нормы*, которые актуализируются при возникновении выбора между тем или иным речевым действием и способом его реализации в процессе общения. В нормах речевого поведения проявляется ценностный план участников общения и, соответственно, отражаются национально-культурные особенности его структуры, представленной последовательностью речевых действий.

Речевые нормы могут носить *общекультурный, ситуационный* и *индивидуальный* характер. *Общекультурные* нормы отражают такие особенности общения, которые проявляются у представителей данной общности во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, т.е. вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава его участников.

Ситуационные и индивидуальные нормы связаны в большинстве случаев с конкретными ситуациями, содержащими дополнительную характеристику собеседников, поскольку в них часто допускаются отклонения от общекультурных норм речевого поведения.

У норм, регулирующих речевое поведение участников общения, есть еще одно, более краткое, наименование – узус. Проблема описания узуального употребления в деловом письме вербальных средств является одной из ключевых в исследовании его структуры. Узус каждой языковой общности характеризуется таким важным свойством, как вариативность, которая порождается коммуникативной целесообразностью, в связи с чем его описание осложняется разнородностью факторов, влияющих на внутриязыковое варьирование, – социальной деятельностью; движением за демократизацию, “стимулируемым обществом или общественными группами”; а также факторами влияния на язык различных сфер деятельности [4, с. 33].

Зависимость языковых форм от существующих речевых норм и регулирующих их факторов можно продемонстрировать на примере следующего фрагмента англоязычного письма-просьбы о предоставлении информации о потенциальном кандидате на вакантную должность:

*Mr. James R. Hart has applied for a position as **an Employee Benefits Account Administrator** at Union Planters and has offered your name as a work reference. **We are seeking information from you to assist us in making a determination of his abilities and potential** ...*

Использование в тексте стандартной формулы *We are seeking information from you* позволяет его автору выразить свою просьбу в менее категоричной форме, что отвечает общепринятым в англоязычной культуре нормам вежливости, предусматривающим исключение давления на собеседника. Выделенные препозитивное именное словосочетание *an Employee Benefits Account Administrator* и глагольно-именное словосочетание *making a determination* входят в группу стилистически маркированных средств, характерных для деловой сферы деятельности, предполагающей строгое соблюдение установок официально-делового стиля.

Второй уровень анализа (*мезоуровень*) относится к описанию собственно процесса делового письменного общения, поскольку именно в динамике его коммуникативного развертывания демонстрируются необходимые связи детерминации, объединяющие текст с коммуникативными действиями его автора и адресата [5, с. 216]. В русле лингвистической традиции центральной проблемой на данном уровне анализа становится категория *связности* текста, указывающая на один из наиболее очевидных аспектов текстовой синтактики – на процесс связывания представлений и выражающих их слов, словосочетаний и предложений в линейную цепь. В качестве основных единиц анализа текста рассматриваются *сверхфразовые единства*, обладающие рядом лингвистически значимых признаков – структурной и семантической спаянностью, более полным по сравнению с отдельным предложением развитием мысли, наличием собственной микротемы и содержательной близостью предложений. Процедура анализа

сверхфразовых единиц как высших единиц, состоящих из низших, опирается на опыт системного описания языка и часто дает плодотворные результаты. Однако при описании собственно процесса делового общения нельзя опираться только на те критерии, которые сводились бы исключительно к системно-языковому фактору. Перенести акцент с семиотического аспекта функционирования языка на интеракционный можно путем представления процесса делового письменного общения в виде последовательности минимальных, интерактивных блоков, или диалогических единств, выполняющих функцию его структурных единиц и демонстрирующих взаимодействие автора письма и его адресата, двух смысловых позиций. Мы предлагаем называть их *элементарными диалогическими циклами* (ЭДЦ). Понятие ЭДЦ используется в психологии и обозначает внутренний диалог, выраженный во внешней речи (тексте) и образуемый речью одного говорящего. ЭДЦ объединяют все языковые средства, провоцирующие и предвосхищающие ответную реакцию адресата. Составляющими ЭДЦ являются речевые действия автора текста, направленные на решение одной коммуникативной задачи [6, с. 80].

Возвращаясь к представленному выше фрагменту делового письма, полагаем, что в нем можно выделить два отдельных ЭДЦ, представляющих собой отдельные сопряженные акты партнеров по общению. Каждый из них начинается с выявления задачи, возникающей в ходе взаимодействия, и завершается согласованием индивидуальных решений. Задачей речевого взаимодействия в первом ЭДЦ (*Mr. James Hart has applied for a position as an Employee Benefits Account Administrator at Union Planters and has offered your name as a work reference*) является информирование адресата о том, что служит основанием для обращения к нему автора письма. В рамках второго ЭДЦ (*We are seeking information from you to assist us in making a determination of his abilities and potential*) излагается просьба о предоставлении информации о господине Джеймсе Р. Харте, необходимой для объективной оценки его кандидатуры. Последовательность обоих ЭДЦ не предопределяется какой-либо заранее сформированной программой, предначертанным планом, а направляется самим ходом выполняемой совместной деятельности.

Эффективность делового письменного общения зависит от использования в определенной последовательности ЭДЦ различных типов, характеризующихся определенным набором коммуникативных средств. Ввиду этого основной задачей на *третьем* уровне (*микроуровне*) является описание отдельных ЭДЦ, их типологии и используемых коммуникативных средств в их взаимосвязях.

Основным фактором, лежащим в основе различий ЭДЦ, являются их модальные значения, круг которых варьируется в зависимости от типа модальности, проявляющейся в разной степени в структурной организации ЭДЦ. В силу того, что является предметом анализа, различают объективную, эпистемическую модальность, модальность волеизъявления и др. С целью выделения типов ЭДЦ при определении объема и характера их модальных

значений мы исходим из представления о модальности как категории, описывающей «характер соотносительности содержащегося в предложении высказывания с действительностью, устанавливаемый с точки зрения говорящего» [7, с. 139–140]. В этом плане модальность тесно связывается с коммуникативным намерением говорящего и может служить основанием для соотносительности ЭДЦ с информативным, прескриптивным и межличностным типами общения, представленными в общей схеме Н.Д. Арутюновой [8, с. 650].

Развивая данный взгляд на задачи лингвистического описания каждого из трех типов ЭДЦ, требуется раскрыть связь их модальности и составляющих их речевых актов. Наиболее очевидна и многообразна связь модальности волеизъявления и директивных речевых актов для ЭДЦ прескриптивного типа в текстах англоязычного делового письма. В них в силу конвенций употребления коммуникативных средств (например, максим Принципа Вежливости Дж. Лича) среди директивов чаще встречаются реквестивы, которые характеризуются многообразием модальных модификаторов, нацеленных на реакцию адресата письма. В частности, в функции одного из них в приведенном выше фрагменте письма употребляется стандартная формула (*We are seeking information from you*), демонстрирующая что модальность является неотъемлемым конструктивным признаком второго ЭДЦ и может служить основанием для его соотносительности с прескриптивным типом общения. Ее использование в структуре второго ЭДЦ, как отмечалось ранее, отвечает нормам делового письменного общения, предусматривающим употребление некатегоричных форм воздействия на адресата в письмах-просьбах. Из этого следует, что ЭДЦ делового письма, изучаемые на микроуровне, строятся по-разному, в зависимости от языковых и речевых норм, изучаемых на макроуровне. В свою очередь, не рассмотрев собственно процесс делового письменного общения и основные типы его структурных единиц, трудно понять, как языковые и речевые нормы влияют на его коммуникативное развертывание.

Таким образом, анализ структуры делового письма на рассмотренных уровнях анализа охватывает три его измерения: *семиотическое* (языковые структуры), *интеракциональное* (ЭДЦ и их типы) и *культурное* (языковые и речевые нормы). Выявление всех этих характеристик предполагается в тесной связи друг с другом, поскольку они все участвуют в создании его структуры. Предполагаем, что их дальнейшее изучение на примере деловых писем на разных языках будет способствовать успешной межкультурной коммуникации в деловой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханова, И.Д. Композиционно-структурные и лингвостилистические параметры текстов жанра коммерческой корреспонденции : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.Д. Суханова ; МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1984. – 25 с.

2. *Карасик, В.И.* О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / ВГПУ, СГУ ; редкол.: В.И. Карасик (отв. ред.), [и др.] – Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. – С. 185–190.
3. *Дорошенко, В.Ю.* Коммуникативная обусловленность функционально-стилистических особенностей делового английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.Ю. Дорошенко ; РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 1995. – 17 с.
4. *Токарева, И.И.* Сопоставительное изучение речевого поведения: проблемы, принципы, теория / И.И. Токарева. – Минск : МГЛУ, 1996. – 88 с.
5. *Седов, Е.В.* Онтология дискурса / Е.В. Седов. – М. : Изд-во АКИ, 2008. – 232 с.
6. *Ковалевская, И.И.* Диалог как единица анализа динамической структуры англоязычного делового письма / И.И. Ковалевская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – №3 (40). – С. 79–85.
7. *Фридман, Л.Г.* О связи модальности и средств ее выражения с целенаправленностью предложений / Л.Г. Фридман // Некоторые вопросы немецкой филологии : сб. ст. ; Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: Л.Г. Фридман (отв. ред.) [и др.]. – Пятигорск, 1971. – С. 136–155.
8. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1999. – 895 с.

The article reveals the main objectives of three level analysis of business letter structure. This analysis involves determining language and speech norms; presenting business written communication as the sequence of elementary dialogic cycles (EDC), the latter being its main structural units; and describing informative, prescriptive and interpersonal EDC types distinguished by their modal meanings.

Поступила в редакцию 21.10.11

А.В. Красник

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЯ «ПОГОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья отражает результаты исследования семантического поля «Погода» на примере имен существительных английского языка. В результате компонентного анализа выявлены лексические единицы (ЛЕ), входящие в микрополя, составляющие поле «Погода». На основе общности компонентов определены лексемы, которые относятся к ядру и периферии микрополей. Установлена и описана полядерная структура поля «Погода», состоящая из взаимосвязанных микрополей с размытыми границами внутри поля. Выявлены иерархические особенности соотношения ЛЕ поля. Выделены интегральные и дифференциальные семы, обуславливающие вхождение ЛЕ в поле «Погода» и их место в структуре поля.

Одной из главных задач современного языкознания, характеризующегося становлением и доминирующей ролью когнитивного подхода к языку, по-прежнему остается определение тайны и природы значения слова, структуры значения и его типов, причин, лежащих в формировании новых значений. Ведется поиск закономерностей получения, обработки и хранения знаний человеком, его способности преобразовывать огромные массивы информации в ограниченные промежутки времени.

В зависимости от фактического материала исследователи применяют различные методы: *компонентного анализа*, контекстуального анализа, трансформационный, статистический, психолингвистический. Метод *компонентного анализа* (*логический, дефиниционный, дистрибутивный*) способствует описанию смысла слова. Выбранный нами *дефиниционный* метод позволяет описать лексические значения посредством ограниченного набора сем. Вслед за Стерниным [1, с. 7], под семой мы понимаем компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) и способный различать значения слов. Дефиниционный метод позволяет выделить некоторый конечный набор сем и построить их классификации, а также установить иерархии составных элементов значения. Это в свою очередь помогает определить специфическую структуру поля «Ядро-периферия», в которой полеобразующие признаки с высокой частотностью, наиболее общие по значению, стилистически нейтральные, находятся в ядре, а имеющие меньшую частотность, стилистически и эмоционально окрашенные – на периферии.

Выбор «погодной лексики» в качестве объекта исследования обусловлен ее важностью для жизнедеятельности человека. Следуя изменениям в погоде, человек принимает решения: от незначительных (что одеть, брать ли с собой зонт), до важных вопросов, связанных с авиацией, мореплаванием, сельским хозяйством и так далее. Понятия о погодных явлениях занимают для человека важное место в осмыслении реальной действительности, что должно найти свое отражение в языке, так как сведения о мире мы постигаем в ходе деятельности, опосредованной языком. Изучение «погодной лексики» позволит определить структурную организацию лексико-семантического поля; выявить связи с другими полями; извлечь лингвистическую и экстралингвистическую информацию, относящуюся к культуре народа.

Для выделения из корпуса словаря лексических единиц (ЛЕ) *погода* был использован принцип *идентификации*, предложенный Ш. Балли [2, с. 16]. Он основан на отыскании *слова-идентификатора* и подбора к нему остальных членов группы. *С л о в о - и д е н т и ф и к а т о р* – это слово с наиболее общим значением, его значение входит в качестве семы в структуры значений других членов лексико-семантической группы. На основании данных характеристик в качестве слова-идентификатора нами было выбрано слово *weather* 'погода', значение которого [3] включает определенные

атмосферные условия, такие как осадки, ветер, температура, которые протекают в определенном месте в определенное время: *Weather* – atmosphere condition (wind + precipitation + temperature) + particular place + particular time.

Далее методом сплошной выборки выделены 45 лексических единиц (имена существительные), относящиеся к семантическому полю «Погода»: *wind, squall, tornado, whirlwind, gale, breeze, storm, cyclone, typhoon, hurricane, tempest, precipitation, snow, hail, sleet, rain, hoar-frost, icicle, dew, fog, haze, mist, drizzle, shower, downpour, cloudburst, snowfall, blizzard, rainbow, thunder, lightning, temperature, frost, cold, cool, chill, thaw, heat, sky, cloud, sun, moon, star, comet, meteor*. В качестве основного словаря использовался “Oxford Advanced Learner’s Dictionary” [3], а также другие словари. При проведении компонентного анализа для каждого из существительных выделена и записана интегральная сема. Выделение интегральной семы позволило распределить ЛЕ по группам, которые мы назвали «Ветер», «Осадки», «Температура», «Небо» (в каждой группе интегральная сема одинакова). В группу «Ветер» вошли ЛЕ: *wind, squall, tornado, whirlwind, gale, breeze, storm, cyclone, typhoon, hurricane, tempest*; в группу «Осадки» вошли ЛЕ: *precipitation, snow, hail, sleet, rain, hoar-frost, icicle, dew, fog, haze, mist, smog, drizzle, shower, downpour, cloudburst, snowfall, blizzard, rainbow, thunder, lightning*; в группу «Температура» вошли ЛЕ: *temperature, frost, cold, cool, chill, thaw, heat*; в группу «Небо» вошли ЛЕ: *cloud, sun, moon, star, comet, meteor*. Далее попарно сопоставлены анализируемые слова в каждой группе для выделения дифференциальных сем. Найденные семы добавлены к интегральной таким образом, что каждое слово получило уникальный набор сем, отличающий его от других слов.

Интегральной семой группы «Ветер» стала сема ‘движения воздуха’: *Wind = air + quickly moves + across the earth surface + current*. Все остальные ЛЕ определяются через сему *wind*, например, *Squall = wind + strong + violent + precipitation (rain/snow) + sudden*.

Как видно из табл. 1, дифференциальной семой для этой группы является ‘вид ветра’. Здесь можно выделить виды ветра (*squall, tornado, whirlwind, gale, breeze*) и виды ветра-шторма (*cyclone, typhoon, hurricane, tempest*). При этом дефиниции ЛЕ, обозначающие ветер, содержат семы ‘сильный и слабый’, что позволяет нам разделить их по силе ветра на сильные ветры (*squall, tornado, whirlwind, gale*) и слабый ветер (*breeze*). ЛЕ данной группы различаются местом возникновения (тропики и Тихий океан: *cyclone, typhoon*, Атлантический океан: *hurricane*); направлением движения (в значении *wind* представлена сема ‘горизонтального движения воздуха вдоль земли’; *typhoon, tornado, cyclone, hurricane, whirlwind* движутся по кругу, образуя воронку).

Необходимо подчеркнуть пограничное положение ЛЕ *tornado* и *whirlwind*, так как оба вида ветра несут разрушительный эффект, а также движутся по кругу.

Семный состав группы «Ветер»

	Wind	Storm	Cyclone	Typhoon	Hurricane	Tempest	Squall	Tornado	Whirlwind	Gale	Breeze
Движение воздуха	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Разновидность ветра(в)/шторма (ш)		в	ш	ш	ш	ш	в	в	в	в	в
Состояние атмосферы: хорошая (х)/плохая (п) погода	п х	п									
Форма	+										
Направление движения: горизонт (г)/круговое (к)	г		к	к	к			к	к		
Наличие осадков и др. погод. явлений		+					+				
Место возникновения	+		+	+	+						
Сила ветра: сильный/слабый	с сл	с	с	с	с	с	с	с	с	с	сл
Разрушит. эффект								+	+		
Скорость	+								+		
Внезапное возникновение							+				

ЛЕ *storm, squall* входят в группу «Ветер» также на основе дифференциальной семы ‘наличие осадков и других погодных явлений’, *squall* ‘внезапное возникновение’, *wind, whirlwind* ‘быстрая скорость движения’.

Группа «Осадки» была выделена на основе интегральной семы ‘вещество: вода’, например, *Rain = water + falls from the clouds/sky + drop + small + at a particular time*.

Как видно из табл. 2, группа «Осадки» включает виды осадков в разных физических состояниях. Важными дифференциальными семками являются движение и агрегатное состояние воды. У половины видов осадков значение включает компонент движения, у остальных – его отсутствие. Таким образом, в зависимости от того, движется ли вода или находится в состоянии покоя, были выделены динамические (*dynamic*), движущиеся сверху вниз (с неба на землю), и статические (*static*), характеризующиеся отсутствием движения, осадки. В зависимости от агрегатного состояния воды были выделены твердые (*frozen*) и жидкие (*liquid*) осадки. Таким образом, к подгруппе “Динамические твердые осадки” относятся *snow, hail, sleet*; к подгруппе “Динамические жидкие осадки” относится *rain*; к подгруппе “Статические твердые осадки” относятся *hoar-frost, icicle*; к подгруппе “Статические жидкие осадки” относятся *dew, fog, haze, mist*.

Семный состав группы «Осадки»

	Precipitation	Snow	Snowfall	Blizzard	Hail	Sleet	Rain	Drizzle	Shower	Downpour	Cloudburst	Hoar-frost	Icicle	Dew	Fog	Haze	Mist
Вещество: вода	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Агрегат. Состояние: жидкое (ж)/ твердое (т)	ж т	т	т	т	т	ж т	ж	ж	ж	ж	ж	т	т	ж	ж	ж	ж
Движение	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Разновидность снега (с)/дождя (д)			с	с				д	д	д	д						
Форма: кусочек (ку)/ капля (к), снежинка (с)/ градина (г)	+	с			г		к					ку с	ку с	к	к	к	к
Размер	+	+			+		+	+				+		+	+	+	+
Цвет	+	+										+					
Местоположение: небо (н)/ земля (з)/ физические объекты (ф)/ воздух (в)	н з в	н з	н	н	н		н					з ф	ф	з	в	в	в
Тактильное ощущение: мягкий (м)/ твердый (т)	м т	м			т												
Интенсивность: резкий (р)/легкий (л)	р л			р				л	р	р	р						
Состояние атмосферы: холодная (х)/ жаркая погода (ж)	х ж	х	х	х		х	х ж					х	х			ж	
Время	+	+	+				+		+	+	+			+			
Плохая видимость															+	+	+
Внезапное возникновение										+	+						

Кроме того, подгруппы *snow* и *rain* были классифицированы на основе семы 'разновидность' на виды снегопада (*snowfall*, *blizzard*) и виды дождя разной силы (*drizzle*, *shower*, *downpour*, *cloudburst*). *Blizzard* отличается от *snowfall* интенсивностью (*blizzard* представляет собой более сильный снегопад) и наличие сильного ветра.

Виды дождя также отличаются по степени интенсивности (*drizzle* 'легкий морозящий дождь', в то время как *shower*, *downpour*, *cloudburst* 'резкий и интенсивный'). Кроме того, в значениях *shower*, *downpour*, *cloudburst* отмечается 'непродолжительность по времени', когда в значении *drizzle*

такая сема отсутствует, что, скорее, свидетельствует о продолжительности такого типа дождя. Сема времени также присутствует у слов *rain, snow, snowfall, dew* как у явлений природы, протекающих в определенное время.

Отдельного внимания заслуживают ЛЕ *thunder, lightning, rainbow*, поскольку они не являются непосредственно осадками (интегральной семой данных ЛЕ является не вода, а звук, свет и цвет соответственно), но которые можно наблюдать только во время дождя. Данная характеристика позволила нам отнести ЛЕ *thunder, lightning, rainbow* к подгруппе “Динамических жидких осадков” – *rain*, и классифицировать их как явления погоды, сопровождающие дождь.

Что касается статических осадков, то здесь, кроме семы ‘агрегатного состояния’, интерес представляет и местоположение осадков. Если в случае с динамическими осадками имеет место вертикальное движение сверху вниз (все они падают с неба, за исключением *snow*, который может также длительно лежать на земле), то статические осадки могут неподвижно находиться как на земле (*hoar-frost, dew*) или некоторых физических объектах (*icicle, hoar-frost*), так и в воздухе (*fog, haze, mist*). Кроме того, ЛЕ, означающие ‘туман’, были также объединены в одну подгруппу на основе общности значения. Все они представляют собой маленькие капли воды, находящиеся в воздухе, что вызывает плохую видимость. Отличаются они либо степенью насыщенности (*fog* – более густой туман, чем *mist*), либо атмосферными условиями протекания (*haze* характерен для жаркой погоды).

Также следует отметить вхождение ЛЕ в группу «Осадки» на основе таких дифференциальных признаков как: тактильное ощущение (мягкий: *snow*, твердый: *hail*), температура атмосферы (холодная погода: *snow, snowfall, blizzard, sleet, hoar-frost, icicle*; жаркая погода: *haze*), плохая видимость (*fog, mist, haze*), внезапное возникновение (*downpour, cloudburst*), форма (*snow – flake; rain – drop; hail – ball; hoar-frost* и *icicle – piece; dew – drop; fog, mist* и *haze – drop*). Причем все они характеризуются маленьким размером капель, снежинок или градин.

Группа «Температура» была выделена на основе интегральной семы ‘состояние атмосферы: холодная/теплая/жаркая погода’, например, *Frost = cold weather + below freezing point + causes a thin white layer of ice to appear + at night*.

Согласно словарю [3], *температура* означает степень нагретости чего-нибудь (*temperature – the measurement in degrees of how hot or cold a thing or place is*). В выделенную нами группу «Температура» вошли ЛЕ, показывающие, насколько горяч или холоден окружающий воздух в определенный момент времени. Будучи метеорологическим термином, ЛЕ *температура* не обладает широким спектром дифференциальных сем, за исключением дифференциальной семы ‘показатель значения температуры в градусах’. Так, *frost, cold* характеризуют холодную погоду с низкой температурой; *cool* и *chill* – пограничное значение между холодной и теплой погодой; *thaw* – период оттепели, характеризующийся теплой погодой, когда начинает таять снег; *heat* – очень теплая погода, жара, характеризующаяся высокой температурой.

Группа «Небо» была выделена на основе интегральной семы 'местоположение: небо', например, *Cloud* = *in the sky* + *water* + *small drops* + *float* + *grey or white*.

Словарь [3] дает нам определение неба (звездного неба) как видимое расположение звезд и других небесных светил на небесном своде (*sky* – the space above the earth that you can see when you look up, where clouds and the sun, moon and stars appear).

Несмотря на разные вещества, входящие в состав данных тел, (табл. 3: *облако* 'вода', *солнце* 'огонь', *звезда* 'горящий газ', *метеор* 'камень', *комета* 'лед и пыль') и разную форму (*облако* 'множество капель', *солнце*, *луна*, *звезда* 'шар', *метеор* 'осколок', *комета* 'масса'), а также разное направление движения (облака плывут по небу, луна движется вокруг земли, звезды и кометы – вокруг солнца), все они для наблюдателя движутся с различной скоростью по небу и могут быть наблюдаемыми с земли.

Т а б л и ц а 3

Семный состав группы «Небо»

	Sky	Cloud	Sun	Moon	Star	Meteor	Comet
Местоположение: небо	+	+	+	+	+	+	+
Вещество: вода (в)/огонь (о)/ газ (г)/скала (с)/лед (л)+пыль (п)	+	в	о		г	с	л+п
Форма: капля (к)/шар (ш)/ оско- лок (о)/масса (м)	+	к	ш	ш	ш	о	м
Время: день (д)/ночь (н)	д н		д	н	н	н	н
Цвет	+	+					
Яркость			+	+	+	+	+
Движение		+	+	+		+	+

Важной семой ЛЕ, входящих в группу «Небо», является 'время'. Все небесные тела можно наблюдать на небе в определенное время суток: солнце – днем; луну, звезды, метеоры и кометы – ночью. При этом у всех имеется сема 'яркость'. Лишь в значении *облака* нет показателя времени, вероятно потому, что появление облаков тесно связано с другими атмосферными явлениями (ветер, температура, осадки) и зависит от них.

На основании дефиниционного анализа определим структуру поля «Погода». Для семантического поля постулируется наличие общей (интегральной) семы, объединяющей все единицы поля и обычно выражаемой лексемой с обобщенным значением, а также наличие частных (дифференциальных) сем, по которым единицы поля отличаются друг от друга.

На основе общей интегральной семы к ядру поля могут быть отнесены ЛЕ *wind*, *precipitation*, *temperature*, *sky*. При этом каждая из них представляет собой ядро, так как является гиперонимом в своих группах и объединяет ЛЕ

поля. Остальные 41 ЛЕ составляют периферию, которую благодаря дифференциальным семам можно подразделить на ближнюю, дальнюю и крайнюю. Исходя из того принципа, что в ядре сосредоточена максимальная концентрация сем, а по мере отдаления от ядра она ослабевает, то к ближней периферии были отнесены ЛЕ *snow, rain, hoar-frost, haze* как наиболее совпадающие по количеству сем с ядром. В дальнюю периферию были включены ЛЕ *squall, tornado, whirlwind, storm, cyclone, typhoon, hurricane, hail, icicle, dew, fog, mist, frost, drizzle, shower, downpour, cloudburst, snowfall, blizzard*. Крайнюю периферию составили *gale, breeze, tempest, sleet, rainbow, thunder, lightning, cloud, sun, moon, star, comet, meteor*. Затруднение при выделении периферии вызвали ЛЕ, входящие в группу «Температура» (*cold, cool, chill, thaw, heat*) из-за незначительного количества дифференциальных сем.

Выделенные 45 ЛЕ не исчерпывают содержания поля «Погода», а являются лишь его составной частью, объединенной понятием *air* ‘воздух’, так как одним из главных компонентов значения погоды является ‘атмосфера’, т.е. воздушное пространство вокруг земли. Таким образом, данные ЛЕ представляют собой микрополе «Воздух» с ядром *air*, входящее в поле «Погода». Внутри данного микрополя находятся выделенные нами четыре ядра *wind, precipitation, temperature, sky*, объединяющие остальные ЛЕ. Кроме микрополя «Воздух» в поле «Погода» также могут быть включены ЛЕ, означающие результат погодных явлений на земле (*mud, puddle, snowdrift, slush*) и на воде (*waterspout, tsunami, ripple, wave, calm, roughness, surge*). Одни объединены в микрополе «Земля» с ядром *ground*, другие – в микрополе «Вода» с ядром *water*. В поле «Погода» также могут входить ЛЕ, обозначающие природные катаклизмы как отклонение от нормы в проявлении погодных явлений (*drought, flood, deluge, spate, landslide, avalanche, earthquake*). Они объединятся в микрополе «Катаклизмы» с ядром *cataclysm*. К исследуемому полю также относятся метеорологические термины, которые входят в поле «Погода» как микрополе «Метеорологическая лексика», так как данные лексемы участвуют в описании погодных явлений.

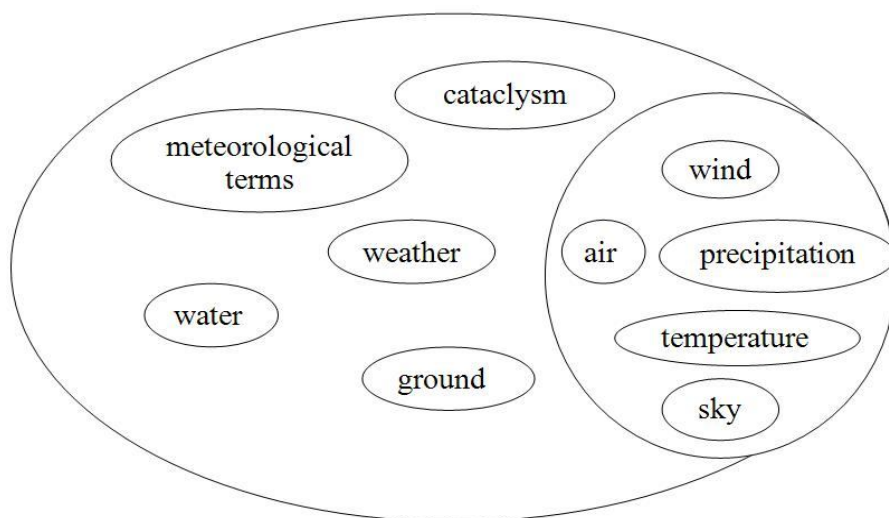


Схема поля «Погода»

Структура изучаемого нами поля (рисунок) представляет собой разветвленное, иерархически организованное образование. Внутренняя организация его строится не вокруг какого-либо одного центра, а вокруг

нескольких. В то же время внутренние границы между группами несколько размыты: одна и та же ЛЕ может входить в несколько групп одновременно, что является следствием недискретности окружающего природного мира.

Среди выделенных в ходе анализа сем наибольшую частотность и важность имеют семы 'движение', 'состояние атмосферы', 'вещество', 'местоположение', 'время'. Определенный порядок и степень выраженности той или иной семы определяет структуру каждого микрополя, входящего в макрополе «Погода», а также связь с другими полями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин, И.А. Значение слова и его компоненты : метод. пособие / И.А. Стернин ; науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 20 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К.А. Долинина ; под ред. Е.Г. Эткинда ; вступ. ст. Р.А. Будагова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 8 th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 1952 с.

The article focuses on the notion of a semantic analysis as one of the methods of studying semantics on the basis of a semantic field "Weather". The research reveals the detection of lexical units composing the semantic field "Weather", the study of its structure and its organization.

Поступила в редакцию 17.11.11

А.В. Ломовая

ДВОЙНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОДНОТИПНЫХ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОТЫМЕННЫМИ КОНВЕРСИОННЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В статье рассматривается *двойное выражение однотипных логико-семантических отношений в английском предложении с отыменными предикатами*, образованными путем конверсии: *внутреннее* (инкорпорированное в семантике глагола) и *внешнее* (выраженное одним из именных элементов предложения). Исследуются *пять типов* логико-семантических отношений: *агентивные, объективные, медиативные, инструментативные и локативные*. Определяются типы внешних элементов, дублирующих или находящихся в противоречии с элементом, включенным в семантику производного по конверсии предиката. Выводятся закономерности влияния типов внешних элементов на семантику предиката.

Конверсия как один из продуктивных способов вторичной номинации в современном английском языке, рассматривается обычно в рамках словообразования (например, [1; 2; 3; 4]). Такой подход предполагает изучение словообразовательных моделей и семантики исходной и производной

основ как составной части лексикона, при этом остаются без внимания особенности актуализации тех или иных значений производных элементов. В связи с этим такая характерная черта предложений с отыменными конверсионными глаголами, как *двойное выражение* однотипных логико-семантических отношений: *внутреннее* (инкорпорированное в семантике глагола) и *внешнее* (выраженное одним из именных элементов предложения), рассматривается в научной литературе нечасто. Исследователи отмечают, что при наличии, к примеру, имплицитного выражения инструментатива в составе предиката (*to hammer* ‘прибивать молотком’), его экспликация обычно не допускается [5, с. 107] или используется для того, чтобы подчеркнуть определенные характеристики действия (*He penned the letter with a fountain pen* ‘Он написал письмо авторучкой’ – ср. *a pen* ‘перо, ручка’) [6, с. 25]. Кроме того, некоторые слова, сочетаясь с производным по конверсии глаголом, могут нейтрализовать сему мотивирующего имени существительного, включенную в семантику такого глагола [7, с. 26]. В данной статье мы рассмотрим случаи двойного выражения логико-семантических отношений для тех падежей, ролевые характеристики которых инкорпорируются в семантику исследуемых нами отыменных конверсионных глаголов, а именно, агентива, объектива, медиатива, инструментатива и локатива.

Наше исследование осуществлялось *п о э т а п н о*. *На первом этапе* мы отобрали из словаря «Webster’s New World Dictionary & Thesaurus» [8] 620 глаголов, производных по конверсии от имен существительных. Основное условие, ограничивающее нашу выборку, заключалось в следующем: исходное имя должно выполнять в ситуации, называемой его денотативной областью, одну из четырех ролей: деятель, предмет, средство или место (подробнее см. [9]). Далее мы моделировали ситуации, типичные для вещей, названных вышеупомянутыми именами, и исследовали связь между функциональными характеристиками имени и валентностью производного глагола. *На втором этапе* мы выделили из вышеупомянутых 620 глаголов 140 наиболее частотных – согласно данным словаря «Word Frequencies in British and American English» [10]. Далее мы осуществили сплошную выборку предложений с этими глаголами из 110 произведений англоязычной художественной литературы 2-й половины XIX – начала XXI в. В полученном корпусе (6575 предложений) 1698 единиц составили предложения с двумя типами *агентива, объектива, медиатива, инструментатива и локатива*, часто тавтологического характера.

1. Двойное выражение *агентивных* отношений.

Специфика предложений с предикатами, образованными по конверсии от имен деятелей, заключается в том, что сема деятеля всегда дублируется (в тех случаях, когда внешний агентив выражен референтом-человеком). При этом среди рассмотренных примеров мы не встретили ни одного с тавтологическим выражением деятеля (типа *A doctor doctored somebody* ‘Врач врачует кого-либо’). В отличие от других типов логико-семантических отношений, которые полностью инкорпорируются в составе конверсионного предиката, такие характеристики, как ‘активность’ и ‘одушевленность’

оказываются присущи как потенциальному агентиву, так и семантике предиката. Отсюда следует, что в агентивной позиции с глаголами, образованными по конверсии от имен деятелей, может использоваться любой референт с семой 'человек', при этом значение предиката сохранит тесную связь с семантикой исходного имени. Однако встречаются некоторые особенности экспликации агентива:

- деятель идентичен включенному в семантику глагола (однако это становится известным только из контекста): "*An honor **doctoring** you, Mr. Pitt... – "Goodbye, **Doc**, and thank you."* 'Большая честь *лечить* вас, мистер Питт. – До свидания, *док*, и спасибо Вам' [СС, р. 491]¹.

Ср.: *The dwarves revived him, and **doctored** his scorches as well as they could* 'Гномы привели его в чувство и, как могли, *подлечили* его ожоги' [JT, р. 289]. В обоих примерах деятели выполняют один и тот же тип деятельности (лечение), однако, в первом примере это часть профессиональной деятельности.

- внешний и внутренний деятель относятся к разному полу: *So Mona hummed as **she groomed** the champion chestnut show-jumper* 'Поэтому Мона напевала себе под нос, пока занималась *чисткой* гнедого скакуна-чемпиона' [DF1, р. 45] – ср. *a groom* 'конюх' и *to groom* 'ходить за лошастью, чистить лошадь'.

- внешний деятель – животное, тогда как внутренний называет человека: *But I refuse to allow that **dog to lord it** in my nursery for an hour longer* 'Но я не позволю этой собаке *командовать* в моей детской хотя бы часом более' [JB, р. 21] – ср. *a lord* 'лорд' и *to lord it* 'важничать, командовать'.

Таким образом, при двойном выражении агентивных отношений особое значение приобретают такие характеристики референтов, как 'активность' и 'одушевленность'. Именно они обеспечивают сохранение связи производного глагола с семантикой мотивирующего имени: возможна потеря некоторых сем, таких как принадлежность к определенной профессии, полу или человеческому роду, однако характер выполняемой деятельности остается неизменным.

2. Двойное выражение объективных отношений.

Специфика рассмотренных предложений с предикатами, образованными по конверсии от имен предметов, на которые оказывается воздействие (а из них только четыре глагола являются в той или иной степени частотными), заключается в том, что двойное выражение объектива встретилось только для глагола *to fish* 'ловить, удить рыбу'. Внешний и внутренний предметы воздействия в предложениях с данным глаголом представлены следующими типами:

- внешний предмет воздействия аналогичен включенному в семантику глагола: *He passed over the Royal River, where they **had fished** for steelies and **pickerel** as boys* 'Он миновал реку Роял, где мальчиками они *ловили* радужную *форель* и *щук*' [SK1, р. 16].

¹ Здесь и далее в статье перевод предложений с английского языка на русский наш. – А.Л.

- внешний и внутренний предмет воздействия отличаются, но другие элементы предложения указывают на ситуацию, аналогичную ловле рыбы: *The guests could fish for the jewels with small, ivory handled nets* ‘Гости могли ловить драгоценности с помощью маленьких сачков с ручкой из слоновой кости’ [BC, p. 62].

- внешний и внутренний предмет воздействия отличаются, а другие элементы предложения указывают на ситуацию, отличную от ловли рыбы:

Noyes fished in his bag for a stethoscope ‘Нойз порылся в своей сумке в поисках стетоскопа’ [TC, p. 370].

Jones fished out a cigarette and lit it with a butane lighter ‘Джонс выудил сигарету и зажег ее бутановой зажигалкой’ [TC, p. 127].

- псевдопредмет воздействия (абстрактное понятие): *I had been stammering and blushing ... and I suppose had pained her by fishing for pity for myself in such a transparent way* ‘Я заикался и краснел ... и, кажется, причинил ей боль тем, что настолько откровенно старался вызвать жалость к себе’ (досл. ‘выуживал жалость’) [SB, p. 127].

Таким образом, при двойном выражении объективных отношений появление внешнего объектива не сопровождается изменением семантики глагола лишь в том случае, когда референт внешнего объектива представляет собой разновидность внутреннего или другие элементы предложения указывают на прямую связь с типичной ситуацией воздействия на предмет, названный мотивирующим именем. В последнем случае семантика конверсионного предиката сохраняет то же значение, лишаясь только указания на исходный предмет (т.е. исходная именная сема нейтрализуется). В то же время, наличие референтов, не характерных для типичной ситуации, так же как и наличие псевдопредмета воздействия, свидетельствует о метафоризации значения конверсионного предиката.

3. Двойное выражение медиативных отношений.

Двойное выражение медиатива довольно часто встречалось в исследованных предложениях. При этом внешние средства представлены следующими типами референтов:

- средство, идентичное или аналогичное включенному в семантику глагола:

She was masked with a cheap black mask ‘Она замаскировалась с помощью дешевой черной маски’ [BC, p. 219].

The windows on the top floor were boarded with aging plywood ‘Окна на верхнем этаже были заколочены старыми досками из фанеры’ [JG1, p. 44] – ср. *to board* ‘забивать, заколачивать (что-либо) досками’.

- средство, называющее часть включенного в семантику глагола: *A large bottle contained only a few small white pills, the bottle labeled with a long name I could scarcely read, let alone remember* ‘В большой бутылке было только несколько маленьких белых пилюль, в бутылке с длинным названием на этикетке, которое я не мог даже прочитать, не то что запомнить’ [DF2, p. 255] – ср. *to label* ‘прикреплять ярлык, этикетку’.

- средство, подобное (по форме или функции) включенному в семантику глагола:

*It wears a vest **buttoned with bones** ‘Он носит жилет, *застегивающийся* на пуговицы из костей’ [SK2, p. 762] – ср. *to button* ‘застегивать на пуговицы’.*

*Grant paused for a moment to **paint the bone with rubber cement** before continuing to expose it ‘Грант сделал паузу, чтобы *нанести* на кость *резиновый клей* перед тем как продолжить ее демонстрацию’ [МС, с. 31] – ср. *to paint* ‘наносить краску’.*

- неотчуждаемое средство (часть тела деятеля, выполняющая функцию средства):

*Berelain chortled in delight, leaning **to clasp** his arm with both **hands** ‘Берелэйн радостно засмеялась, наклоняясь, чтобы *сжать* его плечо двумя руками’ [RJ, p. 175] – ср. *to clasp* ‘прикреплять зажимом или застежкой’.*

*He yelled and scrambled to his feet, but the tyrannosaur pounced, and it must **have pinned** him with its hind leg ‘Он завопил и вскочил, но тираннозавр внезапно атаковал и *придавил* его задней ногой’ [МС, p. 216] – ср. *to pin* ‘приколоть булавкой’.*

- внешнее и внутреннее средство противоречат друг другу:

а) внутреннее и внешнее средства не имеют даже отдаленного сходства друг с другом: ... *they almost made it to their unmarked car before a heavy woman in fatigues jumped from a parked van and **nailed** them straight on with her **Nikon** ‘... они почти добрались до своей машины без номеров, когда крупная женщина в военной одежде выпрыгнула из припаркованного фургона и *припечатала* их своим «Никоном»’ [JG2, с. 298] – ср. *to nail* ‘прибивать гвоздями’.*

б) внутреннее средство называет артефакт, а внешнее – материал: *The window was nothing but a square cut into the tarpaper and **buttoned up with all-weather plastic** ‘Окно представляло собой всего лишь квадрат, вырезанный в рубероиде и *плотно закрытый* погодостойким пластиком’ [SK1, p. 238] – ср. *to button* ‘застегивать на пуговицы’.*

в) внутреннее средство называет жидкое вещество, а внешнее – вещество в ином агрегатном состоянии: *In two rooms in Pimlico, his staff **watered** the heroin **with stomach powder** and sent it on its way to the dance halls and amusement arcades ‘В двух комнатах в Пимлико его люди *разбавляли* героин *порошком* для желудка и отправляли его дальше в дансинги и залы игровых автоматов’ [IF, p. 9] – ср. *to water* ‘разбавлять водой’.*

- псевдосредство (материальный объект, не имеющий типичной функции средства, явление природы или абстрактное понятие): *The helicopter started down, and immediately they **were blanketed in fog** ‘Вертолет начал снижаться, и сразу же их *заволокло туманом*’ [МС, p. 77] – ср. *to blanket* ‘покрывать одеялом’.*

Таким образом, наличие в предложении средства, подобного по форме или функции внутреннему средству, способствует сохранению семантической связи глагола с исходным именем, в то время как появление псевдо-

средства или средства, значительно отличающегося от инкорпорированного по тем или иным параметрам, сигнализирует о переносном употреблении предиката. Что касается внешнего средства, выраженного частью тела человека или животного, то связь с исходным именем (проявляющаяся в сохранении вида деятельности, но сопровождающаяся нейтрализацией семы конкретного средства) проявляется лишь в случае функционального подобия внутреннего и внешнего средств (см. *to clasp with both hands*) и разрушается в случае отсутствия такого подобия (см. *to pin with a leg*).

4. Двойное выражение инструментативных отношений.

Так же, как и в случае двойного медиатива, анализ материала выявил наличие множества предложений с двумя типами инструментатива, внутренним и внешним. При этом внешний инструментатив на референтном уровне может быть выражен следующими типами инструментов:

- инструмент, идентичный включенному в семантику глагола: *Louise was brushing her hair with a big white brush* ‘Луиза расчесывала волосы большой белой расческой’ [HR, p. 36].

- инструмент, подобный (по форме или функции) включенному в семантику глагола: *Henry eats by hunting the food with his knife, spearing it with his fork* ‘Генри ест, преследуя пищу с помощью ножа, пронзая ее вилкой’ [SK2, p. 240] – ср. *to spear* ‘пронзать копьем’.

- неотчуждаемый инструмент (часть тела деятеля, выполняющая функцию инструмента): *He paddled it [a boat] with large feet dangling over the side* ‘Он управлял ею [лодкой], загребая большими ступнями, свисавшими за борт’ [JT, p. 91] – ср. *to paddle* ‘гребти веслом’.

- псевдоинструмент (материальный объект, не имеющий типичной инструментальной функции, или абстрактное понятие): *He combed him and brushed him with his eyes* ‘Он окинул его пристальным взглядом’ (досл. ‘Он причесал и пригладил его глазами’) [RC, p. 197] – ср. *to comb* ‘расчесывать гребнем’, *to brush* ‘расчесывать, пригладить щеткой’.

Таким образом, при появлении внешнего инструмента со сходной функцией или неотчуждаемого инструмента семантика конверсионного предиката сохраняет то же значение, лишаясь только указания на исходный инструмент (т.е. исходная инструментальная сема нейтрализуется), в то время как наличие псевдоинструмента вызывает значительные сдвиги в сторону метафоризации.

5. Двойное выражение локативных отношений.

При двойном выражении локативных отношений внешний локатив может быть представлен различными типами референтов:

- место, аналогичное включенному в семантику глагола: *Parking cars, what else does one do in a car park?* ‘Парковал машины, что же еще можно делать на парковке?’ [DA, p. 233].

- место, подобное (по форме или функции) включенному в семантику глагола: *The boat docked at a pier between the bar and a larger hut with the words DIVE SHOP hand-painted over a window* ‘Лодка причалила к пирсу

между баром и большей хижинкой, на окне которой было написано от руки «Снаряжение для дайвинга» [JG3, p. 170] – ср. *to dock* ‘вводить (судно) в док, входить в док (о судне)’.

- внешнее место является частью внутреннего: *She parked in a numbered slot, from whence we made our way along a shrub-lined walk to the building’s entrance* ‘Она припарковала машину на размеченном месте для парковки, откуда мы направились ко входу в здание по обсаженной кустами дорожке’ [RZ, p. 129] – ср. *to park* ‘парковать, ставить на стоянку’.

- внутреннее место является (или может быть) частью внешнего: *Have him give a short drill on water discipline, then bed the men down for the night in the barracks adjoining the field* ‘Скажи ему провести инструктаж по обращению с водой, а потом устрой людей на ночлег в бараках рядом с полем’ [FH, p. 81] – ср. *to bed* ‘класть, ложиться в постель’.

- внутреннее и внешнее места значительно различаются: *They still thought they had him bottled up on the mainland* ‘Они все еще полагали, что удерживают его на континенте’ [SS, p. 283] – ср. *to bottle* ‘хранить в бутылке, разливать по бутылкам’.

- место как часть тела деятеля: *“Oh, my God!” cried the girl cupping her tear-stained face in her hands* ‘«О, Боже!», воскликнула девушка, зарываясь залитым слезами лицом в сложенные в виде чаши руки’ [FF, p. 240] – ср. *to cup* ‘наливать в чашку’.

- псевдоместо (материальный объект, не имеющий типичной локативной функции, или абстрактное понятие): *Then they banked their expectations on the clear possibility our crew would give away the location through the tiniest of errors* ‘Они возлагали свои надежды на очевидную возможность того, что наша команда выдаст местоположение какой-либо незначительной ошибкой’ [CC, p. 172] – ср. *to bank* ‘класть (деньги) в банк’.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что производный по конверсии предикат сохраняет близкое к мотивирующему имени значение при следующих условиях: если внутреннее и внешнее места подобны по форме или функции или являются частью друг друга. Появление в качестве внешнего места части тела деятеля или псевдоместа свидетельствует о метафоризации значения локативного предиката.

Таким образом, двойное выражение однотипных логико-семантических отношений (инкорпорированного в семантике предиката и выраженного именным элементом предложения), типичное для английских предложений с отыменными конверсионными глаголами, демонстрирует зависимость между валентностными характеристиками таких глаголов и типичными ролевыми характеристиками мотивирующего имени. Данная зависимость проявляется в том, что семантика отыменного конверсионного глагола сохраняет мотивирующую связь с семантикой исходного имени лишь в том случае, если референт, выраженный именным элементом предложения, совпадает по форме или по функции с референтом, названным исходным именем и включенным в семантику производного по конверсии глагола. В противном случае наблюдается модификация лексического значения глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирницкий, А.И.* Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий ; под ред. В.В. Пассека. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
2. *Marchand, H.* The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. – 2nd ed., completely rev. and enl. – München : Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. – 545 p.
3. *Bauer, L.* English Word-Formation / L. Bauer. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. – 326 p.
4. *Twardzisz, P.* Zero Derivation in English. A Cognitive Grammar Approach / P. Twardzisz. – Lublin : Wydaw. UMCS, 1997. – 208 p.
5. *Худяков, А.А.* Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие / А.А. Худяков. – М. : Academia, 2005. – 256 с.
6. *Старикова, Е.Н.* Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е.Н. Старикова. – Киев : Вища школа, 1974. – 142 с.
7. *Троицкая, Г.П.* Семантические связи при словообразовании по конверсии в современном английском языке / Г.П. Троицкая // Иностр. языки в школе. – 1964. – № 1. – С. 20–27.
8. Webster's New World Dictionary & Thesaurus. Version 2.0 [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. и программы (203 Мб). – Accent Software Intern. Ltd., Macmillan Publ., 1998. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. *Ломовая, А.В.* Семантико-синтаксические особенности отыменного образования глаголов по конверсии : На материале имени деятеля и объектных имен / А.В. Ломовая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2008. – № 4 (35). – С. 108–117.
10. *Hofland, K.* Word Frequencies in British and American English / K. Hofland, S. Johansson. – Bergen : The Norwegian Computing Centre for Humanities, 1982. – 547 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- CC – *Cussler, C.* Treasure / C. Cussler. – London, Glasgow : Grafton Books, 1989. – 600 p.
- JT – *Tolkien, J.R.R.* The Hobbit / J.R.R. Tolkien. – London : HarperCollins, 2008. – 387 p.
- DF1 – *Francis, D.* Field of Thirteen / D. Francis. – N.Y. : Jove Books, 1999. – 289 p.
- JB – *Barrie, J.M.* Peter Pan / J.M. Barrie. – London : Penguin Books, 1995. – 185 p.
- SK1 – *King, S.* 'Salem's Lot / S. King. – London : New English Library, 1977. – 439 p.
- BC – *Cornwell, B.* Sharpe's Regiment / B. Cornwell. – N.Y. : Penguin Books, 1987. – 372 p.
- TC – *Clancy, T.* The Hunt for Red October / T. Clancy. – N.Y. : Berkley Books, 1985. – 469 p.
- SB – *Butler, S.* Erewhon & Erewhon Revisited / S. Butler. – London : J.M. Dent, 1940. – 389 p.

- JG1 – *Grisham, J. The Street Lawyer* / J. Grisham. – N.Y. : Island Books, 1999. – 452 p.
- DF2 – *Francis, D. Banker* / D. Francis. – N.Y. : Putnam's Sons, 1982. – 306 p.
- SK2 – *King, S. Black House* / S. King, P. Straub. – London : HarperCollins, 2002. – 819 p.
- MC – *Crichton, M. Jurassic Park* / M. Crichton. – N.Y. : Ballantine Books, 1993. – 399 p.
- RJ – *Jordan, R. The Path of Daggers* / R. Jordan. – N.Y. : Tor Books, 1998. – 685 p.
- JG2 – *Grisham, J. The Client* / J. Grisham. – London : Arrow, 1993. – 458 p.
- IF – *Fleming, I. Goldfinger* / I. Fleming. – London : Pan Books, 1961. – 223 p.
- HR – *Robbins, H. The Carpetbaggers* / H. Robbins. – N.Y. : Pocket Books, 1964. – 679 p.
- RC – *Chandler, R. Farewell, My Lovely* / R. Chandler. – Harmondsworth : Penguin Books, 1985. – 253 p.
- DA – *Adams, D. The Ultimate Hitchhiker's Guide to the Galaxy* / D. Adams. – N.Y. : Ballantine Books, 2002. – 815 p.
- JG3 – *Grisham, J. The Firm* / J. Grisham. – N.Y. : Island Books, 1992. – 501 p.
- RZ – *Zelazny, R. Trumps of Doom* / R. Zelazny. – N.Y. : Arbor House, 1985. – 183 p.
- FH – *Herbert, F. Dune* / F. Herbert. – N.Y. : Ace Books, 1990. – 535 p.
- SS – *Sheldon, S. The Doomsday Conspiracy* / S. Sheldon. – London : HarperCollins, 1991. – 320 p.
- FF – *Fitzgerald, F.S. This Side of Paradise* / F.S. Fitzgerald. – М. : Менеджер, 2002. – 288 с.

The article studies peculiarities of double expression of homogeneous deep case relations in English sentences with denominal converted verbs. It is argued that the meaning of a converted verb depends on formal or functional similarity or discrepancy between external and internal (incorporated) elements with the same semantic role.

Поступила в редакцию 16.11.11

А.А. Мирский

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ (на материале немецкого языка)

На периферии грамматического уровня располагаются формы и конструкции, которые воспринимаются говорящим/читающим как перенесенные из языка более древней эпохи. Такие формы и конструкции называют грамматическими архаизмами. Они подразделяются на *морфологические* и *синтаксические*. К морфологическим архаизмам относятся варианты формы, регулярно соотносящиеся с нейтральными формами, принадлежащими к норме. К синтаксическим архаизмам принадлежат морфологические формы и служебные слова, употребленные в архаизованной дистрибуции.

Грамматические архаизмы используются главным образом в художественной литературе для создания исторического колорита, для придания всему тексту возвышенного стиля. Они являются эффективным средством создания сатиры.

Понятие *архаизма* в грамматике заимствовано из лексики. Однако, на периферии грамматического уровня также располагаются формы и конструкции, которые воспринимаются говорящим как перенесенные из языка более древней эпохи, более старого поколения [1, с. 540–541].

Грамматические архаизмы во многом отличаются от лексических. Известно, что среди лексических архаизмов выделяются историзмы, или материальные архаизмы, обозначающие реалии, исчезающие или исчезнувшие. При необходимости назвать какое-либо явление или какой-либо предмет прежней эпохи пишущий/говорящий извлекает *историзм* из находящегося на периферии архивного фонда, поскольку историзмы – это единственные обозначения устаревших понятий и синонимов не имеют. Вряд ли можно провести параллель между историзмами и исчезнувшими грамматическими категориями, например, категорией вида в германских языках или дуалисом в ряде индоевропейских языков. Изучение этих категорий представляет особую проблему и далеко выходит за рамки данной статьи, целью которой является определение стилистических функций живых или оживших грамматических архаизмов.

Грамматические архаизмы разделяются на *морфологические* и *синтаксические*. К морфологическим архаизмам относятся вариантные формы, которые регулярно соотносятся с нейтральными формами, принадлежащими к норме. Они разбиваются на две группы:

- 1) формы, лексическое наполнение которых нерелевантно;
- 2) формы, у которых можно установить лексическую связанность или ограниченный диапазон варьирования [2, с. 117; 3, с. 81].

Примерами *первой группы* могут служить существительные мужского и среднего рода в дативе единственного числа с флексией *-e*: *dem Tage, dem Hause, dem Vaterlande, dem Gespräche* и т.д. Эти две пары неоднородны по отношению к ведущим формам *dem Tag, dem Haus, dem Vaterland, dem Gespräch*. Если односложные существительные с флексией *-e* регулярно соотносятся с формами без *-e*, то формы составных и производных слов с флексией *-e* соотносятся с формами без *-e* окказионально. Очевидно, к приведенным парам можно применить характеристику Ж. Марузо, который предлагает делить архаизмы на архаические формы (*archaistische Formen*), явления уже сложившегося типа и устарелые (*archaisierende Formen*), явления, в которых налицо лишь тенденция к превращению в архаизмы [4, с. 39]. Формы с *-e* у односложных существительных воспринимаются как устарелые (*archaisierend*) благодаря давлению системы. Простые (корневые) многосложные слова давно утратили флексию *-e* в дативе, составные и производные с флексией *-e* встречаются редко; существует ряд ограничений и для односложных, выбор их диктуется в основном личным вкусом писателя.

К *первой* группе морфологических архаизмов можно причислить и местоименные наречия на *d-* и *w-*, первый компонент которых сохранил *-r-* перед согласным второго компонента, типа *darnach*. Формы *darnach*, уступившие место в конце XVIII в. вариантам без *-r-*, встречаются в единичных случаях в литературном языке XIX и XX вв.

У второй группы морфологических архаизмов устанавливается лексическая связанность. В качестве примеров можно привести претеритальные формы сильного и слабого спряжения, например, устарелое *pflog* – нейтральное *pflegte*, а также претерит от глагола *werden* – нейтральное *wurde* для единственного и множественного числа и архаизм *ward* для единственного. Интересно, что в современном немецком литературном языке *ward* – это вновь оживший архаизм, вызванный в XX в. к жизни отдельными писателями (Я. Вассерман, Т. Манн, Г. Манн, Л. Фейхтвангер) [5].

Если морфологические архаизмы, вернее, формы, представленные в двух вариантах, подвергались исследованию, хотя и явно недостаточному, то синтаксические архаизмы на материале немецкого языка почти не изучались. Представляется возможным отнести к синтаксическим архаизмам следующие явления:

- 1) морфологические формы, употребленные в архаизованной дистрибуции;
- 2) служебные слова, используемые в такой функции, которая передает архаизованный характер всей конструкции в целом;
- 3) объем и построение цельного предложения, а также расположение его членов и опускание.

Образцом первой группы может служить приглагольный родительный падеж. Архаичным является не генитив вообще – на это неоднократно указывал, в частности, В.Г. Адмони [6, с. 115–120], а генитив в группе глагола, генитив в определенной дистрибуции. Это генитив в функции дополнения, обстоятельства образа действия и предикативного атрибута. Генитив в функции предикативного атрибута типа *langsamen Schrittes gehen* является всегда стилистически маркированным средством архаизации.

Ко второй группе синтаксических архаизмов относятся служебные слова в необычной для них функции. Среди морфологических архаизмов упоминались местоименные наречия типа *darnach*, которые соотносятся с нейтральными формами *danach*. Однако, если местоименные наречия на *d-* *danach*, *darin* вводят придаточные определительные предложения, то в современном немецком языке все сложноподчиненное предложение воспринимается как архаизм. Синтаксическими архаизмами условно можно считать союзы и союзные слова, архаичные как лексемы. Попадая в состав придаточного предложения, они придают всему сложноподчиненному предложению архаическую окраску. В качестве примера можно привести и союзное слово *woselbst*, союзы *dieweil* и *auf dass* [7, с. 187].

Важнейшей функцией лексических и грамматических архаизмов является создание исторического колорита, архаизмы выступают средствами исторической стилизации [1, с. 492]. Читатель воспринимает эпоху сквозь призму языка: у него создается иллюзия проникновения в изображаемую эпоху. Представляется, что благодаря действенной силе историзмов при исторической стилизации доминирующая роль отводится лексическим архаизмам. Г.Р. Петаш пытается установить обратную пропорциональность: чем больше стилизован синтаксис, тем меньше стилизуется лексика, и наоборот.

Однако исследователь не исключает и полной стилизации, приводя в качестве примера роман Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс» [8]. В.Н. Ярцева замечает, что «синтаксические архаизмы могут явиться действенным средством стилизации текста без какого-либо нарочитого употребления архаических лексем». «Разумеется, – добавляет автор, оба средства стилизации могут идти параллельно» [9, с. 217].

По мнению ряда исследователей, чем дальше отстоит от современного языка язык отписываемого периода, тем с большим трудом язык может служить основой повествования. С этим нетрудно согласиться, однако, это не означает, что чем ближе эпоха, тем легче транспозиция читателя в эпоху произведения.

Блестящим опытом подобной транспозиции может служить роман Т. Манна „Lotte in Weimar“ [10]. Автору удалось перенести читателя в языковую сферу конца XVIII в., заставив услышать язык эпохи не только из уст персонажей, но и в речи автора. Историческая стилизация определяется как отбором лексики, так и построением предложений, а также использованием морфологических и синтаксических архаизмов.

Перед читателем встает образ старого Гёте:

Goethe kam bestimmten und kurzen, etwas abgehackten Schrittes herein, die Schultern zurückgenommen, den Unterleib etwas vorgeschoben, in zweireihig geknöpften Frack und seidenen Strümpfen, einen schön gearbeiteten silbernen Stern, der blitzte, ziemlich hoch auf der Brust, das weißbatistene Halstuch gekreuzt und mit einer Amethystnadel zusammengesteckt [10, с. 65].

В приведенном тексте генитив в функции предикативного атрибута умело сочетается с абсолютным винительным и обособленным причастным оборотом. В романе генитив-предикативный атрибут гармонирует с другими случаями приглагольного родительного падежа. Примечательно, что конструкция встречается и в речи персонажей, не только в пространных, похожих на повествование, рассуждениях бывшего секретаря Гёте или выпренной речи Августа, сына Гёте, удивившего своей вычурностью Шарлотту, но и в коротком, естественно звучащем диалоге:

„Was erzählen Sie da, liebste Frau Rätin! Bitte, erzählen Sie weiter!“

„**Stehenden Fußes** den doch nun einmal gewiss nicht, Liebe“, antwortete Scharlotte [10, с. 135].

Чем больше архаизмов включено в ткань повествования, тем, казалось бы, меньше экспрессивный эффект каждого отдельного архаизма. В то же самое время он становится компонентом органического целого и при его удалении и замене нейтральным элементом, при этом разрушается ткань произведения, его колорит. Итак, архаизмы, использованные в системе литературного произведения, обнаруживают стилевую черту, которую условно называют *гармонизмом* [11, с. 24–28]. Эта стилевая черта проявляется не только в создании исторического колорита, но и в придании произведению определенного возвышенного литературного характера, некоторой изысканности [12, с. 75]. Весь язык произведения поднимается как бы на ступень выше по сравнению с нейтральным стилем, становится

стилистически маркированным. Очевидно, можно создать шкалу не только отдельных средств, но и целых макроконтестов, воспользовавшись коэффициентом нормы, о котором пишет Ю.С. Степанов [13, с. 178].

В качестве примера гармонического сочетания архаизированных средств можно привести текст из романа современной австрийской писательницы Ильзы Айхингер „Die größere Hoffnung“ [14]:

Dunklen Blickes, das Kreuz in der erhobenen, hageren Hand, stehend auf einem glühenden Gipfel, zu welchem gelbe, erlösungsheischende Gesichter empordrängten, wartete Franz Xaver [14, с. 82].

В данном тексте гармонично сочетается конструкция *dunklen Blickes*, абсолютный винительный, относительное местоимение *welcher* (вместо *der*), препозиция причастия первого в обособленном обороте и лексика: эпитет *erlösungsheischend*. Здесь ярко выступает синтактико-стилистический гармонизм, усиливающийся постпозицией подлежащего.

Архаизмы служат не только целям создания исторического колорита или литературно-изысканного стиля. Гармонически использованные архаизмы могут настраивать произведение в сатирической тональности. Примером тому служат написанные в протокольной манере сатирические повести австрийского писателя Альберта Драха „Kleine Protokolle und das Goggelbuch“ [15], в которых изобилуют грамматические архаизмы: падежные формы имен личных, типа *IlSENS, zu IlSEN*; формы с *-e* в дативе (*im Vaterlande, auf dem Gebiete der Politik*), придаточные предложения с *darin* и *woselbst*, особое использование местоимения *derselbe*.

Таким образом, стилевая черта гармонии проявляется при создании

- 1) исторического колорита, исторической стилизации;
- 2) повышенного стиля, носящего печать литературной изысканности;
- 3) сатирической тональности.

Архаизмы могут обнаружить и противоположную стилевую черту, а именно дисгармонии, контрастности. Эта черта основана на ситуационной несовместимости или несовместимости с другими средствами, прежде всего с лексикой, с современной, профессиональной или же сниженной. Контрастность осуществляется обычно вкрапленными архаизмами, создающими комический эффект:

...man hätte ihnen allen Rollex-Uhren schenken sollen, auf dass Sie sich wahrhaft groß fühlen... [16, с. 13].

Einer von den Küchenbullen gab es mir herunter, und darnach stand ich wieder einen Augenblick lang allein auf der Straße... [17, с. 46].

Эффект архаической служебной лексики усиливается благодаря несовместимости с современным словом *Rollex-Uhren* и вульгаризмом *Küchenbulle*. Нейтральный союз *damit* или доминирующий вариант *danach*, сохранив то же количество информации, снизили бы экспрессивность текста.

Иногда вкрапление архаизмов в авторский текст объясняется стремлением автора к необычному и желанием оживить архаизм. Вкрапление архаизмов, продиктованное индивидуальной манерой и личным вкусом автора, на первый взгляд, не всегда представляется оправданным:

Er gibt dem Schaffner Trinkgeld, auf dass es so bleibe [18, с. 320].

При описании обыденной обстановки использование архаичного союза *auf dass* и конъюнктива в придаточном предложении при презенсе в главном не кажется убедительным. Однако возможно, что такое восприятие создается лишь при анализе предложения, искусственно изъятых из ткани повествования. Р.А. Будагов полагает, что лексические и семантические сдвиги, которые встречаются в языке многих романов Л. Фейхтвангера, становятся понятнее на более общем фоне [19, с. 121]. Все же иногда приходится наблюдать известное перенасыщение, создаваемое излишним употреблением архаических форм и оборотов. Достаточно обратиться к любому из произведений писателя начала XX в. Якоба Вассермана; предложения типа *Der Wirkung seiner Worte froh, entfernte sich Crammon erhobenen Hauptes* [20, с. 34] могут служить примером подобной избыточности.

При определении архаизмов приходится исходить из чувства языка, которое помогает устанавливать степень архаичности. Однако прежде всего необходимы лингвостилистические исследования, которые должны объективно установить правомерность отнесения того или иного явления в конкретный исторический период к архаизмам. Ведь «то, что на одном этапе развития языка не имеет постоянной стилистической маркированности, может впоследствии ее приобрести», справедливо замечает В.Н. Ярцева [9, с. 36]. Это положение можно проиллюстрировать на ряде примеров.

Еще в XVIII в. компоненты уступительных союзов *obwohl, obgleich, obschon* выступали раздельно, и у Гёте подобное употребление – норма:

Melodie und Ausdruck gefielen unserem Freunde besonders, ob er gleich die Worte nicht alle verstehen konnte [21, с. 153].

В романе „Lotte in Weimar“ Т. Манн сознательно использует это явление в целях создания исторического колорита. Наряду с *obgleich*, уже возможным во времена Гёте, бывший секретарь Гёте Риммер употребляет оба компонента раздельно:

Ist er doch empfänglich für Lob und lässt sich gern überzeugen, dass er ein Meisterwerk geschaffen habe, ob er gleich vorher ängstliche Zweifel darüber gehegt [10, с. 140].

Verzeihen Sie, wenn ich mich nicht selbst einfinde, auch mich bisher nicht habe sehen lassen, ob ich gleich oft in Gedanken bei Ihnen gewesen [10, с. 205].

В письмах Райнера Марии Рильке подобное разделение звучит архаично и свидетельствует об изысканности и книжности стиля:

Dies für einen Ihrer Abende. Seltsam: solche von unerträglicher Tiefe sind es vielleicht gerade, die unsereiner sich ersehnt, ob er gleich ihre Gefahr nicht verkennt... [22, с. 64].

Выше указывалось, что сложноподчиненное предложение с придаточным с *darin* получает архаическую окраску и становится синтаксическим архаизмом. По данным Н.Н. Семенюк, в XVIII в. придаточные определительные могли вводиться местоименными наречиями *darin/worin*. Вариантность сохраняется в течение всего изученного периода, однако со второй поло-

вины XVIII в. продуктивность типа с *darin* значительно снижается [2, с. 168]. Совершенно очевидно, что в романах Теодора Фонтане (1819–1898) придаточные предложения, введенные формами на *d-*, являются архаизмами для того времени, хотя и употребляются писателем довольно часто. Речь идет о предложениях типа:

Dies hier ist das eigentliche Klopstock-Haus, das Haus, darin er geboren wurde [23, с. 98].

Попутно следует заметить, что единичные примеры встречаются и у Т. Манна.

Таким образом, в каждый конкретный период архаизмы воспринимаются носителями языка по-разному, они различно взаимодействуют со своими нейтральными синонимами и вариантами. Существенным оказывается и сфера, в которой архаизмы используются. В устной речи они существуют пассивно, так как носители языка в устном общении, как правило, ими не пользуются. Определенные явления, кажущиеся нейтральными в письменной речи, в языке автора, при устном общении могут восприниматься как устарелые. Если в современной художественной литературе односложные существительные мужского и среднего рода в дативе единственного числа используются как с флексией *-e* (*im Hause, mit einem Male*), так и без флексии *-e* (*im Haus, mit einem Mal*) без стилистических различий [24, с. 210–211], то в живом разговорном современном языке *-e* дательного падежа ощущается как архаизм.

В языке художественной литературы архаизмы используются активно, поскольку художественная литература – это аккумулятор архаизмов. Архаизмы выступают как стилистически маркированные средства повышения стиля, а связь архаизации с возвышенным неоспорима. Вскрыть же причины этой связи в полном объеме представляется заманчивой задачей [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. Семенюк, Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия / Н.Н. Семенюк. – М. : Наука, 1967. – 215 с.
3. Эйхбаум, Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка / Г.Н. Эйхбаум. – СПб. : Изд-во СПбУ, 1996. – 276 с.
4. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : УРСС, 2004. – 440 с.
5. Гончаров, С.Б. Вариантные формы в спряжении глаголов немецкого языка // Вопросы преподавания и теории иностр. языков / С.Б. Гончаров. – Калинин : КГУ, 2001. – С. 35–42.
6. Admoni, W.G. Der deutsche Sprachbau / W.G. Admoni. – Л. : Просвещение, 1977. – 312 с.

7. *Erben, J.* Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin : Akad.-Verl., 1964. – 208 S.
8. *Петаш, Г.В.* Виды и средства языковой стилизации в художественной литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.В. Петаш. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1966. – 28 с.
9. *Ярцева, В.Н.* Развитие национального литературного английского языка / В.Н. Ярцева. – М. : УРСС, 2004. – 288 с.
10. *Mann, Th.* Lotte in Weimar / Th. Mann. – Frankfurt/M. : Fischer-Verl., 2003. – 450 S.
11. *Riesel, E.* Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – М.: Высш. шк., 1975. – 316 с.
12. *Brinkmann, H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf : Pädagogischer Verl. Schwann, 1971. – 939 S.
13. *Степанов, Ю.С.* Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
14. *Eichinger, I.* Die größere Hoffnung / I. Eichinger. – Wien : Greifenverl., 1993. – 235 S.
15. *Drach, A.* Kleine Protokolle und das Goggelbuch / A. Drach. – Wien : Greifenverl., 1999. – 116 S.
16. *Böll, H.* Mein trauriges Gesicht / H. Böll. – Leipzig : Reclam-Verl., 1979. – 42 S.
17. *Andersch, A.* Die Kirschen der Freiheit. Ein Bericht / A. Andersch. – Zürich : Diogenes, 1971. – 130 S.
18. *Feuchtwanger, L.* Exil / L. Feuchtwanger. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1988. – 854 S.
19. *Будагов, Р.А.* Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М.: Высш. шк., 1967. – 376 с.
20. *Wassermann, J.* Etzel Andergast / J. Wassermann. – Berlin : Fischer-Verl., 1962. – 661 S.
21. *Goethe, W.* Willhelm Meisters Lehrjahre / W. Goethe. – Stuttgart : Philipp Reclam, 1997. – 664 S.
22. *Rilke, R.M.* Briefe an eine junge Frau / R.M. Rilke. – Leipzig : Im Insel-Verl., 1963. – 168 S.
23. *Fontane, Th.* Die Peppenpuhls / Th. Fontane. – Leipzig : Im Insel-Verl., 1961. – 113 S.
24. Die Duden-Grammatik / Hersg. v. der Dudenredaktion, 7. völlig neu erarb. u. erw. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2006. – 1343 S.
25. *Saltveit L.* Zum Wesen des sprachlichen Archaismus. Tradition und Ursprünglichkeit / L. Saltveit. – Stuttgart : Metzler, 2008. – 204 S.

The grammar archaisms are recognized to be forms and constructions perceived by the speaker as the ones learned from a more ancient language. Archaisms of fiction texts serve as stylistically marked means are applied to create the historical charm and satire as well as contribute to the whole text the air of elevated style.

Поступила в редакцию 16.01.12

Ж.С. Павловская

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена изучению функционирования лексических синонимов с отрицательным префиксом. Для решения этой задачи была рассмотрена проблема *синонимии* и критерии ее выделения, определены признаки, в соответствии с которыми лексические единицы становятся синонимами, показано, чем обусловлено явление функциональной синонимии. Проведенный анализ показал, что синонимические связи лексических единиц, возникающие в тексте, проясняют их значения, выявляют общее и различное в семантике слов, помогают выявить объем значения слова и возможности его модификации в синтагматике.

Проблема *синонимов* остается одной из спорных в современной лингвистике. *Синонимия* представляет собой реальное свойство всех языков, которое проявляется в том, что каждое означающее может выполнять несколько функций, а каждое означаемое может быть выражено различными лексическими единицами [1, с. 8]. В связи с универсальностью *синонимии* неоднократно проводились исследования, направленные на выявление критериев синонимических отношений (В.А. Звягинцев, Ж.П. Соколовская, С.Г. Бережан, Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд и др.). Все лингвисты характеризуют синонимию как одно из проявлений парадигматических отношений в языке. Исходя из этого, синонимами являются разные слова, близкие или тождественные по значению, выражающие одно понятие [2, с. 67]. Данное определение указывает на одно важное свойство – тождество или близость значений, которые принято считать основой синонимичности лексических единиц. Кроме этого критерия, Д.Н. Шмелев указывает на другие признаки, которыми должны обладать лексические единицы, для того, чтобы их можно было рассматривать как синонимы: способность обозначать один предмет, взаимозаменяемость в контексте [3, с. 304]. С.Г. Бережан, обобщая данные различных исследований, отмечает следующие критерии выделения синонимов: общность номинации, предметно-понятийная соотнесенность, совпадение сочетаемости или идентичность формул дистрибуции [4, с. 80]. При этом С.Г. Бережан предлагает искать основной признак синонимии в пределах смысловой структуры слова, т.е. его значения. Нельзя не согласиться с утверждением, что за основу и критерий синонимии в парадигматике принимается «совпадение составных элементов смысловой структуры слова, совмещенное с совпадением категориального грамматического значения» [1, с. 35]. При этом необходимо учитывать и лексико-семантические варианты единиц, которые входят в один синонимический ряд. Так как наиболее употребительная часть лексического состава языка состоит из полисемантических единиц, близкими оказываются отдельные значения слова. В синонимический ряд входят лексические единицы не во всем своем семантическом единстве, а только в том значении, которое оказывается семантически связанным с другими, составляющими

данный ряд и имеющими в нем определенное значение [4, с. 80]. Реально функционируя в речи, слово всякий раз выступает в одном из своих семантических вариантов, что способствует передаче понятия во всей полноте и осуществлению связи с другими семантическими группами слов. *Семантический ряд* является примером лексико-семантической группы слов, сформулированной на основании совпадения основных элементов их значений. Лексические единицы, которые по указанному признаку можно отнести к разряду синонимов, в свою очередь, подразделяются на синонимы *по денотату*, называющие один и тот же предмет по-разному, и синонимы *по сигнификату*, выражающие разные оттенки одного понятия сходным образом или называющие разные предметы одинаково [5, с. 30]. Синонимы по сигнификату часто используются в речи для более точного описания предметов или явлений. Благодаря своей способности выражать оттенки одного понятия, именно синонимы по сигнификату служат источником такого явления, как *функциональная синонимия*.

Лексические единицы, рассматриваемые как функциональные синонимы, в парадигматике могут не иметь общности значений, но под влиянием внутритекстовых связей они приобретают коннотативное значение, или коннотацию, т.е. новые оттенки значения, накладываемые на основное и служащие для выражения «эмоционально-оценочных обертонов» [6, с. 204]. Коннотация обусловлена смысловой структурой слова, потенциально входит в нее, контекст при этом лишь актуализирует коннотативное значение. Коннотация во многих случаях способствует метафоризации слов, их участию в словообразовательных и других процессах, поэтому коннотативное значение, будучи ассоциативным признаком в одном лексическом значении, может выступать существенным и семантическим в другом [7, с. 61]. За счет содержательных и формальных свойств слов возникают внутритекстовые связи, способствующие раскрытию коннотативного значения, которое связывает лексические единицы и позволяет считать их синонимами. Кроме того, внутритекстовые связи обусловлены семантической структурой текста, для которой характерна семантическая согласованность составляющих его частей и единиц [8, с. 161].

Значение текста формируется не всеми единицами, входящими в его состав, а несколькими элементами, образующими фон высказывания и обуславливающими внутритекстовые связи. Основная смысловая связь понимается как «внутрипонятийная связь, передающая предметные отношения», дополнительные связи раскрывают основную, конкретизируя и уточняя ее [9, с. 192–193]. Элементы, служащие для передачи основной и дополнительных смысловых связей, способны выражать модальные или эмоциональные оттенки значения или выступать как средство уточнения, создания выразительности высказывания; к таким средствам уточнения и углубления высказывания относятся и функциональные синонимы. Кроме того, функциональные синонимы служат для обозначения различных сторон явления или понятия, о котором идет речь. При этом не следует забывать, что для выражения понятия во всей его полноте может пона-

добиться целый ряд синонимов. В таких случаях наглядно проявляется различие между синонимическими отношениями в парадигматике и функциональной синонимией. В синонимическом ряду, как правило, существует ядро – синоним, передающий основной общий смысл, – и периферия – члены синонимического ряда, выражающие другие признаки понятия; на первый план выдвигается дифференцирующая роль синонимов, их различительные признаки. Когда же рассматривается микроряд функциональных синонимов (в статье употребляется термин микроряд, так как ряд функциональных синонимов ограничен, в него входит от двух до четырех единиц в проанализированных текстах, и его трудно сравнивать с каким-либо семантическим рядом слов в парадигматике), существенным является то общее, что связывает значения данных единиц, то, что позволяет им выразить одно понятие. Общее в значении функциональных синонимов возникает благодаря снятию дифференцирующих семантических компонентов, которые становятся несущественными в данном употреблении. Такое снятие семантических компонентов возникает под влиянием внутриконтекстных связей или же за счет предварительных фоновых знаний об объекте или явлении. Поэтому необходимо учитывать лексическую семантику и семантику экстралингвистического плана. Только анализ основных и коннотативных значений лексических единиц, составляющих микроряд функциональных синонимов, демонстрирует их системные связи.

Функциональные синонимы определяются как единицы, противопоставленные по каким-либо семантическим признакам, которые становятся несущественными в определенном контексте, и объединенные различными оттенками коннотативного значения, появляющимися в том же контексте под влиянием внутритекстовых связей.

Принимая во внимание тот факт, что значение – это один или несколько признаков обозначаемого класса предметов или явлений, отраженных и определенным образом преломленных в сознании говорящего [10, с. 76], лексическое значение традиционно рассматривается как состоящее из сем – частей значений, не связанных с какой-либо значимой частью [11, с. 18], и указывающих на различные признаки предмета или понятия. При этом выделяются следующие схемы: архисема – элемент значения, передающий наиболее существенный, определяющий признак; дифференциальные семы – обозначающие оттенки или менее существенные признаки данного предмета или понятия; потенциальные семы – указывающие на вероятные признаки предмета или понятия, – актуализирующиеся в контексте под влиянием различных факторов: ассоциаций, пресуппозиции, внутриконтекстных связей [12, с. 24]. Кроме того, лексическое значение слова формируется различными компонентами, а именно: денотативным (указывающим на определенный предмет/признак); сигнификативным (передающим понятие или сумму существенных признаков класса обозначаемых словом предметов); коннотативным/ассоциативным (обусловленным лексическими ассоциациями и дополнительными смыслами, возникающими при взаимодействии

значений различных лексических единиц). В зависимости от того, какое значение является более существенным в данной группе лексических единиц, выделяют синонимы по денотату и синонимы по сигнификату. Как правило, функциональные синонимы являются синонимами по сигнификату, так как характеризуют одно понятие и служат для более полного его описания.

Лексические единицы, выступающие в тексте как синонимы, называют стилистическими, ситуативными или контекстными синонимами [3, с. 334]. Эти определения, также как и термин функциональные синонимы, отражают сущность явления, указывая на общность употребления (функционирование) данных лексических единиц. Функциональная синонимия обусловлена чаще всего индивидуальным или переносным использованием лексических единиц, существующих наряду с общеупотребительным. Анализ текстового материала показал¹, что возможны несколько вариантов микроряда функциональных синонимов, имеющих в своем составе отрицательный компонент.

Первый вариант микроряда: $N + An$, где N – единица с отрицательным префиксом, передающая наиболее общее значение; An – единица с отрицательным префиксом, дополняющая и конкретизирующая значение первой. Например:

– *Malheureusement cette manoeuvre-ci, profondément **malhonnête et immorale** a finalement été couronnée de succès.* [M]

В данном предложении синонимами по сигнификату можно считать единицы *malhonnête* и *immorale*, характеризующие одно явление. Анализ значений данных лексем позволяет выделить общую для них сему: *malhonnête* – qui manque à la décence, à la pudeur; qui manque à la civilité, aux convenances; contraire à la pudeur; qui manque à la probité, qui n'est pas honnête; *immorale* – qui vide les principes de la morale; contraire à la morale, aux bonnes moeurs. [PR]

Архисемой для данных единиц является элемент значений 'contraire à quelque chose de bon'. В наиболее общем виде она выражена в значении лексической единицы *immorale* 'contraire à la morale, à la pudeur'. Таким образом, представляется возможным считать совпадающей дифференциальной семой для данных лексических единиц 'contraire aux bonnes moeurs, à la pudeur, aux convenances'; а именно эта общность позволяет указанным лексическим единицам характеризовать одно понятие.

Подобное явление наблюдается и при анализе следующего предложения:

*Par une note écrite, elle leur signifie que cette grève a un caractère **irrégulier** ... **illégal** qui constitue une véritable remise en cause des obligations mêmes du contrat de travail.* [M]

irrégulier – qui n'est pas conforme à la règle établie, à l'usage commun. [PR]

illégal – qui n'est pas légal, qui est contraire à la loi. [PR]

¹ Источниками примеров послужили микротексты из газеты "Le Monde". В статье рассматриваются только примеры из публицистических текстов, где необходимы точность описания и оценка.

Общий элемент значений данных лексических единиц выражен в значении лексемы *irrégulier* ‘qui n’est pas conforme à la règle’, который конкретизируется дифференциальной семой лексемы *illégal* – qui n’est pas légal, qui est contraire à la loi.

В случае наличия микроряда функциональных синонимов типа $N + An$ значения всех составляющих его единиц имеют в составе дифференциальную сему ‘противоположный признак’. При этом синонимичные лексемы сохраняют свои значения и служат для более точного описания обозначаемого явления, так как ни одна из них не может полностью охарактеризовать его. Сочетание нескольких лексических единиц с отрицательным префиксом оказывает большее эмоциональное воздействие на объект речи.

Второй вариант микроряда: $An + B$, где B – любая лексическая единица, вступающая во взаимодействие с единицей, имеющей в своем составе отрицательный префикс (An):

Nous n’estimons pas fatals la progression de la pauvreté, le développement du chômage, des crimes racistes, la pratique humiliante et injustes des saisies et expulsions, les atteintes à la dignité de l’homme, de la femme, à l’espoir de notre jeunesse ... [5]

В значениях лексических единиц *humiliante* и *injustes* не выделена общая архисема:

injuste – qui agit contre la justice ou l’équité; qui est contraire à la justice; qui résulte d’une erreur d’appréciation, qui est mal fondé. [PR];

humiliant – qui cause ou est de nature à causer de l’humiliation. [PR]

В данном случае в значении лексической единицы *humiliant* под влиянием значения лексемы *injuste* актуализируется потенциальная сема ‘негативный признак’. Значения данных лексических единиц взаимодействуют в тексте, так как обе единицы могут служить для выражения негативной оценки. В этом проявляется общность их значений, что позволяет указанным единицам дополнять друг друга и конкретизировать их собственные значения, более точно описывая явление.

В предложении

Nous visons par nos poursuites, dira-t-il, les méthodes inadmissibles et dangereuses de la CGT. [M]

значения функциональных синонимов *inadmissibles* и *dangereux* также не имеют общих дифференциальных сем:

inadmissible – qui est impossible d’admettre, de recevoir [PR];

dangereux – qui constitue un danger, présente du danger, exposé à un danger; qui a pouvoir de nuire, à qui on ne peut se fier. [PR]

Под влиянием внутритекстовых связей в значении лексемы *dangereux* происходит актуализация потенциальной семы ‘негативный признак’, благодаря которой значения данных лексических единиц дополняют друг друга, при этом единица *dangereux* объясняет значение лексемы *inadmissible* в данном тексте, как бы отвечая на вопрос *почему?*

Третий вариант – микроряд типа: $An + B$, где B – лексическая единица с коннотативным значением, получаемая под влиянием значения единицы с отрицательным префиксом (An):

Prenant parole après une courte intervention d'un militant, faisant état de difficultés, rencontrées lors d'un porte-à-porte dans une cité populaire (accueil froid sinon inamical, manque frappant d'intérêt pour l'élection présidentielle) le dirigeant national du PCF a créé la surprise dans la salle. [M]

Под влиянием лексической единицы *inamical* в значении лексемы *froid* появляется коннотативное значение негативной оценки, которого нет в основном значении этой лексемы:

froid – qui ne s'anime pas facilement, dont la réserve marque de l'indifférence ou une certaine hostilité;

qui est à une température sensiblement plus basse que celle du corps humain. [PR]

Коннотативное значение негативной оценки накладывается на основное значение лексемы *froid*, благодаря чему возникает общность значений лексических единиц *inamical* и *froid*, что и позволяет рассматривать их как функциональные синонимы.

Pourquoi une telle censure, aussi impitoyable, aussi ouverte, aussi cynique ... [M].

В данном случае коннотативное значение появляется у лексической единицы *ouverte* под влиянием лексемы *impitoyable* и *cynique*, имеющих потенциальную сему 'негативная оценка' – qui ne fait grâce de rien, qui exprime des opinions contraires aux bienséances morales.

Impitoyable – qui est sans pitié, qui observe, juge sans indulgence, ne fait grâce de rien [PR];

cynique – qui exprime sans ménagement des sentiments des opinions contraires à la morale, aux bienséances morales [PR];

ouvert – disposé de manière à laisser le passage; où l'on peut entrer; pénétré, troué, incisif; communicatif et franc; qui se manifeste, se déclare publiquement. [PR]

При взаимодействии значений функциональных синонимов в тексте актуализированная общая потенциальная сема лексических единиц *cynique* и *impitoyable* оказывает влияние на значение лексемы *ouvert*, придавая ей значение, включающее негативную оценку. В парадигматике лексические единицы *impitoyable*, *cynique*, *ouvert* не являются синонимами; в тексте, благодаря актуализации потенциальных сем и возникающим в связи с этим новым оттенком значений, эти лексемы могут рассматриваться как функциональные синонимы, которые служат для характеристики одного явления, более точно выражая его признаки и оценивая это явление.

В рассмотренных примерах не были обнаружены функциональные синонимы по денотату. Эти явления можно объяснить тем, что употребление синонимов по денотату, вариантов названия одного и того же явления, более свойственно художественным текстам, стремящимся к образному изображению действительности.

Рассмотрев приведенные примеры и проанализировав значения лексических единиц, составляющих синонимические микроряды, можно сделать вывод о том, что в тексте возможно существование трех типов синонимических рядов негативной оценки и трех вариантов реализации значений лексем, которые рассматриваются как функциональные синонимы:

1) полная реализация значения лексических единиц в микроряде типа $N + An$;

2) частичная реализация значения, т.е. актуализация только отдельных потенциальных сем, составляющих значение лексемы, в микроряде типа $An + B$;

3) возникновение новых сем под влиянием значений других лексем, составляющих микроряд типа $An + B$.

В синонимических рядах в тексте реализуются два свойства контекстной семантики [13, с. 45]: 1) ограничение объема значения (в рассмотренных случаях – актуализация отдельных потенциальных сем; 2) пресуппозиционная семантика, т.е. учет предварительной информации об объекте.

В рассмотренных примерах имена прилагательные с отрицательными префиксами следуют непосредственно друг за другом и за определяемым словом; такое контактное расположение способствует образованию в тексте «цепочки» лексем, имеющих общую сему, что позволяет передать градацию в выражении мыслей, чувств и характеристик предметов и явлений. Следовательно, в тексте синонимические отношения обусловлены не только значениями составляющих его единиц, но и оттенками их значений и «потребностями» контекста или ситуации. Синонимические связи лексических единиц, возникающие в тексте, проясняют их значения, выявляют общее и различное в семантике слов, помогают выявить объем значения слова и возможности его модификации в синтагматике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бережан, С.Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц / С.Г. Бережан. – Кишинев : Изд-во Кишинев. гос. ун-та, 1973. – 150 с.
2. *Брагина, А.А.* Синонимия в литературном языке / А.А. Брагина. – М. : Педагогика-Пресс, 1986. – 176 с.
3. *Шмелев, Д.Н.* Современный русский язык / Д.Н. Шмелев. – М. : Высш. шк., 1986. – 412 с.
4. *Медникова, Э.М.* Значение и методы его описания / Э.М. Медникова. – М. : Прогресс, 1994. – 286 с.
5. *Степанов, Ю.С.* Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М. : Высш. шк., 1985. – 405 с.
6. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
7. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семиотика / Ю.Д. Апресян // Синонимические средства языка. – М. : Просвещение, 1984. – 315 с.
8. *Гак, В.Г.* О семантической организации текста / В.Г. Гак // Лингвистика текста : материалы науч. конф. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1984. – Ч.1. – С. 161–193.

9. *Апатова, Л.И.* Текст как система ориентира в процессе понимания иноязычной речи на слух / Л.И. Апатова // Лингвистика текста : материалы науч. конф. ; в 3 ч. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1984. – Ч. 1. – С. 188–200.
10. *Сентенберг, И.В.* Сочетаемость как фактор развития лексико-семантической парадигмы / И.В. Сентенберг // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та., 1989. – Вып. 9. – С. 72–82.
11. *Никитин, М.В.* Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М. : Наука, 1993. – 165 с.
12. *Гак, В.Г.* Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1987. – 286 с.
13. *Колшанский, Г.В.* Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 262 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

М – Le Monde 10.06.2008; 23.05.2008; 29.03.2010; 31.03.2010; 18.02.2010; 17.03.2010.

PR – Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P. : Hachette, 1997. – 825 p.

The article considers some aspects of synonymy, criteria for its identification and the features that make lexical units synonyms. Functional characteristics of lexical synonyms with a negative component, as well as the role of the synonymous connections in the text are also analysed.

Поступила в редакцию 14.12.11

В.А. Павловский

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Одной из основных в развитии лексики является проблема *новых слов*, появление которых постоянно вызывают к жизни новые явления действительности и которые непрерывно внедряются в словарный состав современного языка, обогащая его и совершенствуя.

Социально-экономические условия жизни, контакты, достижения общества в разных сферах зеркально отражаются в языковой ситуации в виде заимствований, неологизмов, различных трансформаций в лексических значениях слов, отвечающих новой общественной проблеме социума.

Однако констатировать факт обновления словарного состава языка, вне выявления и характеристики механизма появления в нем новых единиц, не вполне оправдано.

В предлагаемой статье исследуются наиболее активные словообразовательные модели современного французского языка. Особое внимание уделено английским заимствованиям, их семантической трансформации и адаптации к лексико-грамматическим нормам французского языка.

Язык, будучи живым организмом, находится в постоянном движении и развитии. Из всех составляющих языковой системы, как известно, лексика подвержена изменениям наиболее активно: именно в словаре сосредоточены результаты модификаций, вызванных прежде всего экстралингвистическими факторами. Отсюда вполне закономерны споры лингвистов по поводу каждого нового словоупотребления. Не подвергается сомнению лишь сам факт постоянного роста слов в языке [1, с. 44]. При этом лингвисты указывают на различную «продолжительность жизни» лексических новообразований. Многие из них стабильно интегрируются в языковое пространство, другие очень быстро забываются. Срок жизни последних иногда сравнивают со сроком жизни розы, их существование настолько эфемерно, что они не успевают зафиксироваться в словаре даже на короткое время [2, р. 199].

Лексический портрет определенной временной эпохи в значительной степени зависит от того равновесия, которое устанавливается между словарем системы данного языка и количеством словаря, используемого говорящими непосредственно в речи. В принципе, количественный состав лексических единиц, позволяющий вполне полноценно обслуживать языковой коллектив, оказывается достаточно скромным. Так, известный исследователь французского языка А. Вальтер [3, р. 281] считает, что 1500 единиц, включенных в состав словаря “*Français élémentaire*” («Словарь-минимум французского языка») [4] либо 3500 слов словаря “*Français fondamental*” («Базовый словарь французского языка») [5] позволяют носителям языка полноценно реализовать его коммуникативную функцию. Приведенные подсчеты получены в 50-е годы XX столетия на основе устных текстов лиц разного культурного уровня. Из общего количества – 300000 словоупотреблений – лишь 8000 различаются по смыслу, из которых 2700 употреблены в анализируемых текстах по одному разу [3, р. 282].

Имеются и еще более «впечатляющие» данные: американский лингвист А. Малекко считает, что вышеприведенные результаты оказываются не намного выше, даже если в качестве эксперимента выбрана достаточно гомогенная в образовательном отношении группа. Так, 25-часовая запись 50 носителей языка, среди которых были работники аппарата управления, представители либеральных профессий, преподаватели университетов, позволили ученому составить выборку из 68000 словоупотреблений, из которых лишь 3500 отличались по смыслу. При этом каждый из собеседников употребил менее 2000 разных по значению слов в течение полу-часового общения [6, с. 347]. Безусловно, это не означает, что каждый из них владеет лишь указанным количеством лексем. Известно, что кроме слов, которые человек непосредственно реализует в речи, есть лексика, находящаяся в его долговременной памяти, в «резерве», который он «извлекает» по мере необходимости. Диспропорция между этими двумя лексическими полюсами довольно внушительна: 5000–6000 единиц с одной стороны и сотни тысяч – с другой. Но именно этот «разрыв» предоставляет членам языкового коллектива возможность обсуждать разного рода проблемы на

французском языке. Кроме того, развитие науки, техники, общества в целом способствует ежедневному обогащению словарного состава данного языка. Открытый характер лексической системы, в отличие от фонологии и грамматики, позволяет говорить о неиссякаемом источнике обогащения, каковым является словотворчество.

Однако недостаточно знать, что словарный состав языка постоянно обновляется. Важно выявить механизм появления в нем новых единиц.

При наличии достаточно универсальных законов, которые управляют процессом обогащения словарного состава того или иного языка, в разных языках это происходит по-разному.

Если отвлечься от авторских неологизмов, к которым часто прибегают писатели, в целом обновление словаря идет по двум основным направлениям: с одной стороны, новинки техники требуют своих номинаций, с другой стороны – существует необходимость экспрессивной передачи чувств пользователей языка, реализации его прагматического аспекта. Как видим, мотивация появления в языке новых слов различна. Но если новообразования первого типа являются продуктом тщательного осмысления и систематизации, то вторые рождаются преимущественно спонтанно, индивидуально. Они чаще подвержены законам моды, их появление обусловлено конкретной ситуацией. Обозначение новых реалий происходит как с привлечением внутренних резервов языка, так и заимствований из других языков.

По установившейся традиции принято считать, что французская техническая терминология последних десятилетий характеризуется прежде всего заимствованиями из английского: термин вводится в обиход вместе с предметом, его обозначающим. В принципе, это достаточно управляемый процесс. Во Франции существуют специальные лингвистические комиссии, занимающиеся терминологией, и наряду с заимствованием предлагают параллельный французский вариант номинации. Так, в качестве французских эквивалентов английских слов *tuner*, *walkman*, *compact-disk*, *video-clip* соответственно были предложены *syntoniseur*, *baladeur*, *disque audionumérique* и *bande vidéo promotionnelle*, хотя прижилась лишь лексема *baladeur*.

Что касается других терминов, то носители французского языка предпочитают английские эквиваленты. Данный факт объясняется не преувеличенным пиететом перед английским языком, а тем, что предложенные комиссией французские варианты оказались более длинными и слишком научными, а, следовательно, более трудными для запоминания. Отдельные английские термины адаптируются к грамматической структуре французского языка. Так, английский термин *compact-disk* во французском языке употребляется как *disque compact* по аналогии с *disque dur*, *route nationale*; соблюдается правило французского словообразования, согласно которому имя предшествует своему детерминативу. Последнее обстоятельство позволяет английскому термину «безболезненно» интегрироваться в систему французского языка. Однако, несмотря на то, что английские заимствования занимают значительное место в системе словаря (это явление наблюдается во многих языках), французский язык, тем не менее, пытается максимально

использовать свои собственные словообразовательные модели при номинации новых предметов и явлений. Как подлинно французские воспринимаются сегодня такие термины, как *surgénérateur* ‘реактор-размножитель’, *radariste* ‘оператор радиолокатора’, *microprocesseur* ‘микропроцессор’, *géostationnaire* ‘геостационарный’ и многие другие, что подтверждает мысль о жизнеспособности лексической креативности на базе внутренних ресурсов в любом языке.

На наш взгляд, современные лексикологи несколько преувеличивают аналитические тенденции французского языка, и прежде всего что касается средств обогащения его словарного состава. Это сомнение можно по праву высказать в отношении значительного пласта новейших образований. В процессе их создания многие суффиксы демонстрируют ярко выраженную продуктивность. Среди активных словообразовательных элементов выделяются суффиксы *-ité*, *-ière*, *-esse*: *urbanité*, *f* ‘вежливость, учтивость’, *gazinière*, *f* ‘газовая плита’, *doctoresse* ‘женщина-врач’. Однако пальму первенства в плане словообразовательных возможностей прочно удерживает глагольный суффикс *-er* со своими вариантами *-iser*, *-ifier*, которые регулярно пополняют глагольный состав французского языка отыменными новообразованиями. Теоретически каждое французское имя существительное может послужить основой для появления новой глагольной единицы, хотя далеко не все из них зафиксированы словарями. Подобного рода образования довольно длительное время функционируют только в разговорной речи или в других специфических сферах языка. И только со временем некоторые из них привлекают внимание лексикографов, другие так и остаются предметом устного творчества. Так, например, ни один словарь не фиксирует глаголы *wagonner* ‘загружать вагон’ и *paquebotter* ‘осуществлять погрузку корабля’. Тем не менее, их использует Поль Верлен еще в середине XIX века [7, р. 64]. Для иллюстрации высокой степени продуктивности суффикса *-er* выделим некоторые семантические группы существительных, которые явились базой для образования соответствующих глаголов: спортивные термины (*escrime* ‘фехтование’ – *escrimer* ‘фехтовать’, *ski* ‘лыжи’ – *skier* ‘кататься на лыжах’, *pédale* ‘педаль’ – *pédaler* ‘ехать на велосипеде’); военные термины (*grenade* ‘граната’ – *grenader* ‘забросать гранатами’, *grade* ‘чин, звание’ – *grader* ‘присваивать звание’, *alarme* ‘тревога’ – *alarmer* ‘поднять по тревоге’); химические термины (*oxygène* ‘кислород’ – *oxygéner* ‘окислять’, *laque* ‘лак’ – *laquer* ‘покрывать лаком’, *argent* ‘серебро’ – *argenter* ‘покрывать серебром’); технические термины (*fraise* ‘фреза’ – *fraisier* ‘фрезеровать’, *marteau* ‘молоток’ – *marteler* ‘бить молотком’, *tenaille* ‘клещи, щипцы’ – *tenailler* ‘пытать калеными щипцами’); музыкальные термины (*flûte* ‘флейта’ – *flûter* ‘играть на флейте’, *piano* ‘фортепьяно’ – *pianoter* ‘бренчать на пианино’, *corde* ‘струна’ – *discorder* ‘детонировать’); термины, относящиеся к живописи (*toile* ‘полотно’ – *entoiler* ‘наклеивать на холст’, *crayon* ‘карандаш’ – *crayonner* ‘писать карандашом’, *gouache* ‘гуашь’ – *gouacher* ‘рисовать гуашью’), к театру (*grime* ‘грим’ – *grimer* ‘загримировать’, *mime* ‘мим’ – *mimer* ‘передавать мимикой’, *pantomime* ‘пантомима’ – *pantomimer* ‘изображать жестами’), к литературе (*préface* ‘предисловие’ – *préfacier* ‘снабжать

предисловием’, *rime* ‘рифма’ – *rimer* ‘рифмовать’, *roman* ‘роман’ – *romancer* ‘облекать в форму романа’); лексемы, относящиеся к сельскому хозяйству (*gerbe* ‘сноп’ – *gerber* ‘вязать в снопы’, *grange* ‘крытое гумно, амбар’ – *engranger* ‘убирать в амбар’, *moisson* ‘жатва’ – *moissonner* ‘жать’); лексемы, обозначающие явления природы (*grêle* ‘град’ – *gréler* ‘выбивать градом’, *bruine* ‘моросящий дождь’ – *bruiner* ‘моросить’, *soleil* ‘солнце’ – *enseleiller* ‘освещать солнцем’); лексемы обозначающие деятельность человека (*pilote* ‘летчик’ – *piloter* ‘вести самолет’, *marchand* ‘продавец’ – *marchander* ‘торговаться’, *mannequin* ‘манекен’ – *mannequiner* ‘придавать неестественное положение’), продукты питания (*beurre* ‘масло’ – *beurrer* ‘намазывать маслом’, *poivre* ‘перец’ – *poivrer* ‘перчить’, *framboise* ‘малина’ – *framboiser* ‘приправлять малиновым соком’); абстрактные имена с суффиксами *-tion*, *-ment*, *-ence*, *-ie*, *-on*, *-age* (*addition* ‘прибавление’ – *additionner* ‘складывать’, *compliment* ‘комплимент’ – *complimenter* ‘хвалить’, *dépense* ‘трата’ – *dépenser* ‘расходовать, тратить’, *ironie* ‘ирония’ – *ironiser* ‘насмехаться’, *foison* ‘изобилие’ – *foisonner* ‘изобиловать’, *courage* ‘храбрость, мужество’ – *encourager* ‘ободрять, поддерживать’) и многие другие.

Несмотря на то, что русский и белорусский являются языками с предельно активными моделями глагольного словообразования, они явно уступают в этом плане французскому языку. Наиболее продуктивными в русском языке в этой категории являются глагольные суффиксы *-ова*, *-ева*, *-ирова*, *-ить* (*беседа* – *беседовать*, *горе* – *горевать*, *норма* – *нормировать*, *бур* – *бурить*, *магнит* – *магнитить*, *тормоз* – *тормозить*); в белорусском языке – суффиксы *-ава*, *-ява*, *-ірава*, *-іць* (*ноч* – *начаваць*, *баль* – *баляваць*, *прэмія* – *прэміраваць*, *руль* – *руліць*). В русском и белорусском языках отсутствует единый суффикс, подобно французскому *-er*, который демонстрировал бы такую активную продуктивность. Более того, русские и белорусские имена существительные, обозначающие конкретные предметы, явления природы, технические термины, лишь в редких случаях становятся базой для образования однословных глаголов, как в случае *крик* – *крикнуть*, *груз* – *грузить*, *дождь* – *дождить*, *тормаз* – *тармазіць*, *мароз* – *марозіць*, *захад* – *заходзіць*.

Чаще всего однословный французский глагол, как это было показано выше, передается на русский и белорусский языки словосочетанием:

французский	русский	белорусский
<i>sourciller</i>	насупить брови	насупіць бровы
<i>pointer</i>	отмечать точками	памячаць кропкамі
<i>pivoter</i>	вращаться вокруг оси	круціцца вакол восі
<i>s’attabler</i>	садиться за стол	садзіцца за стол
<i>s’aliter</i>	лечь в постель	легчы ў пасцель
<i>crayonner</i>	рисовать карандашом	рысаваць алоўкам
<i>gerber</i>	вязать снопы	вязаць у снапы
<i>enseleiller</i>	освещать солнцем	асвятляць сонцам
<i>marteler</i>	бить молотком	біць малатком
<i>beurrer</i>	намазывать маслом	намазваць маслам

Каждое новое образование типа *fidéliser* ‘привлекать, закреплять за собой (публику, клиентуру)’, *franchiser* ‘предоставлять право на использование своей фирменной марки или патента’, *gadgétiser* ‘снабжать техническими усовершенствованиями’, *lyophiliser* ‘высушивать сублимацией’, *médiatiser* ‘пропагандировать с помощью средств массовой информации’, *publiciser* ‘передавать в государственный сектор, либо делать достоянием гласности’, *transisteriser* ‘оснащать транзисторами’ лишь увеличивает частотность, усиливает жизнеспособность данной модели.

В значительной степени данному обстоятельству способствует такой немаловажный факт, как реализация принципа экономии языковых средств. В одной французской лексеме сосредоточена информация, которая лишь в редких случаях может быть передана адекватно на русский язык одним словом. Чаще всего в целях сохранения семантики русский язык прибегает при переводе к развернутому словосочетанию.

Суффиксальное образование глаголов от имен существительных логично было бы рассматривать как нетипичное явление для французского языка, система которого носит в целом ярко выраженный и общепризнанный аналитический характер. Однако приведенные выше примеры с суффиксом *-er* свидетельствуют как раз об обратном. Более того, анализ неологизмов последних десятилетий показывает, что модель $S \rightarrow V$ посредством суффикса *-er* распространяется также на английские заимствования. Новообразования, в свою очередь, становятся основой для формирования целых семей однокоренных лексико-семантических гнезд. Так, вышеприведенный глагол *gadgétiser* породил целую серию именных дериватов с помощью исконно французских суффиксов: *gadgétière* ‘магазин, торгующий забавными вещичками’, *gadgétisation* ‘оснастка какого-либо агрегата техническими навыками’. На страницах периодической печати, с экранов телевизоров уже давно встречалась номинация *gadgétophile*, обозначающая человека, одержимого разного рода аппаратами с использованием технических новинок. При этом впервые данная лексема упоминается в словаре “Grand Robert” лишь в 1978 году. Одновременно нередки случаи, когда французский язык активно противодействует проникновению англицизмов. Например, наряду с сочетанием *fast foods* ‘рестораны американского типа, где можно поесть за умеренную плату’, оно некоторое время доминировало во французском языке, в последние годы французы предпочитают использовать исконно французские именные модели с суффиксом *-erie*: *briocheerie*, *croissanterie* ‘булочные – кондитерские, в которых продаются сдобные булочки’; *grilladerie* ‘лавка, где продается жареное на гриле мясо’.

Подобно человеку, который, находясь в экстремальной ситуации, старается в высшей степени мобилизовать свои внутренние силы, французский язык последних десятилетий, как живой организм, демонстрирует активность своих ресурсов. Суффикс *-erie* в этом плане обретает «новое дыхание», на что указывает появление имен *bagageries*, *jardineries*, *chausseries*, *sweateries*, *pulleries*, обозначающих магазины, где можно купить

предметы, соответственно относящиеся к туризму, садовому инвентарю, обуви, спортивной одежде, другим трикотажным изделиям. При этом три последние существительные не зафиксированы словарями, хотя прочно занимают место на вывеске магазинов. Неологизмы, построенные по данной модели, появляются в языке постоянно. Вряд ли можно ошибиться в назначении магазина с вывеской «Doguerie»: там определенно можно найти все необходимые аксессуары для собак. Существительное *démarcherie* означает службу, позволяющую гражданам обратиться с административным запросом. Нетрудно заметить, что лексемы *sweateries*, *pulleries* и *doguerie* имеют английские корни и французский суффикс, а лексемы *lifting* ‘пластическая операция по удалению морщин’, *footing* ‘моцион, прогулка’, *caravaning* ‘кемпинг для туристов с автофургонами’ образованы с помощью английской инговой формы, которая, в свою очередь, рассматривается в настоящее время как достаточно продуктивная словообразовательная модель французского языка.

Значительная часть новых терминов так или иначе связана с компьютером, новыми технологиями. Без преувеличения можно сказать, что в течение последних трех десятилетий – мгновение в рамках истории – компьютер радикально изменил все сферы деятельности человека. Вначале, как и во многих других языках, во французском эту сферу обслуживали безраздельно господствующие англицизмы.

К настоящему времени ситуация с английскими заимствованиями заметно меняется в пользу французских терминов. Так, лексемы *ordinateur* и *logiciel* практически повсеместно заменили английские термины *computer* и *software*, которые 30 лет назад были единственными на всем франкофонном пространстве. Более того, по модели *logiciel* возникла целая серия именных образований: *didacticiel* ‘учебная обучающая программа’, *ludiciel* ‘программное обеспечение электронных игр’, *progiciel* ‘программы постоянных запоминающих устройств’. Модель французского существительного *l’informatique* ‘информатика и вычислительная техника’ послужила основой для появления таких терминов, как *bureautique* ‘организационная и информационно-вычислительная техника’, *distributique* ‘использование вычислительной техники для нужд реализации’, *productique* ‘использование вычислительной техники для нужд производства’, *promotique* ‘использование вычислительной техники с целью продвижения товара на рынок’, *télématique* ‘средства вычислительной техники с дистанционной передачей данных’ и многие другие.

Активизация собственных словообразовательных моделей свидетельствует о том, что французский язык мобилизует свои внутренние ресурсы и в соответствии с меняющейся ситуацией предоставляет в распоряжение носителей языка новые лексические единицы для обозначения новых реалий и концептов.

Новые термины признаются всем языковым сообществом, говорящим на французском языке, естественно входят в обиход, более органично, чем соответствующие английские эквиваленты, вписываются в систему языка.

Среди лексических новообразований последних лет наименование *zapping* представляет особый интерес. Вначале оно употреблялось в узком значении ‘изменить программу телевизора в момент рекламы’, на что указывает *-ing* – его инфинитивная форма. Сегодня наряду с этим термином во французском языке используются существительное *zappeur* ‘дистанционный переключатель телевизионных программ’ и глагол *zapper* ‘переключать телевизор с одной программы на другую’. Глагол *zapper* спрягается во всех временах и лицах и воспринимается носителями языка как исконно французский. Расширилось и его семантическое наполнение значения, в основе которого – одновременность с моментом появления рекламы – отошло на второй план. В настоящее время глагол *zapper* обозначает ‘переключение с канала на канал с помощью дистанционного управления’ безотносительно к рекламе.

Более того, «французское образование» этого глагола признается американцами и англичанами. Данный факт можно объяснить тем, что английский глагол *to zap* употреблялся в значениях *tuer* ‘убить’, либо *détruire* ‘разрушить’, ничего общего не имеющих на первый взгляд с семантикой французского глагола *zapper*. Таким образом, за конкретный отрезок времени – всего лишь одного поколения – можно выявить и объяснить процесс формирования лексического значения конкретной языковой единицы. В современных французских словарях лексема *zapper* зафиксирована только в одном значении ‘дистанционно переключать телевизор с одной программы на другую’, в котором его используют и носители английского языка.

В 1964 году вышла работа Этьембла «Parlez-vous français?» [8], которая в значительной степени способствовала осознанию французами той опасности, которую таит в себе чрезмерное засилье языка англицизмами. И как результат выхода из сложившейся ситуации – необходимость изыскивать и приводить в действие внутренние ресурсы, позволяющие продемонстрировать жизненность, подвижность и открытость системы французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов, Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – М. : Добросвет, 2004. – 304 с.
2. Uvirova, J. Quelques observations sur l'évolution actuelle du vocabulaire français. // Romanica Olomucensia VII, Philologica 71, AVPO. – Olomac, 1998. – S. 199–205.
3. Walter, H. Le Français dans tous les sens / H. Walter. – Paris, Robert Laffont, 1994. – 384 p.
4. L'élaboration du français élémentaire / G. Gougenheim [et al.]. – Paris : Didier, 1956. – 255 p.
5. Gougenheim, G. Dictionnaire fondamental de la langue française / G. Gougenheim. – Paris : Didier, 1958. – 255 p.

6. *Malécot, A. New Procedures for Descriptive Phonetics / A. Malécot // Papers in Linguistics and Phonetics to the Memory of Pierre Delattre. – La Haye ; Paris : Mouton, 1972. – P. 344–355.*
7. *Porché, F. Verlaine / F. Porché. – Paris : Flammarion, 1933. – 444 p.*
8. *Etiemble, R. Parlez-vous français ? / R. Etiemble. – Paris : Gallimard, 1964. – 384 p.*

The current paper investigates most active word formation patterns of modern French. Special attention is focused on English borrowings, their semantic transformation and adaptation to lexical and grammatical norms of the French language.

Поступила в редакцию 10.01.12

Т.И. Свистун

ДИСТРИБУЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРИЗНАКОВ И ПЛОТНОСТЬ АББРЕВИАТУР В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ

Использование аббревиатур в электронной среде имеет прагматический характер, т.е. выбор коммуниканта в пользу сокращенной единицы детерминирован определенными факторами. Коммуникация в интернет-дискурсе описывается при помощи следующих признаков: локализованность во времени и пространстве, персональность, целеориентированность, каналность, структурность, тематичность, нормированность, направленность, тональность и конвенциональность. Данные дискурсивные признаки влияют на употребление большего либо меньшего количества аббревиатур в различных жанрах интернет-дискурса. В статье рассматривается, какие именно признаки оказывают наибольшее влияние на плотность сокращенных единиц. Так, количество аббревиатур варьируется в зависимости от возраста и социальных характеристик коммуникантов (признак 'персональность'). Веб-тексты и дискуссии на специализированную тему характеризуются высокой плотностью сокращенных единиц, а на общую – низкой (признак 'тематичность') и т.д.

Развитие высоких технологий и возникновение новых каналов связи в последние десятилетия способствовали информационному буму, нарастанию глобализационных процессов и ускорению темпа жизни человека. Увеличение потока информации, в том числе благодаря глобальной сети Интернет, создало предпосылки для интенсивного развития процесса аббревиации. Компрессия стала одной из тенденций как современного общения в целом, так и коммуникации в электронной среде Интернет, в частности. Широкое применение механизма компрессии сделало Интернет своеобразной аббревиатуропорождающей средой, в которой возникновение и распространение сокращенных единиц носит прагматический характер. В данной статье рассматриваются дискурсивные признаки, влияющие на употребление большего либо меньшего количества сокращенных единиц в различных жанрах интернет-дискурса.

Возникновение новой сферы общения, осуществляемой посредством компьютера, не могло не заинтересовать представителей различных областей науки и исследовательских направлений. Глобальная сеть Интернет стала объектом изучения психологии, лингвистики, педагогики и методики,

социологии и т.д. При этом в зависимости от целей и задач, которые ставят перед собой ученые, новая разновидность общения получает различные названия: электронное общение, виртуальный дискурс, сетевой дискурс, компьютерный дискурс, компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-медийный дискурс.

Термин *электронная коммуникация*, или *дискурс* применительно к среде Интернет вряд ли можно назвать удачным. Электронный подразумевает «осуществляемый через электронные сигналы», т.е. интерактивное телевидение, телефонный разговор, радиопередачу также можно отнести к электронной коммуникации. Как справедливо замечают Б.Х. Дейвис и Дж. Бруер, «электронный дискурс – это одна из форм интерактивной электронной коммуникации» [1, р. 1].

Термин *виртуальный дискурс* [2; 3] также вызывает много споров в связи с элементом значения ‘возможный, но в реальности не существующий’. В этой связи Е.Н. Вавилова замечает, что в ситуации общения посредством компьютера «особенностью межличностных отношений является их виртуальность, варьируемая по степени: от реальных собеседников до незнакомых людей ... при этом создается эффект некоторого несоответствия речевого поведения в реальном и виртуальном общении» [2, л. 14]. Однако смысловой компонент значения ‘нереальность’ не способствует однозначности самого термина виртуальный дискурс, который на этом основании может отождествляться с мифами, играми, театральными постановками. Термин виртуальный дискурс также включает общение посредством других средств связи, которые способны создать эту реальность, например мобильный телефон с системой смс-сообщений.

Термин *сетевой дискурс* [4] подразумевает общение как в сети Интернет, так и в других сетях, например, локальных.

Компьютерный дискурс –, термин, применяемый в работе П.Е. Кондрашова обозначает «не только процесс и результат общения посредством компьютера, но и “околокомпьютерную” сферу коммуникации: общение специалистов в данной области, компьютерные игры ...» [5, л. 70]. Подобная трактовка слишком широка. А термины *компьютерно-опосредованная* или *компьютерно-медийная коммуникация* (*computer-mediated communication*), больше встречающиеся в англоязычных исследованиях, достаточно громоздки для воспроизведения.

В рамках нашего исследования мы планировали изучить общение, осуществляемое в среде Интернет с помощью компьютера, тем самым указывая на одну из возможных областей применения компьютерного общения. Термин *дискурс* подчеркивает, что общение в сети Интернет рассматривается в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов.

Итак, в статье коммуникативная среда Интернет понимается как особый тип дискурса. Его выделение основано на наличии электронного канала связи, в котором информация передается посредством компьютеров через систему интернет-протоколов. В исследованиях Н.Д. Арутюновой, В.В. Красных, Т.А. ван Дейка дискурс трактуется как сложное коммуникативное событие, включающее сам текст и экстралингвистические факторы,

необходимые для понимания текста [6; 7; 8]. Подобная трактовка дискурса позволяет рассмотреть речевое сообщение в интернет-дискурсе во взаимосвязи с ситуацией общения, ее участниками и их характеристиками.

В целях нашего исследования необходимо выделить, какие именно лингвистические и экстралингвистические факторы, или дискурсивные признаки, влияют на сообщение в интернет-дискурсе в целом, и на употребление аббревиатур в данном типе дискурса, в частности. Вообще вопрос о составляющих дискурса, его параметрах и категориях остается открытым. Е.Г. Задворная пишет, что «нет единой точки зрения на то как, собственно, следует представлять набор тех категорий дискурса, которые совпадают с традиционными языковыми категориями, и корпус собственно дискурсивных категорий, фиксируемых только на уровне анализа определенных дискурсивных практик» [9, с. 29].

Д. Хаймс считал, что коммуникативными переменными дискурса являются: **Setting**, или обстановка (время, место); **Participants**, или участники; **Ends**, или результат и цели коммуникантов; **Act sequence**, или последовательность действий; **Key**, или тональность коммуникации; **Instrumentalities**, или каналы связи; **Norms**, или нормы; **Genres**, или жанры. Если прочесть только первые буквы этих переменных в их английском варианте, то получится акроним **SPEAKING**, под которым ученый зашифровал составляющие коммуникации [10, с. 58]. Сходные идеи развивал и М. Култхард, называя компонентами речевого события обстановку, роли участников, цели, тональность, каналы передачи информации, добавляя также структуру, топик, и несоблюдение правил [11, р. 41–48]. Говоря о составляющих дискурса, помимо текста, Г. Кук имеет в виду шесть экстралингвистических факторов: сопредельный текст (*co-text*), паралингвистические характеристики, другие тексты, т.е. интертекст, физическую, социальную, культурную ситуации, собеседников и их фоновые знания (*schemata*) [12, р. 24–25].

Российские и белорусские ученые исследуют категории дискурса на примере определенных типов дискурса. У З.И. Гурьевой мы находим описание коммуникативно-прагматических факторов, влияющих на образование и характер коммуникации в сфере бизнеса. Они включают коммуникативные установки, тематическое содержание, способ коммуникации (код, канал, норма интеракции), субъектно-адресные отношения участников, тональность коммуникации [13, л. 134–135]. В политическом дискурсе И.Ф. Ухванова-Шмыгова выделяет 31 дискурс-катеорию, 19 из которых самым подробным образом характеризуют предметный и языковой контекст сообщения [14, с. 40–42]. В критическом дискурсе в литературе Н.Н. Миронова останавливается на 11 признаках, уделяя особое внимание лингвистическим составляющим: характеру информации, композиции, стилю и языковой игре [15, с. 46–47]. П.Е. Кондрашова, исследовавшего русский компьютерный дискурс, также интересуют социолингвистические аспекты коммуникативных свойств: ситуативная обусловленность, культурологическая заданность, социальная составляющая [5, с. 83–88].

Таким образом, можно утверждать, что разные ученые имеют много точек соприкосновения, говоря о составляющих дискурса. Общими чертами можно назвать цели или установки, характеристики участников, нормы и жанры, тональность общения, тематическое содержание, время и место, схему изложения, каналы передачи информации и формы проявления языка. Исходя из перечисленных фактов, влияющих на выбор, построение и развитие дискурса, считаем оправданным выделить следующие дискурсивные признаки: *локализованность во времени и пространстве* (характеристики ситуации), *канальность* (характеристика канала связи), *персональность*, *целеориентированность* (характеристики участников), *структурность*, *тематичность*, *нормативность* (характеристики сообщения), *тональность общения*, *направленность коммуникативных процессов* и *конвенциональность* (характеристики взаимодействия). Данные признаки универсальны и могут быть применимы к любому типу дискурса, в том числе к интернет-дискурсу.

Коммуникация в сети Интернет разнопланова. Ресурсы и сервисы Интернет позволяют получать информацию, обмениваться ею с группами пользователей или индивидуально, действовать от имени героев ролевых игр, рассказывать о событиях собственной жизни в сетевых дневниках. Взаимодействие коммуникантов в интернет-дискурсе имеет разнообразный характер. Исходя из этого, можно говорить о существовании определенных жанров интернет-дискурса:

- 1) синхронная электронная дискуссия,
- 2) мгновенное сообщение,
- 3) виртуальный мир или ролевая игра,
- 4) асинхронная электронная дискуссия,
- 5) веб-текст,
- 6) блог или сетевой журнал,
- 7) электронная почта.

Анализ этих разнообразных жанров интернет-дискурса показал, что аббревиация находит свое отражение во всех его жанрах без исключения. Различие наблюдается только в количественном составе и описывается с помощью термина *плотность*, который обозначает «отношение количества чего-либо к определенной единице в пространстве» [16, с. 533], т.е. в нашем случае – отношение количества аббревиатур к объему текста в информационном пространстве интернет-дискурса.

В синхронных дискуссиях, мгновенных сообщениях, а также в виртуальных мирах плотность аббревиации варьирует от 5 до 22%. Основными признаками, влияющими на высокий процент сокращений, выступают локализованность во времени (общение в реальном времени *on-line*) в совокупности с направленностью взаимодействия (наличие обратной реакции). Целевой установкой коммуникантов становится быстрая передача информации и экономия усилий отправителя. Большая плотность сокращений достигается не всегда за счет сообщений пользователей, так как, помимо текстовых сообщений, дискуссии содержат информацию о времени получения сообщения либо интернет-адреса участников, либо гиперссылки с аббревиатурами. В следующем примере только в одной реплике содер-

жится аббревиатура (*tx* – Texas). Остальные сокращения относятся к указанию времени отправки сообщения (*PM* – Post meridiem, *AM* – Ante meridiem), а оно задается автоматически в любом чате:

[12:12 *AM*] *j-boi: good morning*

[12:07 *AM*] *vinhextreme: good morning, it's 12 in the morning in Houston tx*

[Yesterday 11:42 *PM*] *eggster: good evening*

Результаты исследования также показывают, что социальные характеристики участников, т.е. персональность дискурса, повышают соотношение аббревиатур в сравнении с другими словами. В синхронных дискуссиях для подростков, например на www.teenagechatrooms.com, доля сокращенных единиц в потоке речи значительно возрастает. Самым популярным сокращением является *lol* – Laughing out loud. Эта аббревиатура употребляется более чем в 60 % случаев по сравнению с другими сокращенными единицами. Кроме того, при общении в профессиональных группах коммуниканты часто употребляют большое количество сокращенных единиц.

Н. Бэйрон, исследовавшая лингвистические особенности мгновенных сообщения, пришла к выводу, что употребление аббревиатур в этом виде интернет-дискурса незначительно. Оно составляет всего 1 % от общего числа слов в сообщении [17, р. 25]. Исследователь, однако, принимала во внимание только специфичные для интернет-коммуникации сокращения (*lol* – Laughing out loud, *cu* – See you), содержащиеся в самих сообщениях. Мы же рассматриваем любую сокращенную единицу, нашедшую свое отражение не только в репликах участников, но и в макроструктуре того или иного вида интернет-дискурса в целом.

В сопоставлении с такими жанрами интернет-дискурса, для которых присуще общение в реальном времени (синхронные дискуссии, мгновенные сообщения, виртуальные миры), количество аббревиатур, применяемых в асинхронных дискуссиях, несколько меньше и составляет от 4 до 18 %. Но, как и для синхронных дискуссий, определяющими факторами для большего либо меньшего числа сокращенных единиц являются социальные характеристики коммуникантов (возраст, род занятий), т.е. признак персональности дискурса выступает на первый план. Кроме того, в асинхронных дискуссиях тематика играет значительную роль. В сообщениях на общие темы количество сокращений небольшое. Так, в следующем сообщении из форума употребляется всего две аббревиатуры (*CA* – California, *PGY* – Postgraduate year):

Hi Guys ... My name is Ivan from CA. I'm new here. I study law and I'm in PGY. I also like swimming and baseball and I play in college team. Is there anybody to talk to me?

В сообщениях на специализированных форумах, посвященных какой-либо определенной теме, присутствует гораздо больше сокращенных единиц, например (*4* – Four, *lol* – Laughing out loud, *co-op* – Cooperative, *PC* – Personal computer, *AI* – Artificial Intelligence, *demo* – demonstration, *2* – to):

i'm waiting 4 this game lol. its an online co-op zombie game & i think it's soon coming to the PC. but im not sure if its with real players or AI. i heard there's a demo for it. i'd love 2 get it.

Зависимость количества аббревиатур в асинхронных дискуссиях от тематичности связана с тем, что заданность темы является отличительной чертой данного жанра интернет-дискурса.

Плотность аббревиатур в веб-текстах составляет от 3 до 12 %. Для этого жанра интернет-дискурса тематичность является определяющей. Специализированные, или тематические страницы более плодотворны в плане использования аббревиатур, чем информационные порталы, базы данных, сайты компаний или личные сайты. Так, на странице yahoo.com, посвященной финансам, было найдено 79 аббревиатур, среди них 48 не повторяются дважды. Большая часть сокращений относится к глобальной теме интернет-страницы «Экономика, финансы»: названия бирж (*NASDAQ* – National association of securities dealers automated quotations), компаний (*CSI* – Commodity Systems, Inc.), валюта (*JPY* – Japanese Yen), ценные бумаги (*CD* – Certificate of deposit).

Плотность аббревиатур в электронных письмах небольшая, от 2 до 7%, в зависимости от степени их формальности. Ведущим признаком, определяющим употребление сокращенной единицы, является тональность дискурса. Чем более официально электронное письмо, тем меньше оно содержит сокращенных единиц.

Блоги содержат от 1 до 6% аббревиатур. Этот жанр интернет-дискурса является примером монологической речи, составляя которую коммуникант не ограничен во времени и выборе темы. Поэтому употребление сокращений в этом жанре носит спорадичный характер.

В таблице представлены результаты исследования, отражающие плотность аббревиатур в интернет-дискурсе в зависимости от влияния тех или иных признаков дискурса:

Т а б л и ц а

Плотность аббревиатур и признаки дискурса, влияющие на нее,
в разных жанрах интернет-коммуникации

Жанр интернет-дискурса	Плотность аббревиатур, %	Признаки дискурса, влияющие на плотность сокращений
1. Синхронная дискуссия	5–22	Персональность, локализованность во времени, направленность
2. Мгновенное сообщение	5–20	Персональность, локализованность во времени, направленность
3. Виртуальный мир	5–20	Персональность, локализованность во времени, направленность
4. Асинхронная дискуссия	4–18	Персональность, тематичность
5. Веб-текст	3–12	Тематичность
6. Электронное письмо	2–7	Тональность
7. Блог	1–6	Локализованность во времени

Таким образом, интернет-аббревиатуры проявляют разную плотность в коммуникации, осуществляемой посредством компьютера. В зависимости от жанра интернет-дискурса их число составляет от 1 до 22 % от общего

количества слов. Для электронных писем, блогов и асинхронных дискуссий характерно невысокое содержание сокращенных единиц. Эти жанры интернет-дискурса направлены на общение коммуникантов, которое осуществляется off-line (с задержкой). Использование аббревиатур больше свойственно тем жанрам общения в интернет-дискурсе, в которых локализованность во времени выступает в роли ограничителя и существует необходимость быстрой передачи ответной реакции (синхронные дискуссии, мгновенные сообщения, виртуальные миры). В этих жанрах интернет-дискурса также важен возраст и род занятий коммуникантов. В веб-текстах и асинхронных дискуссиях количество аббревиатур возрастает в зависимости от тематики: чем уже и специализированней область знаний, тем больше употребляется сокращенных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Davis, B.H.* Electronic discourse : linguistic individual in virtual space / В.Н. Дэйвис, Дж. Бривер. – Albany : New York Press, 1997. – 217 p.
2. *Вавилова, Е.Н.* Жанровая классификация дискурса телеконференции Фидонет : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Н. Вавилова. – Томск, 2001. – 192 л.
3. *Селютин, А.А.* Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве : На примере анализа текстов социальных сайтов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Селютин ; Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2008. – 21 с.
4. *Моргун, Н.Л.* Научный сетевой дискурс как тип текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Л. Моргун ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2002. – 20 с.
5. *Кондрашов, П.Е.* Компьютерный дискурс : социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П.Е. Кондрашов. – Краснодар, 2004. – 189 л.
6. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
7. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
8. *Дейк, ван Т.А.* Анализ новостей как дискурса / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация, – Пер. с англ. ; сост. В.В. Петров ; под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 111–160.
9. *Задворная, Е.Г.* О семантических и прагматических категориях дискурса / Е.Г. Задворная // Языковые категории : границы и свойства : материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 марта, 2004 / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Н.П. Баранова [и др.]. – Минск, 2004. – С. 29–31.

10. Хаймс, Д. Этнография речи / Д. Хаймс // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып.7. – С. 42–95.
11. Coulthard, M. An introduction to discourse analysis / M. Coulthard. – London : Longman, 1977. – 195 p.
12. Cook, G. Discourse and literature : interplay of form and mind / G. Cook. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1994. – 285 p.
13. Гурьева, З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / З.И. Гурьева. – Краснодар, 2003. – 446 л.
14. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Каузально-генетическая модель // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-полит. текстов : сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т ; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск, 1998. – Вып. 1. – С. 39–51.
15. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики : учеб. пособие / Н.Н.Миронова. – М. : Тезаурус, 1997. – 158 с.
16. Современный толковый словарь русского языка / Ин-т лингв. исследований РАН ; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2002. – 960 с.
17. Baron, N.S. Language of the Internet / N.S. Baron // The Stanford handbook for language engineers ; ed. A. Farghali. – Stanford, 2003. – P. 59–127.

The article deals with different discursive factors that determine the choice of a communicator when one applies abbreviation in the Internet-discourse. Personal characteristics of the participants (age, occupation), the topic of the message (specific or general), time reference (off- or on-line), the type of interaction (one-to-one or one-to-many) have the greatest impact on the amount of abbreviations used.

Поступила в редакцию 01.11.11

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А.И. Головня

СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
ОМОНИМИИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен системный подход, базирующийся на общей теории систем Ю.А. Урманцева, к исследованию *омонимии*, которая широко представлена в языке не только на уровне лексики, но и на уровне морфологии и синтаксиса, т.е. на уровне грамматики. Поэтому представляет интерес рассмотрение системности функционирования грамматической омонимии в системе языка в свете таких универсальных категорий как симметрия/асимметрия.

Поскольку в русском языке межпарадигматическая омонимия представлена наиболее часто в именах существительных (в русском языке нет ни одного существительного, которое не имело бы омонимичных форм при изменении по падежам), именах прилагательных (самая омонимичная часть речи) и менее – в глаголах, местоимениях, то вызывает большой интерес исследование функционирования омонимии в художественных текстах, что и предпринято в статье.

Наряду с такими категориями как род, падеж, число, лицо, вид в языке существуют еще и универсальные категории – симметрия/асимметрия, изомерия, рефлексивность и омонимия, причем все эти категории тесно связаны друг с другом. Остановимся подробнее на таком системном явлении как *омонимия*. По мнению ряда исследователей, омонимия является случайным, несистемным явлением. Наиболее категоричен в своем отрицании системности омонимии В.И. Абаев. По его словам, «омонимия никакого отношения к системе не имеет» [1]. Даже Л.В. Малаховский, рассуждая о системности выделяемых им омогрупп, отказывает им в возможности представлять омонимику как систему [2, с. 24–27].

В системе языка существуют словоформы – элементы той или иной парадигмы (или являющиеся непарадигматическими элементами системы – предлогами, союзами и т.п.). Множество парадигм представляет систему иного уровня – часть речи как систему уже иного уровня. Внутри парадигмы как системы своего рода существует (не существует) омонимия как совпадение форм при несовпадении значений. Аналогичные совпадения/несовпадения отмечаются на межпарадигматическом уровне в двух видах: между парадигмами одной части речи и между парадигмами разных частей речи. Множество таких совпадений и представляет систему омонимии как особой разновидности отношений. Создание этих отношений и поддержание их существования в языке связано системами словообразования, акцентуации, словоизменения и другими системными факторами. При анализе омонимии

мы опираемся на результаты речемыслительной деятельности, зафиксированной в письменной форме. Принципиально важным моментом анализа является проблема выяснения концептуального поля омонимии. Омонимия как языковое явление связана, прежде всего, с понятиями формы и содержания. Формой занимаются грамматика, фонетика, морфология, а содержанием – лексикология. Поэтому мы говорим о двух концепциях чисто лингвистического плана, представленных в традиционном и нетрадиционном подходах, или о *лингвистической концептуальной компоненте*. Наш метод – системный подход – изложен в монографии Ю.А. Урманцева «Симметрия природы и природа симметрии» [3] и ряде других его работ о симметрии/асимметрии, демонстрирующих сохранение/несохранение каких-то объектов по некоторым признакам. Это уже вторая концепция, также расщепляющаяся на 2 (симметричная и асимметричная сторона явления) в информационном плане, – *системная методологическая концептуальная компонента*. Проблемы машинного перевода, создание человеко-машинного интерфейса выдвигают третью концепцию – *моделирующую компоненту*.

Таким образом, имеются три взаимосвязанных концепции, именно в их свете решаются проблемы, связанные с омонимией.

Использование для представления материала и его анализа симметрично-асимметричных структур требует четких определений симметрии и ее антипода – асимметрии.

Введем определение симметрии/асимметрии по Ю.А. Урманцеву: «Симметрия – это категория, обозначающая сохранение признаков Π объектов O относительно изменений I . Так как относительно другой совокупности изменений рассматриваемое множество признаков Π не будет инвариантным, то необходимое дополнение любой симметрии – соответствующая ей асимметрия. Асимметрия – противоположность симметрии; это категория, обозначающая несохранение признаков Π объектов O относительно изменений I . Так как относительно другой совокупности изменений I существуют инвариантные признаки, то необходимое дополнение асимметрии – соответствующая ей симметрия» [3, с. 195]. В «Эволюционике» Ю.А. Урманцев как вариант дает определение симметрии как совпадения объектов по признакам, а асимметрии – как несовпадения объектов по признакам [4, с. 35]. Первое определение касается динамики систем, второе – статики систем. Мы используем оба: статику при различного рода классификациях омонимов, а динамику – при описании системы развития омонимии.

Связь омонимии с симметрией/асимметрией разного типа (форма, содержание), использование в качестве основного методологического способа принципа симметрии приводит нас к введению рабочих терминов. Омонимия – это симметрия формы при асимметрии содержания. Введем и определение *омонимичного узла*, который могут теоретически представлять слова различной длины (асимметричный момент), различного значения

(асимметричный момент), имеющие общее начало из одной, двух и более букв или даже полностью совпадающие все буквы (симметричный момент по качеству и симметрично-асимметричный по количеству). Таким образом, по данному определению омонимичный узел представляет собой симметрично-асимметричный объект-систему, а омонимия являет собой симметро-асимметрию.

В узел входят формы представления омонимичных слов, сами они неомонимичны или омонимичны (это исход – начальная форма существительных или глаголов) и пересекающиеся омонимичные формы их парадигм. Представим на схеме простейший пример такого узла на матрице 1 (рис. 1).

исход	1	2	3	4	5	6	7	8	9
село	село	село	села						селе
сесть	село	село	села	сЕли	сЕли				
селить				селИ	селИ	селЮ			
сель				сЕли	сЕли	сЕлю	сель	сель	селе

Рис. 1. Матрица 1

Вся схема-матрица представляет пример омоузла. В нем имеются строки и столбцы, показывающие горизонтальные и вертикальные оппозиции. Горизонтальные омонимические формы представляют внутрипарадигматические омонимы, мы будем их называть в рабочем порядке *омонимичными слоями*, или омослоями. Вертикальные оппозиции могут быть как между парадигмами одного класса (существительных, глаголов), так и межпарадигматическими. Мы будем называть их *омонимичными связками*, или омосвязками, так как они связывают парадигмы разных частей речи и одной части речи. Исход – это формы представления омоузла в словаре. Он сам может быть омонимичным и неомонимичным, но как минимум должен представлять точечную симметрию. Любую двойку, тройку, "энку" элементов слоя или связки, противопоставленную по каким-либо отношениям, мы называем *омопарой*. В количественном отношении можно говорить о мощности узлов в связи с числом слоев в столбце исхода:

- парных – *тест:тесто, пасть:пал, рожса:родить, ноша:носить*;
- тройных – *полк:полка:полок; вести:веда:весть*;
- четверных – *сесть:селить:село:сель; мор:море:мора:морить*;
- пятерных – *пол:пола:поле:полоть:полить*;
- шестерных – *мел:мести:месть:мета:мель:молоть*;
- семерных – *бур:бур:бура:бура:бурить:бурый:бурят* и более редких с большим числом слоев.

Присутствие в каком-либо тексте омонимов, по мнению ряда исследователей, является помехой, затрудняющей восприятие информации. Л.В. Малаховский, обобщая работы по омонимии, предпринимает попытку трактовать омонимию более широко, как фактор, приводящий к ухудшению кодовых свойств языка. Близкой к его мнению, но уже в связи концептов «омонимия»–«синонимия» на уровне модели «Смысл – Текст», является

трактовка И.А. Мельчука: «В общем случае одному смыслу отвечает много несущих этот смысл текстов (синонимия), а одному тексту – множество смыслов (омонимия)» [5, с. 31].

С этими положениями можно соглашаться и не соглашаться. Любой естественный язык за десятки тысяч лет своего существования и использования при появлении в нем чего-то мешающего мог бы избавиться от этой потенциальной помехи естественным путем – отсевом, отбором и т.п. Сравнение только глагольной системы современного русского языка со старославянским демонстрирует исчезновение супина, перфекта, плюсквамперфекта, изменение аориста и т.п. Омонимия же не только не исчезла, она увеличивается в количественном и качественном вариантах. Для пишущего и говорящего, для читающего и слушающего степень омонимичности текста различна, но разного рода контексты и внутренние средства языка-системы (ударение), а также разнесенность омонимов по разным предметным областям (ср.: *хлопок* и *хлопок*, *мука* и *мука* и т.п. – экстралингвистический фактор) снимают остроту проблемы. На наш взгляд, омонимия становится помехой коммуникации лишь при создании систем автоматического анализа текстов, реферирования, создания систем машинного перевода и других интеллектуальных систем. Но это уже совсем другой уровень коммуникации, он не закладывался как функция системы языка с момента его появления как информационно-регулирующей системы. В то же время омонимия создает определенные сложности того же типа при преподавании родного языка людям, владеющим качественно иной языковой системой. Так, пары языков «русский–польский» и «русский–английский» различны по степени близости омосистем.

Первостепенным вопросом при анализе омонимии должно быть выяснение количественной насыщенности текста разными видами омонимов. Для определения того, насколько часто в художественном тексте отмечаются омонимические формы и лексические омонимы, был проведен эксперимент. В ходе его нами обработаны 10 страниц текста М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [6]. Оказалось, что на десяти страницах текста из общего количества в 2898 словоупотреблений (словоупотреблением считалась цепочка символов между двумя пробелами) отмечено 500 омонимичных словоформ, что составляет приблизительно 18 % всего отрывка.

При анализе выяснилось, что, как и ожидалось, наибольшая грамматическая омонимия отмечается у существительных (по Обратному словарю (ОС) их 56332), затем у прилагательных (по ОС их 24786), благодаря их объемам в словаре и тексте и развитым парадигмам. Глаголы (по ОС их 37319) [7] внутри себя омонимичны не настолько и не проявили межклассовых омонимичных свойств в анализируемом отрывке.

На первом месте по употребительности в тексте находится омонимия именительного и винительного падежей (180 случаев). Это закономерное явление; по данным словаря Э.А. Штейнфельдт, именительный (33,6 %) и

винительный падежи (19,5 %) в сумме занимают свыше 51 % всех употреблений существительных [8, с. 52]. В тексте эта омонимия снимается, в основном, предлогами (так как именительный падеж не употребляется с предлогами), глагольным управлением и согласованием прилагательного с существительным, например: *...вернулся на балкон* – омонимия снимается управлением и предлогом *на*; *собирал совещание, утверждает приговор* – омонимия снимается только управлением; *и объяснение было странное* (глагол *быть* практически не сочетается с существительным в винительном падеже, за исключением существительных со значением времени или эллиптических конструкций: *Булочку будешь? (есть)*).

На втором месте находится омонимия родительного и винительного падежей, чаще всего она связана с одушевленностью. Отмечено 65 случаев, что также укладывается в данные Э.А. Штейнфельдт – родительный (24,6 %) и винительный падежи (19,5 %) в сумме дают 44 % всех употреблений [8, с. 53]. Снимается эта омонимия предлогами, которые управляют или родительным, или винительным падежами; глагольным управлением и отрицанием (родительный падеж чаще употребляется с отрицанием, чем винительный).

Следующий тип – это омонимия дательного (до 5 %) и предложного падежей (до 9 %). Комбинаторика остальных падежей менее омонимична. Омонимия местоимений и несклоняемых местоименных прилагательных оказалась редкой (18 случаев) и снимается контекстом предложения. Остальные омонимичные пересечения классов позиций и семантик на данном объеме отмечаются единично.

Поскольку внутрипарадигматическая и межпарадигматическая внутриклассовая омонимия в количественном отношении проявила себя наиболее продуктивно (283 примера из 545 существительных), вкратце покажем потенцию омонимии на пересечении всего двух парадигм слов *пол* и *пола* на матрице 2 (рис. 2).

Падеж, число	1	2	3	4	5	6	7
	М.р.	Ж.р.	Ср.р.	Глагол	Имена собственные		
И.ед.	пол	пола	поле		Поль	Поля	Пол
Р.ед.	пола	полы	поля		Поля	Поли	Пола
Д.ед.	полу	поле	полю	полю	Полю	Поле	Полу
В.ед.	пол	полу	поле		Поля	Полю	Пола
Т.ед.	полом	полой	подем	подем	Подем	Полей	Полом
П.ед.	поле/у	поле	поле		Поле	Поле	Поле
И.мн.	попы	попы	поля				
Р.мн.	полов	пол	полей	полей			
Д.мн.	полам	полам	полям				
В.мн.	попы	попы	поля				
Т.мн.	полам	полам	полям				
П.мн.	полах	полах	полах				

Рис. 2. Матрица 2

Ввод третьей парадигмы (слова *поле*), с которой пересекаются элементы первых двух, выводит нас далее на парадигмы глаголов *полоть* и *полить* и на имена собственные – *Поль*, *Поля* и *Пол*, и мы видим, как уплотняется и расширяется круг омонимичных форм. Неомонимичными остаются *полон*, *полов*, *полой*. При учете имен собственных исчезает и *полон*, в звуковом варианте сливающийся с *Полом*.

Наличие в русском языке хорошо развитых парадигм у существительных, прилагательных, местоимений и глаголов делает проблему межпарадигматической омонимии предельно важной, так как мы убедились на примерах, что существуют своеобразные «узлы», связывающие парадигмы как одного, так и разных классов. Естественно, что в языках с меньшей развитостью грамматической аффиксации такой тип омонимов будет встречаться реже, уступая первенство лексической омонимии. Это должно настраивать исследователя русского языка на достаточно надежный текстовый материал. С этой целью был расширен объем эксперимента. Для сопоставительного анализа нами были взяты пять художественных книг разных авторов-прозаиков. Анализу подверглись: рассказы Ю. Нагибина «Берендеев лес» (4317 ом. ф.) [9], повести и рассказы А. Каштанова «Эпидемия счастья» (4572) [10], «Юмористические рассказы» Н.А. Тэффи (4257) [11], роман М.Е.Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (4314) [12] и повести М.П. Прилежаевой «Удивительный год» (5439) [13]. Из каждой книги было проанализировано по 16 произвольно взятых страниц. Этим мы устранили возможность случайности тенденции, описанной выше на тексте М. Булгакова [6]. На основании предварительного анализа мы выделили 29 разновидностей омонимии системного характера. Представляет интерес рассмотреть, насколько эти типы и в каком количестве представлены у конкретных авторов. Омонимичные формы, отобранные методом сплошной выборки на общем объеме 23 тысячи словоупотреблений, составили 7383 единиц. Подтвердилась общая количественная тенденция: при увеличении объема выборки в 10 раз число омонимичных слов возросло почти в 15 раз.

Качественные распределения (части речи и совпадающие грамматические позиции) также сходны с вышеописанными. Чаще всего отмечена омонимия форм прилагательных женского рода (родительный, дательный, творительный и предложный падежи) и существительных (именительный падеж–винительный падеж и родительный падеж–винительный падеж). Эти совпадения отмечены в количествах, превышающих 100 примеров. Остальные совпадения отмечаются реже, доходя до единичных примеров.

Определение омонимии как симметрично-асимметрии или как сохранения (совпадения) некоторыми объектами некоторых признаков при некоторых изменениях, а асимметрии – как несохранения (несовпадения) позволяет более широко рассмотреть омонимию через призму конвергенции/дивергенции как явлений языковой эволюции и взаимодействий объектов. Расщепление лексемы на грамматические значения, или отпочковывание от

исходной формы новых форм, представляет собой лингвистическую дивергенцию (создание новых форм на базе старой). Она соответствует внутрипарадигматической и межпарадигматической омонимии. Разошедшаяся полисемия, приводящая к удалению значения от значения исходного слова, – яркий пример дивергенции в чистом виде. Примеры же омонимии типа омоузла *БУР-1. – БУР-2. – БУРА – БУРЯ – БУРЫЙ – БУРИТЬ – БУРЯТ*, где совпадают формы семи разных лексем (*бур, бУрУ, бУрЕ, бУрЮ, бУрА, бУрИ, бУрОй, бурят*), доказывают мощь происходящего процесса омонимизации.

Два симметрично-асимметричных процесса, происходящие в системе, накладываясь друг на друга, не могут дать иного результата, кроме новых симметро-асимметрий. Если же словоизменение и словообразование носят системный характер, значит, результаты этих процессов, приводящие к омонимии, не могут быть несистемными. Таким образом, дивергенция (словоизменение и словообразование как два главных направления количественно-качественно-относительных изменений в языке-системе, рассматриваемой на уровне лексики) и конвергенция как результат действия этих процессов, приводящих к омонимии, оказываются взаимосвязанными именно через омонимию. Симметрия/асимметрия, как мы показали выше, служат фундаментальными категориями для выделения омонимии как общего свойства объектов одного класса и разных классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В.И.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии / И. Абаев // Лексикографический сборник. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – Вып. 4. – С. 71–76.
2. *Малаховский, Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии / Л.В. Малаховский. – М. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. – 238 с.
3. *Урманцев, Ю.А.* Симметрия природы и природа симметрии / Ю.А. Урманцев. – М. : Мысль, 1974. – 229 с.
4. *Урманцев, Ю.А.* Эволюционика / Ю.А. Урманцев. – Пушкино, 1988. – 78 с.
5. *Мельчук, И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ – ТЕКСТ» / И.А. Мельчук. – М. : Наука, 1974. – 316 с.
6. *Булгаков, М.А.* Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Минск : Мастац. лит., 1988. – 670 с.
7. Обратный словарь русского языка: ок. 125 000 слов. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 944 с.
8. *Штейнфельдт, Э.А.* Частотный словарь современного русского литературного языка / Э.А. Штейнфельдт. – Таллин : Типография «Юхисэлу», 1963. – 316 с.

9. *Нагибин, Ю.* Берендеев лес / Ю. Нагибин. – М. : Сов. писатель, 1978. – 252 с.
10. *Каштанов, А.* Эпидемия счастья / А. Каштанов. – Минск : Мастац. лит., 1986. – 239 с.
11. *Тэффи, Н.А.* Юмористические рассказы / Н.А. Тэффи. – М. : Худож. лит., 1990. – 448 с.
12. *Салтыков-Щедрин, М.Е.* Пошехонская старина / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Правда, 1984. – 575 с.
13. *Прилежаева, М.П.* Удивительный год / М.П. Прилежаева. – Киев : Рад. шк., 1987. – 271 с.

The paper presents a system approach to the investigation of homonymy in the Russian language based on the general theory of systems by Y. Urmantseva. Homonymy is widely presented in the language at the level of vocabulary, morphology and syntax, i.e. at the level of grammar. Therefore it is interesting to consider the consistency of the functioning of grammatical homonyms in the language in the context of symmetry/asymmetry.

As in the Russian language interparadigmatic homonymy is represented most often in nouns (in the Russian all nouns have homonymous forms of case), adjectives (the most homonymic part of speech) and less in verbs and pronouns of the study of the functioning of homonyms in the literary text presents great interest.

Поступила в редакцию 09.11.11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.С. Букаева

НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА НЕМЕЦКИМИ ПОЭТАМИ
В 1990-е ГОДЫ

Для немецкой литературы 1990-е годы стали особенными уже в силу политических перемен. Объединение Германии повлияло на тематику и проблематику художественных произведений, потому что реальность, как считал ещё Б. Брехт, диктует поэту, о чем писать. Жизненная ситуация переросла в константу не только для содержания, но и для формы. Исчезновение ГДР послужило причиной разработки писателями исчезнувшей страны мотива утраты. Произошла переоценка ценностей, признанных социалистическим реализмом. На смену ему пришел постмодернизм – главное направление культурной и литературной жизни ФРГ. Открытость, многозначность, децентризм, аллюзия, ирония предстали знаками новой тенденции в развитии поэтики. На первом плане оказалась проблема самоидентификации художника слова относительно Другого, общества, страны, нации. Опыт жизни «я», вопросы к себе, недоверие к действительности, потеря иллюзий определили мировоззренческую позицию писателей, сформировали их новую концепцию искусства.

Поэты 1990-х стали передавать свое личное видение мира и истории средствами все более отдаляющимися от традиции. Философия постмодернизма уверенно расставила содержательные и формальные акценты на немецкоязычном культурном пространстве в попытке овладеть умами. Стихи Д. Грюнбайна, Х. Мюллера, У. Кольбе, К. Драверта, О. Пастиора, Т. Бёме, П. Хэртлинга, М. Тиле, К. Шмидт и еще целого ряда других авторов, активно публиковавшихся именно в эти годы, наглядно отразили особенности новой художественной концепции, ситуативную основу которой можно по-прежнему выразить программными словами Б. Брехта: «Die Situationen sind die Mütter der Menschen»¹ [1, с. 534].

Актуальные темы прошлых десятилетий («отечество», «родной язык», «история») на глазах потеряли значение. Для авторов исчезнувшей ГДР центральной стала тема потери. Собственный опыт лишившегося иллюзий художника слова занял ведущее место в творчестве, а компьютер и характерная для него лаконичная подача материала определили стиль стихотворений.

Поэтический успех Катрин Шмидт (р. 1958) пришелся именно на последнее десятилетие истекшего столетия. В 1998 г. вышел в свет ее первый роман «Die Gunnar-Lennefsen-Expedition». В том же году появился и ее стихотворный сборник «GO-IN der Belladonnen». Вошедшие в эту книгу произведения отразили литературные перемены, выразившиеся преимущественно в отказе от иллюзий относительно совершенствования общества. Попытки лирика дистанцироваться от политической жизни переросли в способ самопознания.

Общение в Интернете активизировало в поэзии конца прошлого века стихию неотредактированной письменной речи. Хотя коммуникация и осталась главной функцией, лирические произведения приобрели расплыв-

¹ «Ситуации определяют все» (здесь и далее перевод наш. – Л.С.)

чатую форму. На нее оказали влияние конкурирующие между собой нормы письменной и устной речи. В синтаксисе стиха стало заметно влияние «телеграфного»¹ стиля. Лирический текст, открытый для любых интерпретаций, практически не прояснялся контекстом.

Постмодернизм не признал за текстом окончательного смысла. Феномен истины предстал в игровом ключе. Проблема текста определилась на пересечении лингвистики и литературоведения. Впрочем, вся история культуры постмодернизма в значительной степени артикулирована как история языка. Ее суть коренится в раскрытии возможностей смыслопорождения. Языковой скепсис озвучили поэты десятилетия. Среди них такие влиятельные лирические авторы как Т. Клинг, О. Пастиор и другие.

Задачей интерпретатора считалась актуализация литературных аллюзий, к которым текст непременно отсылал. Именно аллюзия переросла в способ проявления интертекстуальности, а она зарекомендовала себя как ведущая категория герменевтики – науки толкования текстов. Она поместила тексты в новые культурные и литературные контексты, заставила их взаимодействовать, выявила их потенциальные свойства. Пространство при этом метафизически исказилось, время поглотилось хаосом. Читатель почти не находил констант, способных дать опору его мысли.

Если обратимся к опубликованному в 1998 г. в сборнике «GO-IN der Belladonnen» стихотворению К. Шмидт «*immer im zimmer bleiben*», то заметим, что единственным указателем интерпретатору в рамках лирического текста выступило название стихотворения – «Постоянно оставаться в комнате»:

*immer im zimmer bleiben*²
und abfälle planen, kniefälle, transradikale
verarbeitungspossen, dein lachen
ein in der ecke polterndes schwermetall, mein lachen
senkblei, das aus dem fenster stürzt am nylonseil [Schm., S. 576].

Пространство комнаты послужило поэтессе средством передачи интимности. Чувство близости неотделимо от пространства помещения, но положительно оно воспринималось лишь тогда, когда оставляло достаточно места для двоих. Ограничения вносили негативный оттенок в его определение. Комната предстала у К. Шмидт символом близости, но следствие близости – это еще и конфликт. Интимность, как видим, тоже дело формы: «*постоянно оставаться в комнате*/ Планировать отбросы, падать на колени, прибегать к трансрадикальным/ проделкам с обработкой, твой смех – / это гремящий в углу тяжелый металл, мой смех – / это грузило, падающее из окна на нейлоновой веревке». Отказ от позитивной эмоциональности подчеркнут словами *отбросы (Abfälle)*, *трансрадикальные шутки для обработки (transradikale Verarbeitungspossen)*, *преклонение колен (Kniefälle)*, *твой смех (dein Lachen)*.

¹ Термин из поэтики экспрессионизма.

² Курсив К. Шмидт.

«Смех» предполагал иронический/юмористический взгляд на вещи, задавал характерный для постмодернизма пафос. Он экспонировал неоднозначность, интеллектуальную игру, критику. Существительные тематически многообразны, выстроены по принципу перечисления. Они выступили константами ритма и интонации. Отказ от написания существительных с большой буквы акцентировал внимание на действии и качестве, а не на объективной реальности, редуцированной до минимума. Ракурс авторского взгляда подчеркнут словами *ich, mich, mein: mein lachen, kästeln mich, das zifferblatt meiner funkuhr, dass ich zu ahnen beginne*.

К. Шмидт прибегла к помощи метафоры и противопоставила двоих: «*dein lachen*(‘твой смех’)/ *ein in der ecke polterndes schwermetall* (‘это гремящий в углу тяжелый металл’), *mein lachen* (‘мой смех’)/ *senkblei, das aus dem fenster stürzt am nylonseil* (‘это грузило, которое падает из окна на нейлоновой веревке’)). Таким образом, на противопоставлении возникает некий диалог двоих, вовсе не склонных идеализировать мир вокруг себя.

Ощущения героини в обозначенном пространстве комнаты переданы глаголом *kästeln*, производным от *Kasten* ‘ящик’. Ее, стало быть, ограничивают сомнительные (*fragwürdige*) квадраты планировки (*planqu-adrante*) и они же воздействуют (*deformieren*) на циферблат ее электронных часов: «Постоянно меня в комнате ограничивают сомнительные/квадраты планировки, они деформируют циферблат моих электронных часов». Из сказанного читатель может понять, что время искажено и необъективно в пространстве помещения. Таково субъективное определение лирической героиней второй составляющей хронотопа:

*immer im zimmer kästeln mich fragwürdige
planquadrante, deformieren das zifferblatt meiner funkuhr [Schm., S. 576].*

Место действия экспонировано, зато время упомянуто только через «деформацию циферблата» часов. Обращает на себя внимание в данном контексте прежде всего повтор «постоянно в комнате» – «*immer im zimmer*» (заголовок, начало первого предложения, пятая строка). Название – часть хронотопа, указывающая на местонахождение лирической героини. Выражение «в комнате» не содержит, однако, эмоциональной информации ‘дома’. Здесь налицо только признак ограниченного пространства.

Основной мотив появляется, как представляется, в седьмой строке. Он ограничен в тексте с двух сторон – с одной точкой, а с другой запятой: любовь – это эффективное средство, которое не дает уехать прочь (*die liebe ist eine so wirksame wegfahrsperr*). Можно оценить это как своего рода афоризм, потому что высказывание содержит краткую оценку. В данном тексте способ проявления интертекстуальности будит игру воображения, воспоминания и знакомые ассоциации:

*die liebe ist eine so wirksame wegfahrsperr,
dass ich zu ahnen beginne, wer hier der boß
mit den drei goldenen haaren sein könnte,
wer hier die großmutter zum teufel macht [Schm., S. 576].*

Отказ от заглавных букв оказывается дополнительным графическим средством, которое уравнивает в значении части речи. Динамика сводится к наслоению друг на друга аллюзий и ассоциаций: «Любовь – это действенный запрет на отъезд,/ и я начинаю догадываться, кто здесь возможный босс/ с тремя золотыми волосками,/ кто здесь превращает бабушку в черта».

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что стихотворение возникло в эпоху гиперинтерпретации. Сущность проблемы наиболее точно сформулировал Ц. Теодоров: «Текст – это всего лишь пикник, на который автор приносит слова, а читатели – смысл» [цит. по: 2, с. 160]. Права интерпретаторов оказались преувеличенными, а отсутствие ориентиров не способствовало подтверждению верности той или иной интерпретации критически настроенного реципиента. Он самостоятельно выработывал правила и технику работы, которую можно охарактеризовать как деконструкцию.

Одним из первых теоретиков, открывших перспективу для участия читателя в порождении текстуального смысла, был У. Эко¹. Его идеи послужили ориентирами для поэтов десятилетия. Автора романа «Имя Розы» особенно интересовала проблема читательской рецепции. Подлинным читателем он считал того, кто осознавал, что единственная тайна текста – это пустота. При такой открытости и возникли условия для гиперинтерпретации.

Впрочем, У. Эко пришел к выводу, что попытки создания каких-либо критериев, ограничивающих потенциально непредсказуемое количество интерпретаций, делать необходимо. По этой причине он побуждал читателя продолжить поиск в тексте констант, выполнявших функцию ограничения. В немецкой лирике 1990-х такими константами-указателями могли быть размер стиха, рифма, строфа, повтор, перечисление, троп, грамматика, шрифт.

Но выделить размер в стихотворении К. Шмидт сложно. Ее ритмы свободны. Они близки к прозе: в строке от трех до шести подъемов, количество безударных слогов вариативно. Только четвертый, седьмой, девятый и десятый стихи завершаются паузой, обозначенной синтаксически запятыми и точками. Все остальные строки ритмически объединяются по принципу переноса (Enjambement). Стало быть, даже деление на строки, как показатель особенной лирической формы, отменено.

Стихотворение инициирует выбором слова определенные эмоциональные ожидания, которые не реализуются из-за вдруг возникшей аллюзии на сказку братьев Grimm, где босс с тремя золотыми волосками (Черт) и его бабушка решили проблемы героев. Представленный таким образом в тексте другой текст экспонировал поиск-игру в иронически-критической тональности.

Ход мысли лирической героини в данном тексте не оставляет ясности. Для понимания читателю необходимо предложить собственное видение аллюзии-цитаты: «dass ich zu ahnen beginne, wer hier der boss/ mit den drei goldenen haaren sein könnte» ‘я начинаю догадываться, кто здесь возмож-

¹ См. работы У. Эко «Открытое произведение» (1962), «Роль читателя» (1979).

ный босс/ с тремя золотыми волосками'. Именно цитатность явилась в рассматриваемое десятилетие важной и характерной чертой постмодернизма, причем цитироваться могли сюжеты, мотивы, или как здесь – мифы.

Истина, адекватность, реальность воспринимались в 1990-е годы читателем как феномены символического порядка. Подача материала говорила об отказе от линейности в пользу скачка. В пространстве стихотворения К. Шмидт желания оказались результатом манипуляций, смещений, напряжений.

Интерпретация в рамках литературно-художественного дискурса традиционно требует герменевтической позиции. Если в духе постмодернизма не считать смысл исходно заданным, то дискурс любой предлагаемой интерпретации выступает как насилие над вещами. По этому поводу Дж. Х. Миллер подчеркивал, что становление текстовой семантики «никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла» [цит. по: 3, с. 537]. Мы имеем дело не просто с означиванием¹, но и с гиперпониманием².

Все стихи К. Шмидт, как, впрочем, и ее коллег, ломали традицию, становились открытыми для множества интерпретаций. Не случайно сам термин *интерпретация* воспринимался постмодернизмом в 1990-е годы скептически. Он стал синонимом *сверхинтерпретации*. Это хорошо видно в стихотворении «Отграничивающий и словно проверяющий взгляд» («grenzblick wie zur probe»).

Стихотворение состоит из трех строф. В каждой девять длинных строк с неравным количеством ударений. И здесь неоспорима близость к эпическому тексту. В первой строфе стихотворения пространство передано антропологически. Оно ограничено взглядом лирической героини, идентифицирующей себя с другими людьми через местоимение *мы*:

grenzblick wie zur probe
liefen wir mit den augen die ins bild gerutschte
hügelkette entlang, eine bunte zuckerstangengesellschaft
mit auslösereiz, die finger im objektiv
gespaltenen blick. glücksfinder, kinderpuppen.
fünffjahresmanie in den knochen, die knie
aufgeschlagen wie eier: vor uns im dreck,
standen wir auf nach den stürzen, stets
etwas innerer gallert. tränensalz. kummeraspik.
schiefes lachen, die regenrinne herunter ...[Schm., S. 576].

¹ Понятие *означивание* было предложено Ю. Кристевой и, по оценке Р. Барта, универсально. Оно принято философией постмодернизма.

² О гиперпонимании речь идет, когда адресат «вычитывает» из сообщения больше информации, нежели входило в коммуникативные намерения адресанта. Ситуация, когда прямое сообщение понимается адресатом как имеющее второй смысловой план [2, с. 163].

Даже само название стихотворения «*grenzblick wie zur probe*» представляет собой своеобразный шифр, требующий значительных усилий от читателя. В тексте все направлено на разрушение связности повествования, на преднамеренный хаос. Восприятие мира передано через фрагментированный дискурс. Реальность оказалась разорванной, отчужденной, лишенной смысла. Произведение сужено до текста-игры. Многоточие в конце первой строфы, а строфа здесь единственная константа, служит указанием на что-то, что реципиенту необходимо обнаружить и расшифровать.

Название привычно становится частью первого предложения строфы и некоторым образом очерчивает пространство, на котором оказалась лирическая героиня: «Отграничивающий и словно проверяющий взгляд/ держит в поле нашего зрения/ цепь холмов, пестрое общество сахарных колонн,/ привлекающее своей способностью растворяться, когда пальцы оказываются в объективе/ и мешают взгляду. Счастливчик, детские куклы./ Пять лет мании в костях, колени/ разбиты как яйца: перед нами в грязи,/ мы вставляли после падений, постоянно/ какая-то желчность внутри. Соль слез. Горе./ Горький смех, стекающий вниз по дождевому отливу... ».

О чем речь? – На этот вопрос снова сложно ответить. Взгляд направлен на пространство, на окружающую реальность. В духе постмодернизма поэтесса подчеркнула неясность относительно природы реальности. Нормативная эстетика вытеснена в произведении индивидуальной.

Если сравнить созданное К. Шмидт с лирическими текстами Т. Бёме, то их роднят свободные ритмы, длинная строка и большая степень открытости. Тематического сходства у них мало. У Т. Бёме названия стихотворений не содержат каких-либо координат: ни временных, ни пространственных. Пример тому стихотворение «Куда все-таки» («WOHIN WOHL»). С грамматической точки зрения – это вопрос, но знак вопроса автор не ставит, что открывает простор для интерпретации:

ICH WEISS NICHT, OB NEAPEL¹ zu den Augenfarben gehört,
die man nur auf der Zunge mischt. Ich denke, daran sind schon
begabtere Künstler gescheitert [B., S. 587].

Уже первые строки стихотворения конкретизируют место действия, но делают это неожиданным образом: ‘Я не знаю, относится ли Неаполь к цвету глаз,/ который размешан на языке. Я думаю, что в этом деле уже/ потерпели поражение и более талантливые художники’. Сразу три мотива – путешествие, художник, любовь.

Oder, was meinst du, warum die Statuen in den Tempeln
mit leeren Augenhöhlen auf uns herabblicken!
Es soll doch nicht heißen, dass sie uns nicht sehen dürften.
Aber nicht davon wollte ich sprechen. Ich suche ja nur nach Gründen,
warum ich für deine Augen noch nicht die passende Farbe gemischt habe.
Neapel ist jedenfalls bei Licht betrachtet eine Weinfarbe,
die durch das Flaschengrün gesehen an die Erde erinnert,
auf der solche schweren Sorten gedeihen [B., S. 587].

¹ Выделение заглавными буквами Т. Бёме.

Город ассоциируется с краской, которую пытается смешать художник в поисках нужного оттенка, с краской, которую он пробует на вкус. Но памятники искусства Неаполя предстают перед ним невосприимчивыми к цвету. Многочисленные статуи слепы: «Ты понимаешь, почему статуи из храмов/ смотрят на нас пустыми глазницами! Это ведь не значит, что им нас нельзя видеть».

Das heisst, ohne Hilfe des Gaumens ist da gar nichts zu machen.
Darüber können wir später noch reden. Ich suche ja nur nach Gründen,
warum es gerade Neapel sein muss.
Würden wir einen Ort dieses Namens besuchen, hätten wir alles dabei,
du deine Augen, die man ganz ohne Nebensinn die Augen des Weins
nennen würde,
und ich meine Zunge, die der Wein immer erfinderisch gemacht hat.
Dass uns die Reise jede Menge blinde Apolle und zu Dutzenden blinde
Amoren beschert,
die wir neidlos zurücklassen, versteht sich von selbst [В., S. 587].

В качестве лейтмотива здесь можно назвать проблему «художник и творчество». Другие мотивы экспонированы на уровне аллюзий: «отношение к истории», «любовь», «путешествие». Т. Бёме не объективирует свой взгляд на реальность. Он описывает цвет через вкус и через место действия.

Старинный итальянский город визуализирован благодаря аллюзии на античную мифологию. Скульптуры – часть городского ландшафта: «Поездка явила нам множество незрячих Аполлонов и дюжины незрячих Амуров». Прошлое и настоящее существуют у Т. Бёме параллельно в пространстве, обозначенном как Неаполь:

Ob ich dann in irgendeiner verödeten Gasse oder an einem
der klebrigen Tische
mit den Gläserspuren der vergangenen Nacht
diese oder eine andre Geschichte aufwärme, wer weiß das zu sagen.
Wir hätten ja dann alles dabei: zwei Augenpaare und auch zwei Zungen –
Als ob uns dazu nichts einfiele, als ob uns *dazu* nichts einfiele! [В., S. 587].

Возникшие возвышенные образы мифологии прошлого сразу же противопоставляются грубой современности: «Получится ли у меня где-нибудь в пустынном переулке/ за столиком со вчерашними липкими следами стаканов/ оживить ту или иную историю, предсказать нельзя./ Но если да, то при нас будет все для этого необходимое: две пары глаз и два языка./ Разве мы ничего не придумаем? Разве мы *по этому поводу* ничего не придумаем!»¹ [В., S. 587].

Построенные по принципу вопроса предложения оказываются в тексте восклицательными. Они не вопрошают, а утверждают. Сказанное поэтом и здесь требует осмысления, для которого нет правил и ограничений контекста. Читатель вынужден обратиться к своей памяти. Он видит, слышит,

¹ Курсив Т. Бёме.

реагирует, фантазирует и находит свой вариант прочтения. Закономерен, например, вопрос: «При чем здесь Неаполь, если во главу угла поставлен цвет?» Поэт понимал это и сделал ответ важной мыслью, которую подчеркнул повтором: «Я только ищу причины» (седьмая и тринадцатая строки). Лирик размышлял: «Если посетить место, которое так называется, все может проясниться/ для тебя, чьи глаза, без сомнения, имеют цвет вина./ А вино делает мой язык восприимчивым ко множеству вкусов» [В., S. 587].

Для пояснения содержания стихотворения удачно подходят слова немецкого теоретика постмодернизма Г. Ирлитца, сказанные им об особенностях литературы десятилетия в статье «Postmoderne – Philosophie, ein ästhetisches Konzept» (1990): «Словно волшебные маски появляются лейтмотивы, фрагменты отношений между субъектом и объектом, ощущение невозможности заглянуть вглубь, понимание наличия множества вариантов восприятия и познания в потоке времени» [4, S. 358].

Текст выстроил своеобразный диалог между лирическим героем «я» и его возлюбленной «ты» («ты» и твои глаза, «я» и мой чувствительный ко вкусу и цвету язык). Это предстает аллюзией на мотив любви. Символика следующей строки с «незрячими Аполлонами и Амурами» словно подтверждает ее.

Тексты 1990-х К. Шмидт и Т. Бёме сходны противопоставлением «я–ты», «мой–твой», но непохожи по ряду других аспектов. Их общность в их открытости. Впрочем, Т. Бёме расставил, по сравнению с К. Шмидт, несколько больше формальных ориентиров для читателя: соблюдены основные правила немецкой грамматики. Небольшие отклонения от грамматической нормы языка оставили тем не менее пространство для игры мысли воспринимающего. Вопросительные знаки либо опущены, либо вместо них поставлены знаки восклицательные. Налицо эпатаж эмоциональности.

Интертекстуальность Т. Бёме легко обнаруживает себя через античную традиционную символику. Она сравнивает и противопоставляет две точки зрения – общую и индивидуальную. Взаимодействующие тексты оказываются маркированными в историческом и стилевом планах через иронию. Снова налицо интеллектуальная ситуация постмодерна – неоднозначность, сложность, множественность.

Поэт подчеркнул, что все, связанное со столь важной для лирики близостью, а в данном случае это пребывание в одном месте, определяется вкусом и цветом (тогда как у К. Шмидт – звуком). Внутреннее пространство близкой связи противостоит величине города, страны, эпохи – глобальному миру. Автор взглянул на человека и как на существо, нуждающееся в близости, и как на современника, расширяющего собственный кругозор.

Сами чувства Т. Бёме не описал, потому что все изображенное перестает быть в свете деконструкции интимным: анализ эмоций уничтожает их. Психологическая индивидуализация остается на заднем плане как ориентир для понимания идентичности лирического героя. Гносеология вытесняет психологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schnell, R.* Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945 / R. Schnell. – Stuttgart ; Weimar : Verl. J.B. Metzler, 2003. – 627 S.
2. *Усманова, А.Р.* Гиперинтерпретация / А.Р. Усманова // Постмодернизм : энцикл. / науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис; Книжн. Дом, 2001. – С. 159 – 163.
3. *Тузова, Т.М.* Означивание / Т.М. Тузова // Постмодернизм : энцикл. / науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис; Книжн. Дом, 2001. – С. 537–541.
4. *Irrlitz, G.* Postmoderne-Philosophie, ein ästhetisches Konzept / G. Irrlitz // Weimarer Beiträge. – Berlin : Aufbau-Verl., 1990. – №3. – S. 357–380.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ:

- Schm. – *Schmidt, K.* Gedichte / K. Schmidt // Sinn und Form. – Berlin : Aufbau-Verl., 2000. – №4. – S. 576–578.
- B. – *Böhme, T.* Wohin wohl / T. Böhme // Sinn und Form. – Berlin : Aufbau-Verl., 2000. – №4. – S. 587–589.

In the 1990s German lyric poetry was developing under the conception of breaking tradition. The German Democratic Republic disappeared and this brought about a new social situation. Poetics of realism was no longer relevant. The political life called for new literature objects and new forms of describing them. The poets looked around from the position of postmodernism. They didn't give any definite interpretation of the world. This task was the recipient's one.

Поступила в редакцию 27.12.11

Е.А. Быстрова

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ТЕКСТЕ-ВОСПОМИНАНИИ (на материале произведений литературного течения «новый роман»)

В статье сообщаются результаты изучения роли эпистемической оценки в построении текста-воспоминания в современной французской художественной прозе. Выполненное на материале произведений литературного течения «новый роман», исследование позволило выявить природу эпистемически маркированного текста-воспоминания. В текстах неороманистов события и ситуации прошлого становятся частью повествования не непосредственно, а «сквозь призму» умозаключений, предположений, догадок. Эпистемически маркированное «литературное воспоминание» отображает параллельное движение памяти и сознания.

Современное литературоведение признает наличие (авто)биографической составляющей во всяком художественном произведении. Не секрет, что даже автор романа – вымышленной истории – заимствует из своего прошлого и пережитого при изображении места действия, персонажей и происходящего в создаваемой им реальности. Используя собственный опыт, писатель привносит некую часть реального мира в мир придуманный [1, с. 15].

Представители течения «новый роман», отрицавшие автобиографию как «рассказ о том, что было на самом деле» [2, с. 101], модернизировали тем не менее и этот жанр («Возвращающееся зеркало» А. Роб-Грийе, «В., или Воспоминание о детстве» Ж. Перека, «Детство» Н. Саррот), а их персонажи, по признанию самих неороманистов, не единожды создавались «из элементов собственной жизни» (М. Вутор. « Essais sur le roman », 1992, р. 74) [цит. по: 1, с. 15].

Реконструкция фрагмента прошлого, будь то воспоминание рассказчика – истинное (автобиография) либо сфабрикованное (биографический вымысел) – или персонажа (вымысел), позволяет читателю совершить «путешествие во времени» вместе с автором и является одной из самых увлекательных составляющих рассказываемой истории.

Стремление выявить способы языкового представления событий прошлого в современном художественном тексте обусловлено интересом к природе «литературного» воспоминания, изучение которого видится как итоговая цель.

Анализ ряда литературных текстов, в частности, произведений французских неороманистов, показывает, что воспоминание не всякий раз отображается в тексте как «рассказ» о чувственном опыте, хотя и представляется (выглядит?) как его результат. Литературоведы обращают внимание на то, что автобиографическая память в текстах этого литературного течения испытывает влияние «забвения, неоднозначности, беспорядочности», а воспоминание оказывается выраженным как результат поиска и формулирования мысли [2, с. 113]. Автор «реконструирует и пересматривает события, слова и ощущения», относящиеся к прошлому [3, с. 135], воспоминания фиксируются в момент становления, а текст как результат такой реконструкции несет в себе отпечатки работы сознания. Среди таких «следов», указывающих на появление в тексте «восстановленного» фрагмента прошлого (или создающих эффект такого фрагмента), обращают на себя внимание языковые средства *эпистемической оценки*.

Эпистемическая оценка определяется как оценка субъектом речи вероятности/возможности того, что некоторое положение дел имело, имеет или же будет иметь место. Диапазон эпистемических значений колеблется от абсолютной уверенности до неуверенности субъекта речи в достоверности сообщаемого, включая любые промежуточные нюансы [4, с. 71]. Эпистемическая оценка представлена во французском языке широким набором языковых средств разных уровней (модальные слова и выражения типа *peut-être* ‘может быть’, ‘возможно’, *sans doute* ‘несомненно’, ‘безусловно’; безличные конструкции типа *il est possible que* ‘возможно, что’, *il est (peu) probable*

que '(мало)вероятно, что'; модальные полувспомогательные глаголы *devoir* и *pouvoir*). Последние, помимо эпистемической, имеют эвиденциальную¹ семантику, указывая на то, что сообщаемое представляет собой результат умозаключения субъекта речи [5, с. 54]. При этом, если глагол *devoir* указывает на единственность заключения (субъект речи считает вероятным именно данное положение дел) [6, с. 33], то *pouvoir* допускает и другие возможные варианты [5, с. 55]. Эпистемическую оценку выражают также глаголы *savoir* и *croire* в определенных условиях (первое лицо, настоящее время) [7, с. 56]; в функции сказуемого главной части сложного предложения с придаточным дополнительным (*je sais que* 'я знаю, что', *je crois que* 'я думаю (считаю, полагаю), что') они непосредственно маркируют тот факт, что сообщаемое относится к «сфере знаний» субъекта речи. Аналогичные употребления других глаголов мнения (*je pense que* 'я думаю, что'; *je suis sûr que* 'я убежден, что') также оказываются в фокусе нашего внимания, поскольку со всей очевидностью отсылают к мыслительной активности рассказчика, занимающего определенную позицию по отношению к достоверности своих сведений.

Рассмотрим пример из повести «Детство» Н. Саррот:

(1) *Non, tout de même pas... Je ne crois pas qu'elle pouvait être à ce point lucide... pas dans ce cas... Et je ne crois pas non plus que Vera était capable d'éprouver le sentiment d'une injustice quand il s'agissait de Lili. Elle avait dû se borner à me dire « Ne la touche pas, je t'en prie. Laisse-la ». Et j'avais dû répondre « Mais je la laisse »* [8, p. 147] 'Нет, все же нет... Не думаю, что она была до такой степени проницательной... не в этом случае... И не думаю, что она была способна испытывать чувство несправедливости, когда речь шла о Лили. Должно быть, она всего лишь говорила мне: «Не трогай ее, пожалуйста. Оставь ее в покое». А я, должно быть, отвечала: «Я ее не трогаю»' (здесь и далее перевод наш. – Е.Б.).

В примере (1) воспоминание о жене отца Вере и сводной сестре Лили складывается из «движений мысли» – умозаключений писательницы о сказанных в прошлом словах (*Должно быть, она говорила...; Я, должно быть, отвечала...*) и ее суждений, мнений об отношении Веры к падчерице и к дочери (*Не думаю, что она была <...> проницательной...; Не думаю, что она была способна...*).

Рассмотрим другой пример:

(2) *Mais maman lâche ma main <...> elle me regarde de son air mécontent et elle me dit : « Un enfant qui aime sa mère trouve que personne n'est plus beau qu'elle. »*

Je ne me rappelle pas comment nous sommes revenus à la maison... peut-être nous taisions-nous ou peut-être même avons-nous continué à parler comme si de rien n'était [8, p. 95] 'Но мама выпускает мою руку <...> и, глядя на меня с недовольным видом, говорит: «Ребенок, любящий свою мать, считает ее самой красивой».

¹ Эвиденциальные значения отражают способы получения говорящим сведений об описываемом им фрагменте действительности.

Не помню, как мы добрались до дома... **может быть**, мы молчали, **может быть**, даже продолжили говорить’.

В примере (2) писательница сохранила в памяти обидную реплику матери, однако воспоминания о минутах, последовавших за разговором, причинившим *Natali* боль, «завуалированы» эпистемическими показателями и предстают в форме предположений.

В следующем примере сквозь призму сознания автора происходит развертывание фрагмента целой событийной линии:

(3) *Une fois déjà il a erré au milieu de ces bifurcations imprévues et de ces impasses où l'on se perdait encore plus sûrement quand, par hasard, on réussissait à marcher tout droit. Sa mère seule s'en inquiétait. Il étaient arrivés enfin à ce canal en cul-de-sac ; les maisons basses, au soleil, miraient leurs vieilles façades dans l'eau verte. Cela devait être en été, pendant les vacances scolaires : ils avaient fait halte (alors qu'ils se rendaient comme tous les ans au bord de la mer, plus au sud) pour rendre visite à une parente. Il croit se souvenir que celle-ci était fâchée, qu'il y avait une affaire d'héritage, ou quelque chose du même genre. Mais l'a-t-il jamais su exactement ? Il ne se rappelle même plus s'ils avaient fini par rencontrer la dame, ou bien s'ils étaient repartis bredouilles (ils ne disposaient que de quelques heures entre deux trains). D'ailleurs, est-ce que ce sont là de vrais souvenirs ? On a pu lui raconter souvent cette journée : « Tu te rappelles, quand nous sommes allés... »*

Non. Le bout de canal, il l'a vu lui-même, et les maisons qui se reflétaient dans son eau tranquille, et le pont très bas qui en fermait l'entrée... et la carcasse abandonnée du vieux bateau... Mais il est possible que cela se soit passé un autre jour, dans un autre endroit – ou bien encore dans un rêve [9, с. 136–137] ‘Однажды ему уже доводилось плутать по лабиринту этих неожиданных ответвлений и закоулков, где еще вернее можно было заблудиться, если вдруг, по случайности, удавалось идти прямо. Одной лишь матери это не давало покоя. Наконец они добрались до канала; залитые солнцем старые фасады низких домов отражались в зеленой глади воды. **Должно быть, это было летом**, во время школьных каникул: они сделали остановку (по пути на юг, к морю, как и каждый год), чтобы навестить родственницу. Он вспоминает, что, **кажется**, та была рассержена, что был спор о наследстве или что-то в этом роде. Но знал ли он это когда-либо точно? Он не помнит даже, встретились ли они с родственницей или уехали ни с чем (у них было всего несколько часов между двумя поездами). Впрочем, воспоминания ли это? **Ему могли часто рассказывать о том дне**: «Помнишь, когда мы ездили... »

Нет. Устье канала он видел сам, и дома, отражавшиеся в его тихой воде, и низкий мост, перекрывавший течение, и заброшенный остов старого корабля. Но **возможно**, это было в другой день, в другом месте – или даже приснилось ему’.

Как видим, рассказчик может «хорошо помнить» о том, что было с ним, и не подвергать описываемые события вероятностной оценке. В этом случае имеет место традиционное повествование о прошлом, на что указы-

вает лишь смена временной координаты – использование прошедших времен (*Однажды ему уже доводилось...; Наконец они добрались...*). Дальнейший же анализ текста позволяет обнаружить как минимум следующие знаки присутствия эпистемической оценки событий прошлого.

1. Использование модального полувспомогательного глагола *devoir*, указывающего на выводную природу фрагмента воспоминаний, в достоверности которого рассказчик «почти» уверен (*Должно быть, это было летом, во время школьных каникул...*). Глагол *devoir* выступает своего рода «отпечатком» некоторой доли сомнения рассказчика в истинности сведений, извлекаемых из памяти.

2. Обращение к эпистемическому показателю со значением возможности для маркирования альтернативного варианта развития событий. Рассказчик может не только недостаточно хорошо помнить то, что было (с ним) в прошлом, но и «забыть», какова природа его сведений, усомнившись в том, что возникшая в его сознании цепь событий – его собственные воспоминания. Так, в примере (3) модальный полувспомогательный глагол *rouvoir* указывает на то, что картина, сохранившаяся в памяти автора, может быть результатом рассказов других людей (*Ему могли часто рассказывать об этом дне...*). Безличная конструкция *il est possible que* маркирует одновременно несколько предположений рассказчика (*Но возможно, это было в другой день, в другом месте – или даже приснилось ему*), последнее из которых вновь относится к природе воспоминания: сознание рассказчика допускает возможность «замещения» реальных событий сведениями, полученными путем откровения.

3. Использование показателя мнения для восстановления фрагмента, оказавшегося за чертой забвения. Глагол *croire* указывает: рассказчик *думает, полагает*, что события развивались именно так, а не иначе (*Он вспоминает, что, кажется, та была рассержена, что был спор о наследстве...*).

В цепи воспоминаний могут возникать детали, которые рассказчик отчетливо помнит, в достоверности которых уверен. Стремясь выделить их на общем фоне, «гарантировать» читателю их истинность, он ссылается на собственный чувственный опыт, утверждая, что *видел* сам и хорошо *помнит* описываемое (*Нет, ... он видел сам...*). Однако следующее «движение мысли» автора вновь «перемещает» читателя в плоскость предположений и догадок.

В следующем тексте воспоминание также оказывается эпистемически маркированным:

(4) *J'ai profité de ce répit pour pénétrer entre les colonnes ioniques noircies sous le fronton marqué « Bleston Museum of Fine Arts » <...> Je ne savais pas encore que les dix-huit panneaux de laine racontaient tous l'histoire de Thésée <...> ; je n'avais pas encore le guide de Bleston ; je n'avais même pas lu, je crois, la pancarte apposée à l'entrée de la salle numéro 3 <...> Certes, je pense que j'avais reconnu dès l'abord le thème du onzième panneau <...> Mais il m'est difficile de retrouver mon impression devant cet ensemble prestigieux que j'ai*

tellement mieux regardé depuis, dont le style me déroutait sans doute quelque peu, bien que, dès le début, j'en suis sûr, j'eusse été ému par les paysages ... [10, p. 87–89]. ‘Воспользовавшись свободной минутой, я прошел, минуя потемневшие ионические колонны, под фронтоном «Художественного музея города Блестон» <...> Я не знал еще, что все восемнадцать гобеленов рассказывают миф о Тесее <...>; тогда у меня еще не было карты Блестона; **наверняка**, я даже не прочел надпись на табличке, прикрепленной у входа в зал под номером 3 <...> **Мне думается**, я сразу узнал, какой теме посвящался одиннадцатый гобелен <...> Но мне трудно вспомнить, что я чувствовал, глядя на этот знаменитый ансамбль, который я много лучше рассмотрел спустя годы, стиль которого, **безусловно**, немного сбивал меня с толку, хотя, **вне всякого сомнения**, я в самую первую секунду был восхищен красотой пейзажей ...’.

Мы видим, что рассказчик обращается к эпистемической оценке вне зависимости от того, описывает ли он фрагмент действительности, оказавшийся в его «поле зрения» много лет назад (*Наверняка, я даже не прочел надпись...*), либо стремится восстановить охватившие его эмоции, душевные переживания (*вне всякого сомнения, я <...> был восхищен*). В тексте (4) воспоминание также представляет собой не механическое «перемещение» чувственного опыта в повествование, а развертывание мысли, происходящее одновременно с работой памяти.

В отличие от событий, имевших место в реальной (фиктивной) действительности, воспоминания носят непоследовательный, нередко хаотичный характер:

(5) *Ce doit être dans cette dernière semaine de novembre qu'un soir, comme je sortais d'un des cinéma de la place de l'Hôtel-de-Ville, l'Artistic ou le Continental, je ne sais plus, où je venais de voir un film dont tout ce que je me rappelle, c'est qu'il comportait quelques images d'une corrida, en compagnie d'Horace Buck (l'avait-je rencontré par hasard, ou avions-nous pris rendez-vous pour y aller ensemble ou nous y retrouver ? Je ne sais plus), celui-ci m'a fait passer pour la première fois sous l'étroit linteau sur lequel les tubes au néon inscrivent cette enseigne lisible aussi bien dans ma langue que dans celle des habitants de Bleston : « Amusements », qu'il ma fait entrer pour la première fois dans cet établissement en forme de couloir serré entre le cinéma Royal et le commissariat de police, en face du bâtiment municipal, cet établissement meublé de billards électriques et de jeux de massacre, qui est comme une réduction, au centre de la ville, de la grande foire fixe de Plaisance Gardens <...> Mais tout cela est si lointain, si flou ; tant de soucis, tant de possibilités interfèrent ; tant de choses se sont passées depuis, qui pèsent tellement sur mon présent, tant de choses que je risque de déformer et d'oublier si je tarde trop à les écrire* [10, с. 168–169] ‘Однажды вечером (**должно быть**, это было в ту последнюю неделю ноября), выходя из одного из кинотеатров, стоящих на главной площади (Артистик или Континенталь, **не помню**), где я смотрел фильм, из которого мне запомнилось только то, что там были сцены боя быков, в компании Горация

Бака (**не помню**, встретил ли я его случайно, либо мы договорились пойти туда вместе или встретиться прямо там?), я впервые попал в дом, на узком фасаде которого неоновая надпись, читаемая как на моем родном языке, так и на языке жителей города Блестон, гласила «Клуб развлечений», дом, имевший форму коридора, зажатого между кинотеатром «Руаяль» и полицейским участком, напротив здания городского управления, дом, уставленный электрическими бильярдными столами и игровыми автоматами и напоминающий ярмарку Плезанс Гарденс в миниатюре, вдруг оказавшуюся в центре города <...> Но все это кажется таким далеким, таким неопределенным; столько тревог, столько возможных вариантов возникают между мной и прошлым; столько событий произошло с тех пор и довлеет над сегодняшним днем; столько деталей я боюсь исказить или забыть, если промедлю и не напишу о них’.

В примере (5) на первый план выходит экспликация самого процесса воспоминания (рассказчик предполагает (*должно быть, это было в ту последнюю неделю ноября*), забывает какие-то детали (**не помню**), затем вспоминает другие подробности), затмевая собой воссоздание картины прошлого. Сопровождаемый эпистемической оценкой рассказ о событиях прошлого постепенно превращается в рассказ о самом воспоминании (*мне запомнилось только*), которое чередуется с забвением (*все это кажется таким далеким, таким неопределенным*) и страхом забыть (*столько деталей я боюсь исказить или забыть*).

Таким образом, в произведениях литературного течения «новый роман» воспоминания едва ли представляют собой традиционный «рассказ» о чувственном опыте. События прошлого преломляются через ментальную сферу автора, а их реконструкция являет собой непрерывное движение сознания рассказчика – чередование воспоминания с забвением, столкновение перцептивного опыта с вероятностными суждениями, умозаключениями, предположениями и догадками. Использование языковых средств с семантикой эпистемической оценки позволяет автору представить воспоминания как результат параллельной работы памяти и сознания. Кроме того, варьируя угол эпистемической оценки описываемого, рассказчик сообщает воспоминаниям зыбкость и иллюзорность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baudelle, Y.* Du roman autobiographique : problèmes de la transposition fictionnelle / Y. Baudelle // *Protée*. – 2003. – Vol. 31. – № 1. – P. 7–26.
2. *Wei, K.* Pluralités des voix et repentirs autobiographiques : une lecture d’*Enfance* de Nathalie Sarraute / K. Wei // *Etudes françaises*. – 2004. – Vol. 40. – № 2. – P. 101–114.
3. *Havercroft, B.* L’autobiographie comme reprise : l’exemple d’*Enfance* de Sarraute / B. Havercroft // *Tangence*. – 1993. – Vol. 31. – № 42. – P. 131–145.

4. *Le Querler, N. Typologie des modalités / N. Le Querler. – Caen : Presses Univ. de Caen, 1996. – 159 p.*
5. *Tasmowski, L. Pouvoir_E, un marqueur d'évidentialité / L. Tasmowski, P. Dendale // Langue française. – 1994. – № 102. – P. 41–55.*
6. *Dendale, P. Devoir épistémique, marqueur modal ou évidentiel / P. Dendale // Langue française. – 1994. – № 102. – P. 24–40.*
7. *Vet, C. Savoir et croire / C. Vet // Langue française. – 1994. – № 102. – P. 56–68.*
8. *Sarraute, N. Enfance / N. Sarraute. – Paris : Gallimard, 2007. – 286 p.*
9. *Robbe-Grillet, A. Les Gommages / A. Robbe-Grillet. – Paris : Les Ed. de Minuit, 2006. – 268 p.*
10. *Butor, M. L'Emploi du temps / M. Butor. – Paris : Les Ed. de Minuit, 2005. – 400 p.*

The article reveals the nature of the epistemically marked reminiscence in modern French literary text. It points out that epistemically marked literary reminiscence, while reconstructing a past episode through the prism of conclusions, conjectures and speculations, reflects the movement of both consciousness and memory.

Поступила в редакцию 05.01.12

Г.М. Кісліцына

ЭКЗИСТЭНЦЫЯЛІЗМ ЯК СВЕТАПОГЛЯДНАЯ СІСТЭМА Ў АПАВЯДАННІ “БУНІН-МАРЦІНКЕВІЧ” А. ФЕДАРЭНКІ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці прозы А. Федарэнкі, аўтара шасці кніг прозы, лаўрэата Літаратурнай прэміі імя І. Мележа (1994). Аб'ектам аналізу абрана апавяданне «Бунін-Марцінкевіч», якое адразу пасля з'яўлення ў 2007 г. прыцягнула ўвагу айчынных крытыкаў і даследчыкаў літаратуры. Герой «Буніна-Марцінкевіча» ўпэўнены ў зададзенасці, прадвызначанасці лёсу, які паказваецца чалавеку ў знаках і сімвалах, у зацікаўленай скіраванасці Сусвету на адзінку і падпарадкавальнай яе залежнасці. Нават сваю страшную хваробу ён уяўляе як выніковае звязно непазбежнага ланцуга падзеяў. Ён верыць у Бога, «які паўсюль», і адпаведна сумняваецца ў множнасці ісціны. Затое не верыць у багацце выбару, падвяргае сумневу значэнне роўнасці і свабоды, прычым па ўсіх гэтых пытаннях ён выказваецца дастаткова разгорнута і паэтычна, іншым разам замяняючы аргумент эмоцыяй. Аўтар разглядае апавяданне як узор экзістэнцыяльнага светапогляду.

Як вядома, практычна ніхто з мысляроў, прылічаных да экзістэнцыялізму, фактычна не адносіў сябе да філосафаў-экзістэнцыялістаў. Прычынай таму з'яўляецца скіраванасць гэтай мастацка-філасофскай плыні на індывідуалізм. Выключэннем з правіла выглядае беларускі пісьменнік Андрэй Федарэнка, аўтар кніг «Гісторыя хваробы», «Смута», «Шчарбаты талер», «Афганская шкатулка», «Нічыё», «Мяжа», пісьменнік, які быццам знарок робіць усё, каб яго творчасць увайшла ў гісторыю беларускай літаратуры як узор экзістэнцыяльнага светаадчування.

Крытыкі неаднаразова адзначалі блізкасць яго тэкстаў да творчасці заходніх пісьменнікаў-экзістэнцыялістаў, якія аперавалі катэгорыяй крызіснай сітуацыі. Аднак як сістэма светапогляду «філасофія існавання» выяўна праглядаецца і ў творчасці многіх айчынных аўтараў (В. Быкаў, Ф. Сіўко, В. Казько, Ю. Станкевіч, С. Рублеўскі), творы якіх адносяцца да зусім іншай культурнай эпохі. Пра экзістэнцыяльнасць іх твораў загаварылі не так даўно, і таму ёсць шэраг прычынаў. Па-першае, экзістэнцыялізм, які ацэньваўся савецкім літаратуразнаўствам як буржуазная плынь, доўгі час прысутнічаў у нацыянальнай літаратуры, так бы мовіць, «інкогніта». Так, пра экзістэнцыялізм у творах В. Быкава загаварылі ўжо ў апошняй чвэрці XX ст., значна пазней, чым былі напісаны яго аповесці «Пастка», «Мёртвым не баліць», «Сотнікаў» і інш. [1, с. 176]. Па-другое, літаратура сацыялістычнага рэалізму, закліканая адлюстроўваць перамогі сацыялістычнага ладу, не магла, ды і не хацела падумаць аб пытаннях неўладкаванасці, абсурднасці свету, асуджанасці чалавечага існавання, выбару і свабоды – гэта супярэчыла ўсёй яе логіцы. Аднак у сярэдзіне 80-х гг. XX ст. стала мяняцца не толькі палітычная сітуацыя ў краіне, але і адбылася змена літаратурнага цыкла. На думку даследчыка М.А. Тычыны, менавіта ў гэты час «з’явіліся прыкметы “стомленасці” ад празмерна гераізаванага мастацтва, імкненне асэнсаваць цёмныя, трагічныя бакі народнага быцця, расчытаць “перапісаныя”, і не аднойчы, гістарычныя старонкі “палімсеста”» [2, с. 102]. Нявыяўленым, недагавораным з часоў сацыялізму застаўся і нацыянальны вобраз чалавека, які быццам растварыўся ў калектыўным абліччы «гома савецікуса». Таму няма нічога dziўнага ў тым, што пасля 90-х гг. мінулага стагоддзя, з той пары, як Беларусь стала суверэннай незалежнай дзяржавай, неаднаразова рабіліся «спробы самаідэнтыфікацыі», у першую чаргу тым творчым пакаленнем, якое прыйшло ў літаратуру на хвалі перабудовы. З цікавасці да ўласнай нацыі вырасла і агульная цікавасць да самога чалавека.

Нараджэнне, смерць, выбар, каханне, сорам, клопат... Гэтыя тэмы, некалі глыбока распрацаваныя класікамі першага беларускага Адраджэння, зноў рэабілітавалі сябе. Разам з імі прыйшла і цікавасць да стаўшых ужо класічнымі ў заходняй літаратуры вобразаў А. Камю, Э. Іянэска, Ж. П. Сартра. Да прыкладу, прадстаўнікі першага перабудовачнага пакалення актыўна звярталіся да вобраза Сізіфа, які стаў у новай інтэрпрэтацыі сімвалам няспынай працы на ніве беларушчыны (ці не ўзорным тут з’яўляецца апавяданне «Сізіф» С. Дубаўца).

Па-іншаму трактуе гэты антычны вобраз А. Федарэнка ў сваім палемічным апавяданні «Мыла», якое заканчваецца зваротам да чытача: «Сізіф ускочвае на гару камень, той затрымліваецца на імгненне – і па-акаціўся ўніз! Сізіф выцірае з ілба пот, спаўзае на “пятай кропцы” ўніз – і ўсё па-новаму... Навошта? Як вы лічыце?» [3, с. 66]. Федарэнка напярэкі звяртаецца да чытача з мэтай замацаваць у чытацкай свядомасці эфект сваіх папярэдніх заўвагаў пра сучасніка-беларуса. Аўтар апісвае некалькі аналагічных «мыльных гісторый», якія ён сам характарызуе як спробу наладзіць масток паміж «культурай і дзікасцю», і прызнае, што кожнага разу яны заканчваліся яго паразай. Сам ён так і не здолеў ці не захацеў назваць

прычыну, па якой яго сучаснікі з такой упартасцю супраціўляюцца любым спробам падпарадкоўвацца такім лагічным нормам чалавечых стасункаў, нормам, якія абсалютна натуральныя для любога еўрапейца. Хоць відавочна, што гэтыя, як быццам бы незразумелыя, заганы маюць і сваю прыроду, і сваю гістарычную дынаміку. Можна меркаваць, што выраслі яны якраз на той стадыі развіцця грамадства, калі “нацыянальны характар”, які стагоддзямі фарміраваўся ў якасці характару «вясковай нацыі», стаў ператварацца ў «менталітэт» як праяўленне поглядаў і інтарэсаў даволі вузкіх асяродкаў без пэўных традыцый. Тое, што раней выяўлялася як імкненне да пэўнай адасобленасці, прахалоднасці ў адносінах з чужынцамі, «куркулістасці» і было ўвасоблена ў трапным народным «мая хата з краю», у савецкія часы перарасло ў абыякавасць, эгаізм, жлобства, якому добра адпавядае не менш народнае – прынамсі па часціні ўжывання: «усё вакол калгаснае, усё вакол маё», якое прыгадвалі ў савецкія часы як негалосна прыняты ў пэўным асяродку дазвол на прысваенне чужой маёмасці.

Алагічнае супраціўленне элементарным паняццям добрасуседства, камфорту, прыгажосці; незразумелае, але надта ўжо выяўнае нежаданне дбаць пра тых, хто побач, пісьменнік выводзіць на ўзровень абагульненняў, што дае яму магчымасць па-іншаму ўсвядоміць ролю мастака ў сучасным свеце: «Хіба ж мы, работнікі п’яра, не займаемся тым жа ўсё жыццё, як толькі “наразаем” раманы, п’есы, аповесці, навелы і кладзём іх для агульнага карыстання, паняцця не маючы, хто іх забірае, якая з іх каму карысць, у якую прорву яны знікаюць?..» [3].

Шмат такіх жа рытарычных пытанняў задае аўтар чытачу вуснамі свайго маладога героя з апавядання «Бунін-Марцінкевіч», які задумваецца над загадкай чалавечага жыцця на парозе смерці.

Ужо з першых радкоў гэтага знакавага для беларускай літаратуры твора пісьменнік здзіўляе вобразнай паралеллю, якую ён праводзіць, апісваючы свайго галоўнага героя, дваццаціпяцігадовага насельніка рэанімацыйнай палаты: «Такі ў яго бадзёры, пераканаўчы голас, такі прыгожы твар з маладой русявай шчацінкай, так блішчаць яго мяккія вільготныя вочы, такі ён сам увесь урачысты, заміраны, як бы асветлены нейкім унутраным ззяннем. Міжволі хочацца думаць і верыць, ці не Усявышні гэта вырашыў лішні раз злітасцівіцца над неразумнымі людзьмі, даць ім яшчэ адзін шанс, і спусціў да іх з нябёсаў свайго чарговага пасланца... Аналогія тым больш напрашваецца, што “пасланец” літаральна раскрыжаваны – у венах абедзвюх рук па кропельніцы, з грудзіны, з-пад саменькага сэрца, тырчыць адна трубка, суровымі ніткамі па-жывому да скуры прышытая і бурым ад крыві і ёду пластырам залепленая, са спіны – другая» [4].

Само параўнанне з Хрыстом, хоць імя яго і не названа, выяўляе палемічны характар твора, маркіруючы яго як «сур’ёзную» літаратуру. Варта адзначыць, што з’яўленне біблейных вобразаў было, па зразумелых прычынах, рэдкасцю для літаратуры савецкага перыяду, і нават калі яны траплялі ў твор, то былі «пераніцаваныя» альбо як сатырычна-гумарыстычныя («Біблія» К. Крапівы), альбо як народныя («Хрыстос прызямліўся ў Гародні»

Ул. Караткевіча). Аднак і з «разняволеннем» нацыянальнай літаратуры ў канцы 80-х гг. мінулага стагоддзя сітуацыя мала змянілася: цяпер аўтары пазбягаюць рэлігійных алюзій у сувязі са зменай літаратурнай моды на «высокую літаратуру», паняцце якой стала атаясамлівацца з літаратурай савецкага перыяду. Так выглядае, што сучасны пісьменнік баіцца абвінавачванняў у ідэйнай перакананасці, наяўнасці жыццёвых ідэалаў і прынцыпаў, патрыятычнага пафасу, патэтычнасці ў выказванні і лінейнасці ў выкладанні, ці, агулам кажучы, баіцца быць абвінавачаным у нарматывізме. Вось менавіта з гэтай прычыны невялікі па аб'ёме абзац Федарэнкі, прысвечаны апісанню яго героя, адразу ж звяртае на сябе ўвагу як запрашэнне да сур'ёзнай гутаркі.

Вобраз паміраючага балбатуна-«філосафа», які на парозе смерці адкрыў для сябе ісціну, цікавы не толькі сваёй мастацкай пераканаўчасцю, але і тым, што ён аспрэчвае той, хоць і даволі размыты, але ўсё ж больш-менш сфарміраваны постмадэрнісцкі вобраз сучасніка, вобраз, сфарміраваны не столькі самой літаратурай, колькі філасофіяй постмадэрнізму. Федарэнка даволі паслядоўна і як быццам знарок праходзіцца па асноўных яе тэзах.

Герой «Буніна-Марцінкевіча» ўпэўнены ў зададзенасці, прадвызначанасці лёсу, які паказваецца чалавеку ў знаках і сімвалах, у зацікаўленай скіраванасці Сусвету на адзінку і падпарадкавальнай яе залежнасці. Нават сваю страшную хваробу ён уяўляе як выніковае зв'язно непазбежнага ланцуга падзей. Ён верыць у Бога, «які паўсюль», і адпаведна сумняваецца ў множнасці ісціны. Затое не верыць у багацце выбару, падвяргае сумневу значэнне роўнасці і свабоды, прычым па ўсіх гэтых пытаннях ён выказваецца дастаткова разгорнута і паэтычна, іншым разам замяняючы аргумент эмоцыяй.

«Вы маеце на ўвазе адноснасць волі як катэгорыі? Я ваш саюзнік. Увогуле, усе гэтыя тэрміны, калі шчыра, такая штучнасць, размытасць, недакладнасць... Правільна, на першы погляд можа падацца, што тыя, хто на вуліцы, людзі, якіх мы назіраем толькі праз акно, маюць неабмежаваныя варыянты выбару: хачу да сябра паеду, хачу – дамоў, хачу да цешчы на бліны... Калі ж капнуць бліжэй – выбару ў іх, як такога, няма, маршрут іх загадзя прадвызначаны, і звярнуць з яго, змяніць яго не так проста, як здаецца. Усе, па вялікім рахунку, да кагосьці прывязаныя – як я гэтымі васьмі трубкамі да гэтага вентыля і да кропельніц» [4].

На думку безыменнага героя «Буніна-Марцінкевіча», воля – найбольш умоўны сярод тэрмінаў, бо, па яго назіранні, «можна быць шчаслівым замураваным у сцяне і вар'яцець ад няшчасця, валодаючы цэлымі краінамі або ўсім зямным шарам». Вуснамі свайго балбатлівага героя (дарэчы, і яго «балбатлівасць» – вымушаная, бо з'яўляецца праявай медыкаментознага ўмяшальніцтва) пісьменнік падвяргае сумневу стаўшую аксіяматычнай ідэю свабоды як неабходнай умовы чалавечага шчасця, спяваючы гімн фізічнаму абмежаванню, якое адно толькі – у аўтарскай версіі – можа прывесці да разумення ісціны. Федарэнка бярэ на сябе смеласць сфармуляваць гэтую ісціну, зноў жа, сфармуляваць вельмі паэтычна.

«А ісціна, мушу сказаць, гэта зусім не набор пастулатаў, гэта не дубовыя максімы, не псеўдафіласофскія абстракцыі, нават – выбачайце за кашчунства! – не хрысціянскія або любыя іншыя рэлігійныя догмы, а! – драбязя, дэталкі, малюсенькія, штодзённыя, якіх мы амаль не заўважаем, а дарэмна, бо на іх трымаецца свет, на іх стаіць жыццё, з іх сумы ўрэшце і складваецца такое нібыта маленькае, але і такое неабходнае, такое сапраўднае – шчасце...» [4].

Аднак відавочна, што тое, што разумеецца аўтарам пад «драбязой, з якой складваецца, уласна, жыццё», не зусім «драбязя», а хутчэй за ўсё здатнасць адчуваць рэчаіснасць ва ўсім багацці яе праяваў, прынамсі, да такой высновы прыводзіць сам тэкст. Няспынная беганіна, мітусня, пошук, падманны росквіт магчымасцяў прымушаюць чалавека забыць пра небяспеку, крохкасць, безабароннасць і хуткаплыннасць яго жыцця, разам з тым пазбаўляючы і адчування сапраўднасці. У апавяданні ўзнікае знакаміты і нечаканы ў творы XXI ст. лацінскі крылаты выраз – *momento mori*, які ў дадзеным выпадку нагадвае пра неабходнасць цаніць жыццё, «піць яго маленькімі глыткамі». Калі ў хрэстаматычным творы Я. Брыля «*Memento mori*» выраз нагадваў пра непазбежнасць маральнага выбару, перад якім раней ці пазней апынаецца чалавек, то тут сітуацыя трохі іншая. З аднаго боку, галоўны герой А. Федарэнкі перажывае за тое, што людзі не здатныя без знешняга штуршка ацаніць падарунак жыцця, з другога – не робіць нічога для таго, каб захаваць жыццё ўласнае... Аднак у фінале апавядання аўтар апісвае дзве смерці (галоўнага героя і яго суседа па палаце), як быццам нагадваючы, што чалавек бяссільны перад махавіком быцця, незалежна ад таго, ці задумваецца ён над сэнсам светабудовы, ці не. Такім чынам, само быццё не пакідае чалавеку выбару, сведчыць аўтар.

А. Федарэнка, у чых апавяданнях выяўна адчуваецца наследаванне традыцыям нацыянальнай псіхалагічнай прозы, – адзін з тых нямногіх беларускіх аўтараў, якія і сёння, калі літаратурная мода дыктуе лёгкае эсэістычнае насмешліва-іранічнае пісьмо, спрабуюць зразумець глыбіні чалавечай псіхікі. Хоць як кожны пісьменнік сучаснасці Федарэнка «асуджаны» на выяўленне культуры постмадэрну, яго творы ўяўляюць сабой усё той жа добра знаёмы еўрапейскі экзістэнцыялізм, які па ранейшаму з'яўляецца жыватворнай крыніцай для творцаў многіх краін.

ЛІТАРАТУРА

1. *Шаблоўская, І.В.* Паэтыка славянскай ваеннай прозы / *І.В. Шаблоўская* // Сусветная літаратура ў беларускай прасторы: Рэцэпцыя. Тыпалогія. Кантакты. – Мінск : Радыёла-плюс, 2007. – 304 с.
2. *Тычино, М.А.* Теоретические проблемы художественного показа войны в современной белорусской литературе / *М.А. Тычино* // Война в славянской литературе; сост. И.Н. Афанасьев. – Мозырь : ООО ИД «Белый Ветер», 2006. – 402 с.
3. *Федарэнка, А.* Мыла / *А. Федарэнка* // *Полымя*. – 2007. – № 5. – С. 66.
4. *Федарэнка, А.* Бунін-Марцінкевіч / *А. Федарэнка* // *Маладосць*. – 2007. – № 4. – С. 19–20.

The article considers the peculiarities of the works of the Belarusian prose writer Andrei Fedorenko, author of six books of prose, winner of the I. Melezh Literary Prize (1994). In his stories he consistently and thoroughly investigates such concepts as truth, will, choice, good and evil, that allows us to characterize his work as an example of existential writing.

Поступила в редакцию 25.10.11

В.Г. Минина

ЛЕЙТМОТИВНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИСИГУРО

Статья посвящена рассмотрению образов-символов в творчестве одного из самых значительных фигур в литературе современной Великобритании – Кадзуо Исигуро. Самый распространенный символ – образ дома, а также ассоциированные с ним образы (комната, отель, пансионат) – стал лейтмотивом творчества писателя. Не менее значимыми являются образы дороги и воды, имеющие разное смысловое наполнение в конкретных романах. Кроме них, в разных романах присутствуют и окказиональные образы – лупа, воздушные шары, лодка, автомобиль и др.

Символ (от греч. *symbolon* ‘знак, опознавательная примета’) есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Символ есть объект, живой или неживой, который обозначает или представляет собой нечто другое. Это образ, взятый в аспекте своей знаковости, и одновременно знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Структура символа направлена на то, чтобы через каждое частное явление дать целостный образ мира. Символ объединяет собой разные планы воспроизводимой художником действительности на основе их существенной общности и родственности. Он обычно строится на параллелизме явлений и системе соответствий, и ему присуще метафорическое начало, обогащенное глубоким замыслом. Смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего [1, с. 400]. Символ может быть общественным или личным, местным или всеобщим.

Считается, что для превращения детали в символ достаточно хотя бы одного из четырех условий: «1. сгущенности художественного воплощения, 2. сознательной установки автора на выявление символического смысла изображаемого, 3. контекста произведения – когда независимо от намерения автора “открывается” символический смысл того или иного элемента художественной образности, при рассмотрении его в целостности творческой системы писателя, 4. литературного контекста эпохи и культуры» [1, с. 379]. При этом акцентированное использование конкретного образа позволяет говорить о мотиве или лейтмотиве произведения.

Сдержанно-спокойные рассказы героев британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро (р. 1954), неспешно повествующих о своей жизни, изобилуют деталями. Обыденные на первый взгляд, многие из них,

помимо предметного наполнения, имеют переносный смысл, превращающий их в символические образы. Лейтмотивными символами у Исигуро можно считать образы *дома, дороги, воды*. Кроме них в разных романах присутствуют и окказиональные образы, приобретающие символическое наполнение в контексте конкретного произведения – *телеграфные столбы, веревка, кассета, лодка, автомобиль* и др.

Образ *дома* проходит через все романы писателя и, будучи неоднократно повторен, приобретает символический смысл, который имеет свои нюансы в разных произведениях. Специалисты в области знаков [2] расшифровывают дом как уменьшенную модель Вселенной, освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, где человек находится в безопасности. Дом выступает символом рода, родовой мудрости; что случается в доме, то и внутри человека. Большой пустующий дом Ецуко, героини романа «Там, где в дымке холмы» (“A Pale View of Hills”, 1982), свидетельствует о ее одиночестве. Стоящий у подножия холма дом героя романа «Художник зыбкого мира» (“An Artist of the Floating World”, 1986) Масуи Оно – большой и частично разрушенный во время войны – говорит о превратившейся в развалины жизни его хозяина. Во время бомбардировки под развалинами дома погибла его жена – прошлое разлетелось на куски, и сейчас он своими руками медленно ремонтирует свой дом и одновременно налаживает новую жизнь и лечит душу.

Привилегированный, стоящий в уединении Дарлингтон-холл в романе «Остаток дня» (“The Remains of the Day”, 1989), с одной стороны, является символом старой жизни – той, когда Британия была мировой державой и с ней невозможно было не считаться. О.Г. Сидорова пишет, что этот роман посвящен «феномену английскости, тому образу Англии, который сложился в сознании самих англичан и в сознании иностранцев. Одной из важных составляющих этого образа является, без сомнения, миф об английском сельском доме, поместье как о средоточии лучших черт нации, сакральном пространстве, где расцветает национальная материальная и духовная культура, миф, многократно отраженный английскими писателями (упомянем лишь Филдинга, Джейн Остен, Ш. Бронте, Диккенса, Дж. Элиот, О. Уайльда, Г. Джеймса, В. Вулф, “Хауардз Энд” Э.М. Форстера, И. Во)» [3, л. 236].

С другой стороны, став собственностью нового хозяина – богача-американца, Дарлингтон-холл символизирует послевоенную Англию, потерявшую все свои колонии, следовательно, и мировое господство, и все более попадающую под влияние Америки. Не только Дарлингтон-холл, но и те особняки, которые остались в руках британских владельцев, выступают символами упадка Британии. Они являют собой удручающую картину, как, например, дом некоего полковника: четырехэтажный, весь увитый плющом, наполовину запертый и с зачехленной мебелью. Хозяин пытался продать его, так как, по словам его слуги, в одном лице совмещавшего дворецкого, камердинера, шофера и уборщика, «такая грома-

дина ему теперь без надобности»¹ [RD, p. 119]. Дома, подобные этому, больше не являлись отличительными знаками богатой аристократии, а скорее символизировали ее безденежье и уходящее величие.

Герой романа дворецкий Стивенс называет Дарлингтон-холл местом свершения мировой политики. Он утверждает, что «ключевые решения, затрагивающие судьбы мира, в действительности принимаются вовсе не в залах народных собраний и не за те несколько дней, пока международная конференция работает на глазах у публики и прессы. Скорее настоящие споры ведутся и жизненно важные решения принимаются за закрытыми дверями в тишине великих домов нашей страны. То, что устраивают публично с такой помпой и церемониями, зачастую венчает собой или всего лишь ратифицирует договоренности, которые неделями, если не месяцами обсуждались за стенами этих домов. Для нас, таким образом, мир был подобен вращающемуся колесу, а великие дома – его ступице, и их непрекаемые решения, исходя из центра, распространялись на всех, как на богатых, так и бедных, что вращались вокруг них» [RD, p. 115]. Таким образом, богатый дом, а следовательно, и Британия, выступает символическим местом решения людских судеб. Однако в романе есть образ и другого дома – деревенского, с грубо сколоченным столом и дощатой столешницей, испещренной многочисленными щербинками от сечек и хлебных ножей. Несмотря на его внешнюю убогость, он также являет собой место проведения политических дискуссий – пусть и на локальном уровне, которые проходят с не меньшим жаром и искренностью, чем дебаты во время проведенной лордом Дарлингтоном конференции 1923 года. Этот сельский дом символизирует обновленную Британию, в которой политика перестала быть привилегией аристократов и власть имущих.

Стивенс всегда был предан поместью, там прошла его жизнь, он стал олицетворением его идеалов и выразителем его мировоззрения. Символично то, что кардинальные изменения в мировосприятии протагониста происходят тогда, когда он оказывается вне поместья. Уезжая из Дарлингтон-холла одним человеком, проведя ночь в маленькой уютной комнате деревенского дома, простившись навсегда с мисс Кентон на автобусной остановке, Стивенс почувствовал себя совершенно обновленным, иным, чем прежде.

У музыканта Райдера из «Безутешных» (“The Uncolsoled”, 1995) и вовсе нет дома. Его жильё – номер в очередном отеле. Оказавшись в городе, описанном в романе, он, куда бы ни поехал в окрестностях города, куда бы ни пошел в самом городе, каким-то мистическим образом всегда возвращается в отель – зачастую через некую дверь, например, пригородного кафе. Все здания города и пригорода словно представляют с отелем единое целое, так как из них Райдер неизменно попадает к себе в номер. Таким образом, отель, в котором живет Райдер, становится центром его вселенной.

Настоящий дом у детектива Кристофера Бэнкса из романа «Когда мы были сиротами» (“When We Were Orphans”, 2001) был только в детстве, и с тех пор он скитается в поисках как себя, так и своего места в жизни.

¹ Здесь и далее перевод цитат наш. – В.М.

Дом Кэти, героини романа «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005), – частный пансионат, единственное место, которое было ей родным, но которое, как понимает читатель, не может дать родительского тепла и заботы. Но он был приютом для своих воспитанников, которые с его закрытием почувствовали себя окончательно осиротевшими. Таким образом, К. Исигуро постоянно акцентирует утрату дома, и его рассказчики обитают в жилищах, которые не являются их настоящими домами, что еще сильнее подчеркивает их одиночество.

Комната дворецкого Стивенса так же, как и образ дома выступает квинтэссенцией бытия и отражением характера ее владельца. Стивенс строг, обязателен, несуетлив, исполнительен, довольствуется малым. Его комната практически пуста, слабо освещена и своим аскетизмом больше напоминает монашескую келью или тюремную камеру, как сказала одна из героинь романа. Именно такой она и устраивает Стивенса, который предпочитает, чтобы это «сердце управления домом» [RD, p. 165] было единственным местом, где никто не в состоянии нарушить уединение ее хозяина.

Любой символ становится таковым при условии его повторяемости в художественном произведении. Ецуко, к примеру, не единожды упоминает комнату Кейко: этот образ преследует ее и мучает не менее самой смерти дочери. Образ комнаты в данном случае весьма символичен. Царивший в ней беспорядок и хаос говорят о смятении и сумятице в голове молодой девушки, которая тщетно пыталась найти выход из сложившейся ситуации. Ее же нежелание впускать кого-либо в свою обитель – это не что иное, как попытка оградить себя от всех, никого не посвящать в тайны своей жизни, уединиться и молча страдать.

Комната Кэти («Не отпускай меня») скудно меблирована, самое яркое пятно в ней – это четыре настольные лампы одинакового дизайна, но каждая разного цвета. Они привносят яркость в безрадостную жизнь героини, а рифленая «шея» их абажуров, которая гнется как угодно, так схожа с судьбой девушки и ее друзей по Хейлшему, которых внешние силы «гнут» в нужные для них стороны.

Традиционным символом домашнего уюта является *кошка*. Это образ магнетических сил природы, сверхъестественной живучести, необыкновенной жизненной силы. Она зачастую выступает символом вечности (так как кошки лежат, свернувшись кольцом) и свободы, потому что кошки не терпят ничьей власти над собой [2]. Кошка – это и символ счастливой семьи, стабильности, ласки. Для Марико, героини романа «Там, где в дымке холмы», котята были ее единственными друзьями. Но если для нее котята – это ее мир, ее жизнь, то для ее матери Сачико – ненужная обуза, каковой, вероятно, была и сама Марико, ибо выйти замуж повторно проще одной, чем с ребенком. Женщина не единожды в гневе резко отбрасывала подошедшего к ней котенка; подобным образом она с раздражением отмахивалась и от страхов и проблем дочери. Она не разрешила Марико взять котят с собой в Токио, где планировала поселиться в ожидании денег от американского друга, и утопила их. Собираясь отнять котят, мать пыталась увещевать Марико: «Неужели ты не можешь думать ни о чем другом? <...> Ты что

настолько мала и не замечаешь, что помимо этих мерзких маленьких зверьков есть и другие вещи? Тебе нужно немного подрасти. Ты просто-напросто не можешь навсегда сохранить подобные сентиментальные привязанности. Это ведь просто ... просто животные, неужели ты не видишь. Неужели, дитя, ты этого не понимаешь? Неужели не понимаешь? <...> Перестань быть таким ребенком <...> Что тебе за дело до этих грязных маленьких существ? <...> Ты что на самом деле такая маленькая? Это не твой маленький ребенок, это такое же животное, как крыса или змея» [РВН, р. 165]. Этот поступок приобретает символический смысл, так как означает, что Сачико своими собственными руками погубила свою дочь, лишив девочку эмоционально-нравственной опоры.

Эпизод с котятками говорит и о губительной силе *воды*. Считается, что вода, и река в частности, в ее динамическом аспекте – амбивалентный образ, олицетворяющий собой как разрушительную, так и созидательную силу. С одной стороны, она символизирует опасность и препятствия на жизненном пути, необратимое течение времени и как его следствие – забвение, утрату личности и смерть, а с другой – очищение. Вода – это и источник жизни, и средство разрушения; вода оживляет и несет плодородие и одновременно таит угрозу гибели. Это и символ человеческой жизни, прихотливо текущей от рождения к смерти – от истока к устью. На Востоке вода может быть символом вечно меняющегося мира иллюзий [2].

У Исигуро образ воды также имеет двойственную природу. В одном контексте на фоне строящихся домов река символизирует перемены, переустройство жизни в послевоенной Японии, отказ от старого уклада – послевоенная Япония была грязной и мокрой, т.е. новой, непонятной, смутной. В других же ситуациях река – это свобода, граничащая с опасностью гибели. Река получает негативную коннотацию смерти и боли, страданий и печали.

Образ воды служит не только для обрисовки душевного состояния персонажей, но и придает происходящим событиям соответствующую эмоциональную окраску. В зависимости от состояния героев, их чувств и происходящих событий, вода может быть то спокойной, то неистойой. Река выглядит бурной и полноводной, ее берега – скользкими, превратившимися в грязное месиво. «После нескольких недель непрекращающегося дождя вода в реке поднялась высоко, и течение в то утро было быстрым. Берега были крутыми, а то место на краю обрыва, где стояла девочка, казалось весьма скользким» [РВН, р. 16] – подобное описание как нельзя лучше характеризуют нестабильное, туманное, полное холода и проблем будущее стоящей у самой кромки воды маленькой героини произведения «Там, где в дымке холмы» Марико, которую мать собирается увезти в Америку. В день исчезновения Марико «солнце опустилось очень низко, освещая грязные колеи от машин» [РВН, р. 37], кругом были лужи и слякоть, являющиеся как бы предвестником грязи и тины, способных поглотить девочку.

Дождь заставляет рассказчиков ежиться от холода неприятных событий и воспоминаний. На его фоне их боль и страдания кажутся еще более острыми и пронзительными: как, например, воспоминания героини из ро-

мана «Там, где в дымке холмы» о покончившей с собой дочери, досадный и мучительный разговор в «Художнике зыбкого мира», происходящий в дождливое серое ветреное утро. Мимолетная встреча, поднявшая в душе протагониста бурю печальных и постыдных воспоминаний, происходит в дождливое утро: «Я остановился, затем огляделся вокруг и сквозь дождь, капающий с моего зонта, со странным потрясением увидел Куроду, без какого-либо выражения на лице глядящего в мою сторону. Опустив взгляд ниже, я увидел, что под зонтиком он был без шляпы и одет в темный плащ. С обуглившихся зданий за его спиной ручьями стекала вода, а из оставшейся части какого-то водосточного желоба огромным потоком лилась вода, которая выплескивалась недалеко от него. <...> И я заметил, что одна из спиц его зонта была сломана, что приводило к еще большему количеству брызг у самых его ног» [AFW, p.77]. Слова *дождь*, *вода*, *плащ*, *зонт*, *сломанная спица* создают эффект холода, слякоти и дискомфорта, которые и саму встречу делают безрадостной и леденяще холодной.

Серый морозящий день ассоциируется у Стивенса с неприятным разговором с экономкой мисс Кентон много лет назад. День их встречи через много лет также был серым и дождливым, что ввергало героев в состояние тоски по ушедшим годам и упущенным возможностям. Их последняя встреча была окрашена в тусклые и безрадостные тона, а непрекращающийся дождь помогал прятать невольно текущие по щекам слезы. Природа словно скорбела по впустую растроченной жизни людей, которым когда-то был дарован шанс стать опорой друг для друга.

В силу своей жанровой особенности роман-антиутопия «Не отпускай меня» изобилует символическими образами. Одним из них является заброшенная и увядшая в болоте *лодка*. Изначально небесно-голубая со временем она стала почти белой – так поблекли и радужные надежды воспитанников Хейлшема на будущее. Теперь, с каждой выемкой органов, они постепенно превращаются в полусгнившую лодку, которой больше никто не пользуется. Они были нужны, пока были «новыми». Сейчас они, как и лодка, увязли в болоте бессилия перед чужой волей, из которого нет обратного хода.

С образом воды тесно связан образ *моста*. Мост – это воплощение связи между двумя мирами, символ перехода, достижения иного берега [4, с. 252–253]. Это символ надежды, но одновременно и страха, хрупкости человеческого существования. Он также несет в себе значение перекрестка, распутья, т.е. неуверенности, раздумий, момента выбора. Мост – объект преодоления [2, с. 464]. Для Мариико, убегаящей по мосту на противоположный берег, мост – это спасение от матери, от переезда, от судьбы. Для Ецуко воображаемым мостом стал переезд из Японии в Англию – мостом между ужасом Нагасаки и кажущимся спокойствием Англии, которое впоследствии обернулось еще большим ужасом – смертью дочери.

Изображенный в «Художнике зыбкого мира» Мост колебаний (это метафорическое название появилось вследствие того, что когда-то он вел в район развлечений и некоторые мужчины зачастую стояли на нем, решая, пойти ли дальше, или вернуться домой к женам) выступает символом соединения

разрозненного, объединения двух планов существования. Этот мост является излюбленным местом Масуи Оно; он приходит сюда, чтобы поразмышлять о прошлом и разобраться в себе. Он также колеблется, на какой «берег» пойти, – остаться верным прошлому или посмотреть на жизнь по-новому и смириться с былыми ошибками, т.е. навести мосты между прошлым и настоящим. Эти два «берега», прошлое и настоящее, являются двумя отличными друг от друга образами жизни, двумя мирами. Б. Льюис называет этот мост символом сомнений и душевной обеспокоенности самого Масуи Оно, который оказался захваченным врасплох между чувством стыда и вины, славой и бесчестьем, домом и бездомностью сердца [5, р. 67].

Переход в нечто иное осуществляется и посредством *дороги*. Человек оказывается на дороге, влекомый страстной жаждой открытий и перемен, движимый желанием ограниченности действительного пространства противопоставить бескрайние просторы мира. Путешествие может рассматриваться как выражение стремления к «центру», к «началу» мира, т.е. к сущности вещей. Путь, утверждает Н.Н. Рогалевич, – это эволюция, трансгрессия, ибо его начало и конец отмечены изменением состояния: человек приобретает нечто новое либо восполняет утраченное [4, с. 345–346]. Концепция пути всегда связана с тайной спасения. Хронотоп дороги получает в тексте неоднозначное толкование: путешествие Стивенса на машине символизирует поиск собственного пути, т.е. судьбы и своего «я». Это был экскурс не только по Англии, но и в глубины своей памяти. Поездка выявила кризис его идентичности: то ему самому приходилось притворяться, то люди принимали его за другого. Через поиск причин своей неудавшейся жизни, через страдание, исходящее от осознания причины, и попытку освобождения от терзающего его прошлого Стивенс к концу своего путешествия приходит иным человеком, более мудрым и спокойным, философски относящимся к жизни.

Путь, или дорога, традиционно выступает аналогом человеческой жизни. В этом контексте пустые унылые дороги, по которым приходится ездить Кэти, героине романа «Не отпускай меня», являются символом ее взрослого безрадостного существования.

Чувство свободы героям (Стивенс, Кэти) дает их *автомобиль*, который подобно кораблю, является символом путешествия, странствия и поиска. На нем Стивенсу удалось совершить путешествие не только по Англии, но и мысленно в свое прошлое, т.е. он оказался за рулем некой машины времени, позволяющей одновременно находиться в разных периодах своей жизни. Что касается Кэти, то для нее ее маленький автомобиль был символом свободы и некоторой независимости. Он был ее личным пространством, на которое никто не мог посягнуть. Машина, так же, как и у Стивенса, выступает орудием познания.

Знаковым средством передвижения в «Безутешных» является трамвай, который возит главного героя по кругу. Также по кругу ходит и сам Райдер, сталкиваясь с одними и теми же людьми, совершая те же ошибки, безуспешно пытаясь изменить свою жизнь и перейти на другой виток (круг) жизни.

Важная деталь пейзажа в «Художнике зыбкого мира» – *телеграфные столбы*. В мирной жизни они свидетельствуют о цивилизации и налаженности жизни, однако телеграфные столбы, изображенные в романе, – без проводов, оборванных во время войны, – выступают знаком того, что жизнь утратила не только свой устоявшийся уклад, но и связь со старой, довоенной Японией. В прошлое нет возврата, туда невозможно послать телеграмму. Тем не менее связь с прошлым жизненно важна. Люди, подобно птицам, стайками летающими в поисках привычного места отдыха, ждут новых проводов, потому что они символизируют возвращение к обыкновенной жизни.

Нить, *веревка*, возможно, как и провода, обычно символизируют человеческую жизнь, судьбу, свидетельствуют о переплетении элементов, событий. Нить связывает все сущее воедино [2]. У Исигуро веревка – это также судьба, возможно, даже ее предопределенность. Она скорее напоминает змею, шуршащую в траве и медленно, но настойчиво подкрадывающуюся к своей жертве. Недаром так пугается, словно что-то предчувствуя, Марико при виде зацепившейся за ноги Ецуко веревки, ведь для Кейко, судьба которой является потенциальным продолжением жизни Марико, она стала орудием добровольного ухода из жизни.

Образ разноцветных *воздушных шаров* с нарисованными на них лицами в «Не отпускай меня» – это символ воспитанников Хейлшема. Страх Кэти, что одна из бечевки может порваться и шарик улетит в дождевые облака, сродни боязни учеников пансионата «улететь» во взрослую жизнь, т.е. стать донорами и лишиться жизни. Кулак клоуна, крепко державший бечевки от шаров, – это Хейлшем, навеки связавший между собой своих воспитанников одной судьбой, одной болью. Это их дом, которого у них не стало, так как Хейлшем в тот момент уже был закрыт.

Утраченная *кассета* с песней «Не отпускай меня» в одноименном романе – это символ тепла, связи с людьми. Это мечтания главной героини о семье, о тепле. Пропажа кассеты была равносильна утрате надежд на будущее, на возможность иметь семью, кого-то близкого рядом, а покупка ее копии – слабая попытка противостоять безразличному миру. Символичен и тот факт, что пропажа так и осталась нераскрытой, – как неизвестны те люди, которые лишили детей будущего.

Постоянным атрибутом расследований Кристофера Бэнкса («Когда мы были сиротами») была *луна*, однако она не только все увеличивает, но и искажает. Именно искаженными и кажутся ему события. Луна необходима ему для расследования преступления тридцатилетней давности. Однако она позволяет видеть лишь часть общей картины, чему Кристофер рад, так как иногда он страшится увидеть всю трагедию целиком.

Итак, есть все основания считать, что самый распространенный символ у К. Исигуро – образ дома, а также ассоциированные с ним образы – комната, отель, пансионат – стал своего рода лейтмотивом его творчества. Не менее значимыми являются образы дороги и воды, имеющие разное смысловое наполнение в конкретных романах. При этом становится очевидным, что чем многозначнее символ, тем он содержательнее. Символическое

значение некоторых бытовых деталей – лупы, воздушных шаров, телеграфных столбов, кассеты, нити, автомобиля и др. – становится понятно из эмоционально-смыслового контекста произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борев, Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: энцикл. словарь терминов / Ю.Б. Борев. – М: ООО “Изд-во Астрель” : ООО “Изд-во АСТ”, 2003. – 575 с.
2. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егзаров. – М. : ООО “Изд-во Астрель”, 2003. – 723 с.
3. *Сидорова, О.Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / О.Г. Сидорова. – М.: РГБ, 2006. – 333 л.
4. Словарь символов и знаков / авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск : Харвест, 2004. – 512 с.
5. *Lewis, B.* Kazuo Ishiguro / B. Lewis. – Manchester : Manchester Univ. Press, 2000. – 192 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- PVH – *Ishiguro, K.* A Pale View of Hills / K. Ishiguro. – N.Y. : Vintage International, 1990. – 184 p.
- AFW – *Ishiguro, K.* An Artist of the Floating World / K. Ishiguro. – N.Y. : Vintage Books, 1992. – 206 p.
- RD – *Ishiguro, K.* The Remains of the Day / K. Ishiguro. – London : Faber and faber, 1991. – 246p.

The article dwells on the symbolic imagery in the works of Kazuo Ishiguro – one of the most prominent contemporary British writers. The most common image – that of a house and its variations (a room, a hotel, a boarding school) – has become a leitmotif in K. Ishiguro’s novels. The images of a road and water can also be classified as leitmotif symbols. As for the occasional symbols, they include balloons, telegraph poles, a car, etc.

Поступила в редакцию 08.11.11

М.А. Сазонаў

ПРАБЛЕМА ГЕНЕЗІСУ ЛІТАРАТУРНАГА ХАРАКТАРУ ІРОНІКА Ў ПРОЗЕ МАКСІМА ГАРЭЦКАГА

У артыкуле даследуецца працэс паступовага засваення М.І. Гарэцкім творчага досведу пісьменнікаў іншых краін і эпох. Асаблівая ўвага засяроджана на авалоданні прыёмам і стварэння літаратурнага характару іроніка як своеасаблівага маркёра творчай сталасці аўтара. Разгледжаны перадумовы ўзнікнення і развіцця ўзгаданага характару ў сусветнай літаратуры, а таксама прааналізаваны асаблівасці яго ўвасаблення ў творах беларускага пісьменніка і роля ў працэсе запазычання М.І. Гарэцкім творчага вопыту Ф.М. Дастаеўскага. Даследуецца роля характару іроніка як сродку моцнай унутранай повязі творчых сістэм абодвух пісьменнікаў з традыцыйнай карнавалізаванага мастацтва.

Максім Гарэцкі адным з першых у айчыннай літаратуры пачаў уводзіць у творы філасофскі падтэкст. На мастацкім узроўні гэта знайшло сваё праяўленне ва ўзбагачэнні іх апавядальнай структуры складанымі

літаратурнымі характарамі, з дапамогай якіх ажыццяўлялася творчае ўвасабленне і асэнсаванне актуальных сацыяльна-псіхалагічных пытанняў часу. У дадзеным артыкуле наша ўвага засяроджана на даследаванні асаблівасцей узнікнення і развіцця *літаратурнага характару іроніка* як своеасаблівага маркёра творчай сталасці аўтара і яго падрыхтаванасці да ўспрыняцця мастацкага вопыту пісьменнікаў іншых краін і эпох.

Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна разгледзець узнікненне і развіццё ўзгаданага характару ў сусветнай літаратуры, а затым прааналізаваць асаблівасці яго ўвасаблення ў прозе Максіма Гарэцкага.

Як літаратурны троп і філасофская катэгорыя іронія мае даўнія традыцыі навуковай інтэрпрэтаці. Адным з найбольш яскравых яе ўвасабленняў у літаратуры з'яўляецца характар героя-іроніка. Сваімі каранямі ён узыходзіць да старажытнагрэчаскай камедыі, «...где в числе действующих лиц выступает «ироник» – обыватель-притворщик, нарочито подчеркивающий свою скромность и незначительность» [1, стб. 316]. Як бачым, у азначэнні старажытнага праяўлення дадзенага характару называецца яго ўласцівасць, якая як асноўная атрыбутыўная прыкмета дазволіць ідэнтыфікаваць іроніка ў творах пісьменнікаў пазнейшага часу. Маецца на ўвазе *прытворніцтва*. Гэта своеасаблівая маска, якая з'яўляецца неад'емнай часткай характару іроніка. Асаблівую значнасць у дадзенай сітуацыі атрымоўвае фактар усведамлення чытачом прытворніцтва іроніка. Менавіта *ўсвядомленае чытачом/гледачом* (калі размова ідзе аб драматычных творах) *прытворніцтва* дазваляе нам суадносіць старажытнагрэчаскую камедыю і творы пісьменнікаў Новага часу на прадмет пошуку і даследавання характараў, пры стварэнні якіх у якасці зыходнай пазіцыі была выкарыстана іронія.

Іронія не існуе без усвядомленага прытворніцтва. Дэтэктыў, авантурны раман, хорар ці раман жахаў могуць утрымліваць некаторыя элемент іроніі як тропы. Але гэта яшчэ не будзе падставай для існавання ўласна характару героя іроніка, у дачыненні да якога яна выступае ў якасці сэнсаўтваральнай асновы.

Разуменне іроніі як філасофскай катэгорыі звязана з імем Сакрата. Дзякуючы распаўсюджанню ідэй Платона, «сакратаўская іронія» [2, с. 132] з'яўляецца прынцыповай жыццёвай пазіцыяй, глыбокай і дыялектычнай. Яе мэта – дасягненне канчатковай ісціны. У далейшым літаратура Новага часу ўзбагаціла разуменне іроніка, што было абумоўлена творчасцю М. Сервантэса, Ф. Кеведы, Л. Стэрна і інш. У іх творах іронія «...служит исходной позицией повествования» [1, стб. 316]. Аднак найбольшую вядомасць характар іроніка атрымаў дзякуючы філасофска-эстэтычнаму напаўненню твораў пісьменнікаў-рамантыкаў мяжы XVIII–XIX стагоддзяў (творы Л. Ціка, Э. Гофмана, Дж. Байрана, А. Мюссэ). Узгаданая тэндэнцыя абумовіла неабходнасць тэарэтычнага асэнсавання дадзенага феномена, што прывяло да узнікнення эстэтычнай катэгорыі «рамантычная іронія». У якасці сінонімаў да адпаведнага паняцця Ф. Шлегель, які, дарэчы, яго і ўвёў, ужываў словы «произвол» і «трансцедентальная буффонада» [1, стб. 316].

Пазней адбылося пераасэнсаванне іроніі як зыходнай творчай пазіцыі. У творах пісьменнікаў-рамантыкаў другога пакалення яна ўспрымаецца ўжо як своеасаблівая «манера мышлення» [1, стб. 317], якая дыктавала «художніку внутрэннюю ўстаноўку: не останавлівацца ні перад чым, все подвергать сомнению или отрицанию» [2 с. 132]. У гэтым жа кірунку развілася разуменне рамантычнай іроніі ў працах Гегеля, які схіляўся да дыялектычнага тлумачэння феноменаў рэчаіснасці і, адпаведна, не мог мірыцца з так званай іманентнай *ангажыраванасцю* іроніі, яе імкненнем да абавязковай *прафанацыі* і *супрацьпастаўлення*. У далейшым іронія захоўвалася ў іншых формах, але яна не ўспрымалася як зыходная творчая пазіцыя. Адмысловае тлумачэнне іроніі мы знаходзім ў працах С. Кьёркегора, які, будучы папярэднікам экзістэнцыялізму, зводзіў яе разуменне да праблем адасобленага існавання індывідууму.

Адметнае праяўленне характар іроніка атрымаў у вялікіх раманах Ф.М. Дастаеўскага. Галоўны герой апавесці «Цыдулкі з падполля» (1864) парадаксаліст уяўляе сабой новую ступень у развіцці характаралогіі пісьменніка. Т.А. Касаткіна, апіраючыся на тэорыю разнавіднасцей пафасу Г.М. Паспелава, робіць спробу распрацаваць тыпалогію характараў у буйных творах Ф.М. Дастаеўскага, акцэнтуючы ўвагу менавіта на іроніку. У якасці галоўнага крытэрыя вызначэння выкарыстоўваецца іх «эмацыянальна-каштоўнасая арыентацыя». Такім чынам даследчыца імкнецца выйсці ў сваёй класіфікацыі за межы спецыфічнай літаратуразнаўчай праблематыкі, што дазваляе ўвесці праблемнае поле даследавання ў больш шырокі культуралагічны кантэкст: «...термин “эмоционально-ценностная ориентация” более точен, ибо вводит момент внелогического, эмоционального, чувственного отношения к миру и его ценностям и указывает на то, что перед нами более глубокий пласт личности...» [3, с. 9].

Варта пагадзіцца са слухнай заўвагай даследчыцы, згодна з якой менавіта ў творчасці Ф.М. Дастаеўскага адбыўся так званы «якасны скачок» у мастацкай практыцы выкарыстання характару іроніка. У межах рэалістычнага мастацкага метаду пісьменнік здолеў паказаць крайнюю ступень разбурэння характару праз іронію. Т.А. Касаткіна згадвае вобраз Свідрыгайлава («Злачынства і пакаранне») у якасці характару, які наблізіўся да той мяжы, калі іронія разбурае ўсе каштоўнасныя ўстаноўкі асобы. Характар так званага «абсалютнага іроніка» ўвасоблены, на яе думку, у вобразе Стаўрогіна («Д'яблы»). Паводле слоў даследчыцы, «Ставрогин – высший тип ироника у Достоевского, да и, наверное, во всей мировой литературе» [3, с. 157] (курсіў мой. – М.С.).

У падобным рэчышчы інтэрпрэтацыя іроніі працягвае развівацца ў мадэрнізме, дзе яна ўспрымаецца як адна з неабходных умоў існавання чалавека: «Ирония – это специфическая культура духа, идущая дальше непосредственного, это бесконечное движение внутри объекта, возникающее из столкновения особенностей конечного индивида с бесконечными этическими требованиями» [1, с. 57].

Іранічнае светабачанне ў літаратуры XX ст. атрымала новае развіццё ў межах постмадэрнісцкай усюдыпранікальнай іроніі, якая часта праяўляецца ў наўмысным сутыкненні некалькіх стыляў, элементаў розных тэкстаў, што атрымала назву «пасціш».

Такім чынам, беларуская літаратура на пачатку XX ст. мела магчымасць творча ўспрымаць і пераасэнсоўваць багатыя традыцыі мастацкага ўвасаблення характару іроніка. Аднак далучэнне да складанай літаратурнай традыцыі адбывалася паступова, аб чым яскрава сведчыць творчасць М. Гарэцкага.

Раннія творы пісьменніка характарызуюцца моцнай асветніцкай зададзенасцю. Аднак з пункту гледжання прымата эстэтычнай каштоўнасці такая канцэпцыя мастацкага светаўспрымання не спрыяла станаўленню развітай іерархічнай сістэмы літаратурных характараў. У першых апавяданнях аўтара, напрыклад, «У лазні», «Роднае карэнне», «У чым яго крыўда?» і некаторых іншых іронія як элемент мастацкай структуры твора амаль не праяўляецца. Тым больш на гэтым этапе мы не можам гаварыць аб яе ўздзеянні на творчы працэс М.І. Гарэцкага ў якасці сэнсавызначальнай філасофскай асновы. На наш погляд, гэта звязана з тым, што іроніі ўласціва ўзгаданая вышэй своеасаблівая апазіцыйнасць. Інакш кажучы, іронія заўсёды скіравана на пераадоленне нейкіх светапоглядных перакананняў шляхам іх супрацьпастаўлення і прафанацыі праз смех.

У мастацкай сістэме ранніх твораў М.І. Гарэцкага іронія спалучаецца з рамантычным ўспрыняццем свету, уласцівым маладым «інтэлігентам-выхадцам з сялян» [4]. Галоўны герой апавядання «У лазні» Клім Шамоўскі перманентна змагаецца з сцяной непаразуменняў з боку аднавяскоўцаў. Яны ўспрымаюць адукаванасць юнака празмерна насцярожана. У выніку ён апынаецца ў сітуацыі адчужэння і экзістэнцыяльнай адзіноты.

Рамантычна-наіўныя намаганні, скіраваныя на развіццё асветы ў роднай вёсцы, асуджаны разбіццём аб жорсткія абставіны рэчаіснасці. Хваравітую рэакцыю Кліма Шамоўскага аўтар змякчае пры дапамозе лёгкай іроніі: «Запанеў наш каморнік, пышан надта Клім Раманавіч, духу баіцца... А мне, мужыку, любата, – крычаў Мікіта. “Які тут чорт «запанеў»!” – злаваў Клім. – Свінні, а не людзі, – думаў ён, злосны на ўсё, бадай, Мардалысава. – Я вёз дамоў кніжкі, каб чытаць ім, а яны кожны вечар <...> гуляюць у карты ў Мікітавай хаце...» [5, с. 50].

Клім Шамоўскі («У лазні») разважае аб тым, як яго аднавяскоўцы будуць жыць у чысціні і дастатку, імкненне да якіх неабходна развіць у іх праз асвету; галоўны герой апавядання «Роднае карэнне» Архіп Лінкевіч марыць аб адзінстве навуковых уяўленняў аб навакольным свеце з аўтэнтычным народным светабачаннем і г.д.

Аднак з цягам часу мастацкая палітра пісьменніка ўзбагачалася. Галоўны герой драматызаванай аповесці «Антон» (1914) селянін Антон Жабанёнак, які напрыканцы аповесці забівае свайго сына, спрабуе забіць зусім малую дачку і канчае жыццё самагубствам, так і застаецца адным з самых загадкавых характараў айчынай літаратуры. Фактычна матывы Антона засталіся нявысветленымі. Адзначым, што менавіта ў гэтым «абразку

жыцця» цікавасць да напружанага ўнутранага жыцця галоўнага героя пачынае не проста раскрывацца праз знешнюю фабулу твора, а паступова пераважае над ёю і ў выніку – становіцца яго асноўным зместам.

Вобраз галоўнага героя з першых старонак нясе пячатку вылучанасці сярод іншых персанажаў. Пры гэтым кожны з іх спрабуе ўздзейнічаць на свядомасць Антона. Іронія выкарыстоўваецца пісьменнікам у якасці інструмента прафанацыі іх ідэйных пазіцый. Аб'ектамі аўтарскай іроніі становяцца вобразы святароў, бацькі Антона, а таксама яго аднавяскоўцаў. У дадзеным выпадку назіраецца прынцыпова новы падыход да канцэптэуалізацыі іроніі ў мастацкай сістэме асобнага твора. Яе выкарыстанне вымагаецца змрочнай атмасферай экзістэнцыяльнага тупіка, якая паступова нагнаеца ў творы і выкрывае ўздзеянне на аўтара ніцшэанства: «Драматург сам, – піша Дз. Мамачкін, – раскрывае сэнс гэтага цёмнага часу: “старыя багі струхлелі, а ...новыя мала ведамы”. Усеагульны крызіс згубна ўплывае на сялянскія асобы, іх простыя і неразвітыя душы пачварна дэфармуюцца пад ціскам распаўсюджаных у загниваючай знутры дзяржаве нормаў жыццядзейнасці. Антон пакутуе ад недасканаласці: “Нашто ж так бы даў бог?.. Ці ж так можа быць, як жа б трэба, як?” <...>. Канфлікт галоўнага героя з сацыяльным асяроддзем, дзе ён вымушаны жыць, усё больш і больш абвастраецца» [6, с. 88].

Пераадоленне канфлікту ў творы падаецца як прынцыпова немагчымае. Цікава, што гэта не супярэчыць асноўным творчым прынцыпам пісьменніка, распрацаваным у ранейшых творах. Імкненне да мастацкага спасціжэння таямнічых аспектаў чалавечага існавання, якое, па словах А. Адамовіча, аформіліся ў мастацкім светабачанні М.І. Гарэцкага праз пытанні «адкуля ўсё?» і «што яно?» [4, с. 169], абумовіла яго цікавасць да памежных мастацкіх сітуацый. Хрэстаматычнымі сталі словы з апавядання «Роднае карэнне» аб шляхах пошуку ісціны: «І вось ён “укусіў” ад кніжнае мудрасці... Папраўдзе знайшоў такія і гэтакія адказы, але ж – божа! – пэўнасці аніякай няма. <...> І гора, вялікае гора таму, хто захоча аб іх <<шалёных>> пытаннях» на адзін момант, адным вокам зірнуць на той бок заслоны! Яму адзін шлях к разгадцы, шлях страшны і, галоўнае, няпэўны, няпэўны шлях, і гэты шлях – смерць» [6, с. 66].

Пісьменнік працягвае творчыя шуканні ў аповесці «Дзве душы» (1919). Духоўныя пакуты галоўнага героя Ігната Абдзіраловіча суадносяцца з аксіялагічнымі сістэмамі, у рознай ступені ўвасобленымі ў іншыя характарах твора. Як і другарадныя вобразы ў драматызаванай аповесці «Антон», яны таксама імкнуцца ўздзейнічаць на свядомасць галоўнага героя, быццам «імкнучыся» праз гэта далучыцца да кола патэнцыяльных магчымасцяў, якіх былі пазбаўлены, трапіўшы пад уладу іранічнага светаўспрымання. Дакладней, таго ўспрымання, якое Т.А. Касаткіна называе «дурной іроніей». Гэта іронія, разбураючы ўсе аксіялагічныя альтэрнатывы, у выніку замыкаецца на сабе.

Сярод характараў аповесці вылучаюцца вобразы капітана Гарэшкі і старога Гаршчка. Іх адметнае становішча сярод іншых персанажаў падкрэсліваецца наяўнасцю ў кожнага з герояў асабістай гісторыі жыцця. Акрамя Ігната Абдзіраловіча аўтар больш не дае такіх падрабязных

«гісторый» станаўлення характару ў творы. Узгаданыя мастацкія характары ўяўляюць сабой своеасаблівыя мадэлі-складнікі вобраза галоўнага героя, што ілюструюць патэнцыяльныя магчымасці развіцця яго характару. Адзначым, што іранічны светапогляд нярэдка з'яўляецца праяўленнем відазмененай сістэмы каштоўнасцяў. Дакладней, іронія – гэта і ёсць своеасаблівая скажоная сістэма каштоўнасцяў. Аднак ідэйным стрыжнем вобраза Ігната Абдзіраловіча застаецца экзистэнцыяльнае ўспрыняцце рэчаіснасці, якое, з аднаго боку, не дазваляе прыняць каштоўнасцяў пазіцыі іншых персанажаў, а з другога – ставіць яго характар ў своеасаблівую сітуацыю анталогічнай ізаляванасці ў мастацкай прасторы аповесці: «...было толькі адно троху-многа рэльефнае чуццё: бурлячая рэвалюцыя праходзе, вось, міма...» [7, с. 152].

Аднак мастацкія законы стварэння характару патрабавалі ад аўтара паказу магчымасцяў яго далейшага развіцця. Інакш кажучы, існавала небяспека схематызацыі характару. Не спрыяла стварэнню праўдзівага характару выкарыстанне пісьменнікам вядомага ў сусветнай літаратуры сюжэтнага ходу падмены дзіцяці арыстакратаў на прасталюдзіна. Для вырашэння мастацкай супярэчнасці пісьменнік надзяліў героя патэнцыяльнай магчымасцю трапляць пад уплыў розных каштоўнасцяў пазіцыяў. Іранічнае светаўспрымання ўяўляе сабой значную састаўную частку вобраза галоўнага героя. У гэтай сувязі прыгадаем прыступ агрэсіі Ігната Абдзіраловіча пасля адмовы Алі Макасевай: «І душа дваіцца. Дзве душы. Тая, што плакала і жалілася на другую, нашто яна мучыць яе падманкамі, цяпер цвярдзее, але робіцца нядобраю, набірае ўсё болей нейкай калянасці і нават жорсткасці. Няхай сабе тая плача па нейкай паненцы. Ёй не шкода, і яна не здрыганецца, калі дзікая людская куламеца пашарпае на шматкі і князя, і Макасея-міліёнчыка, і разумца-армяніна. Ёй не шкода... А тая другая, падумала і здрыганулася» [7, с. 166].

Як бачым, гэтая мастацкая асаблівасць добра стасавалася са скразной для творчасці М.І. Гарэцкага праблемай раскрыцця ўнутранага свету «інтэлігентаў-выхадцаў з сялян», ускладненай унутраным падваеннем. Успомнім, што падваенне, часам усвядомленае самім характарам, з'яўляецца адной з асноўных прыкмет іроніка. У творах Ф.М. Дастаеўскага, насычаных характарамі-іронікамі, цалкам спрацоўвае адпаведная эстэтычная аксіёма. У межах яе мастацкай інтэрпрэтацыі рускім класікам была распрацавана так званая схема ўзаемадзеяння адпаведных характараў: асноўнае месца ў апавядальнай структуры твора займае герой-ідэолаг, свядомасць якога абцяжарана невырашальнымі пытаннямі светапогляднага кшталту: «Ему не надобно денег, ему надобно мысль разрешить» [8, т. 1, с. 95]. Адной з форм выяўлення супярэчнасцей выступае выкарыстанне іроніі пры стварэнні характару галоўнага героя. Дадаткова іранічнае светабачанне падмацоўваецца вобразнай сістэмай твора, якая ўключае яшчэ некалькі характараў іронікаў. Прыгадаем, напрыклад, складаную сістэму двойнікоў у раманах «Злачынства і пакаранне», «Д'ябалы» ці «Браты Карамазавы».

Ствараючы вобраз капітана Гарэшкі, М.І. Гарэцкі паступова рыхтуе чытача да супярэчлівай падвоенасці характару. Падчас размовы капітана з Ігнатам Абдзіраловічам «па душам» ён імкнецца весці дыялог на пра-

вах роўнага субяседніка. Экстрапалюючы ўласцівасці свайго характару на галоўнага героя, капітан раскрываецца як іронік і прытрымліваецца адпаведнай мадэлі паводзін. Ён называе Абдзіраловіча «хітрым мудрагелем», «прытваракам» і г.д. (успомнім фразу, што стала хрэстаматыйнай, з рамана «Злачынства і пакаранне» падчас размовы Свідрыгайлава з Раскольнікавым: «Мы одного поля ягоды» [9, с. 306]). У дадзеным выпадку знаходзіць сваё праяўленне моцная ўнутраная павязь творчых сістэм абодвух пісьменнікаў з традыцыйнай карнавалізаванага мастацтва. Па словах М.М. Бахціна, у карнавальнай традыцыі «фамільярныя адносіны распаўсюджваюцца на ўсе, на ўсе ценніцы, мыслі, яўленія і вешчы. В карнавальныя кантакты і сацыяльныя злучэнні вступают всё то, что было замкнуто, разъединено, удалено одно из другого внекарнавальным иерархическим мировосприятием. Карнавал сближает, объединяет, обручает и сочетает святое с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым и т.д. С этим связана и <...> профанация: карнавальныя коштунства, цэлая сістэма сніжэнняў і прыземленняў» [10, с. 139].

Падвоенасць і імкненне да фамільярнага прыніжэння як характэрныя ўласцівасці характару адчуваюцца таксама ў старым Гаршчку, што ілюструецца яшчэ і моўнымі сродкамі індывідуалізацыі: «Васілёк! А Васілёк, – пачуўся *грубы, але прыемны* (курсіў мой. – М.С.) мужчынскі голас, – адчыні, браток, іду на гасця вашага дзівіцца» [7, с. 155].

Цікава, што рэфлексіі галоўнага героя накіраваны на пошук субяседніка, пошук іншай свядомасці, з якой можна было б уступіць у дыялог. Аднак адпаведнага кантакту не адбываецца. У той жа час іншыя героі накіраваны на кантакт з Абдзіраловічам, але маналагічны. Кожны з іх звяртаецца да яго з маналагам, мэта якога — паўплываць на свядомасць Абдзіраловіча. У гэтым сэнсе яны выступаюць у ролі своеасаблівых «спакушальнікаў», якія імкнуцца «перацягнуць» уважлівую ў галоўным героі экзістэнцыяльную свядомасць на свой бок, зрабіць яе залежнай ад уласнай сістэмы каштоўнасцяў. Цікава, што падобную ролю, хоць і крыху менш актыўную, выконваюць у дачыненні да Абдзіраловіча амаль усе астатнія персанажы.

Справа ў тым, што Ігнат Абдзіраловіч захоўвае ў сабе патэнцыяльную вырытасць развіцця характару ў розныя бакі. Тым самым ён выступае «свабодным» для ўздзеяння з боку іншых характараў твора. Характэрна, што гэты Абдзіраловіч не можа даваць не толькі «яскавыя іронікі» – Гарэшка і Гаршчок, але і тыя, хто кахае яго, – Іра Сакавічанка і Аля Макасева. З пункту гледжання іх каштоўнаснай сістэмы адліку, Ігнат Абдзіраловіч ідзе на злачынства. Яны робяць усё для дасягнення сваёй «вышэйшай» мэты, не зважаючы на сродкі. Не выпадкова ў аповесці некалькі разоў узнікае мяжа пераступання цераз «чужую кроў», якая ў свой час актыўна выкарыстоўвалася Ф.М. Дастаеўскім. Апантанты ідэйны рэвалюцыянер Сухавей уцякае з астрага, ахвяруючы жыццямі двух чалавек – настаўніка Міколы Канцавога і свайго земляка вартаўніка. Гаршчок дзеля дробязнага самасцвярджэння не грэбуе браць удзел у самых крываваў рэвалюцыйных заданнях на беларускай вёсцы. Капітан Гарэшка прама заяўляе, што «...быў у ласцы ў нябожчыка Гаршчка. Заслужыў гэтую ласку цэлымі цэбрамі густой запечанай крыві паўстанцаў» [7, с. 237].

У гэтым сэнсе якасці Ігната Абдзіраловіча, якія ўспрымаюцца студэнтам Сухавеем як «...расхрыстанасць, разлезласць, мяккацеласць... нешта <...> гідкае, слізкае...» [7, с. 239], аб'ектыўна ёсць немагчымасць супрацьстаяць унутранаму маральнаму імператыву, а таксама абвостранае пачуццё адказнасці. Прычым не ў сэнсе штодзённага прытрымлівання вызначаных маральных прынцыпаў, а ў плане пераносу маральнага пытання ў экзістэнцыяльную плоскасць. Менавіта па гэтай прычыне ў творы адсутнічае прынцыповая магчымасць раўнапраўных адносін паміж галоўным героем і астатнімі персанажамі. Імкненне іронікаў Гарэшкі і Гаршчка разбурыць іерархічную сістэму і тым самым прынізіць вобраз галоўнага героя, блюзнерыць не проста побач, а разам з ім – асуджана на няўдачу. У гэтых вобразах галоўны герой «...бачыць абуджэнне <...> цёмнай ірацыянальнай сілы. Выбух гэтай сілы і ёсць тая экзістэнцыяльная сітуацыя, калі дарэмна шукаць адказ на пытанне: сіла ад бога ці ад д'ябла?» [6, с. 35–36]. Ігнат Абдзіраловіч захоўвае экзістэнцыяльную свабоду не таму, што займае адметнае месца ў каштоўнаснай сістэме твора. Ён належыць іншай рэчаіснасці, увасобленай у сістэме экзістэнцыяльнага светабачання, якая для астатніх характараў застаецца прынцыпова недасягальнай. Таму сродкі ўздзеяння і інтэрпрэтацыі, якія былі дзейнымі для адной сістэмы, не працуюць у новых абставінах.

У позняй прозе пісьменніка іранічнае светабачанне атрымлівае новае праламленне ў кантэксце традыцыі алегарычна-экзістэнцыяльнай творчасці. У «Скарбах жыцця» (1932–1935, 1937?) аўтарская іронія М.І. Гарэцкага ўзвышаецца да ўзроўню самаіроніі. Вобраз Лявоніуса Задумекуса ўяўляе сабой творчае ўвасабленне экзістэнцыяльнай біяграфіі аўтара. Адпаведна, іронія ў гэтым творы якасна мяняецца, скіроўваецца на самога пісьменніка. Роля яе таксама іншая. Замест зніжэння і прафанацыі ў дадзеным выпадку мы назіраем яе амбівалентнае пераўтварэнне ў сродак пераадолення супярэчнасцей у аўтарскай свядомасці. Праз рэалізацыю прынцыпу адмаўлення пісьменнік перанакіроўвае іронію на тыя зыходныя светапоглядныя ўстаноўкі, якія звычайна яе выклікаюць: на скептыцызм, адчай і роспач.

Праз самаіронію пісьменнік вызваляе ўласную свядомасць ад роспачы, што ўзнікае як заканамерная рэакцыя на навакольнае жыццё. Творчасць пачынае асэнсоўвацца як сродак узвышэння над канкрэтна-біяграфічнымі фактамі і дапамагае ўсвядоміць экзістэнцыяльную сутнасць быцця: «Змрочная экзістэнцыяльная канцэпцыя жыцця «я»-героя М. Гарэцкага асветлена разуменнем колазвароту светабудовы, пранікненнем у сэнс жыцця перад тварам смерці. Песімістычны погляд на жыццё экзістэнцыяльнага персанажа ўраўнаважаны верай у магчымы парактунак на «выспе Патмос»: «Шукай свой човен залаты! Едзь на выспу Патмос. Даўно там не быў. Духам аскудзеў. О сонца светлае-прасветлае! Абагрэй ты мяне! Далёкая выспа Патмос! Там прытулак...» [7, с. 38].

Такім чынам, у творчасці М.І. Гарэцкага мы назіраем паступовае станаўленне героя-іроніка як своеасаблівага элемента мастацкай структуры твораў, у якіх ён знаходзіў рознае праяўленне. Ад першых асцярожных аўтарскіх спроб выкарыстання іроніі ў ранняй навелістыцы пісьменнік

паступова прыходзіць да паўнавартасных характараў іронікаў у аповесці «Дзве душы». У позніх творах М.І. Гарэцкага экзістэнцыяльны герой выкарыстоўвае іронію ў якасці аднаго з асноўных інструментаў спасціжэння свету праз адмаўленне не толькі найўнага «прекраснодушія», але і распачы, што ўзнікае праз усведамленне трагічнасці ўласнага лёсу.

ЛІТАРАТУРА

1. Чавчанидзе, Д.Л. Ирония / Д.Л. Чавчанидзе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – Стб. 316–317.
2. Ирония // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева ; редкол. : Л.Г. Андреев [и др.]. – М., 1987. – С. 132–133.
3. Касаткина, Т.А. Характерология Достоевского / Т.А. Касаткина. – М. : Наследие, 1996. – 335 с.
4. Адамовіч, Ант. Да гісторыі беларускае літаратуры / Ант. Адамовіч. – Мінск : Выдавец ІП Зміцер Колас, 2005. – 1464 с.
5. Гарэцкі, М.І. Збор твораў : у 4 т. / М.І. Гарэцкі. – Мінск : Мастац.літ., 1984. – Т. 1 : Аповяданні. – 446 с.
6. Мамачкін, Дз.Л. Канфлікт і мастацкія характары ў драматургічных творах М. Гарэцкага «Антон» і «Чырвоныя ружы» / Дз.Л. Мамачкін // 1-я Гарэцкія чытанні : тэз. дакл. і паведамл., Горкі, 17–19 лют. 1993 г. / рэдкал. : У.М. Ліўшыц [і інш.]. – Горкі, 1993. – С. 87–90.
7. Гарэцкі, М. Выбраныя творы / М. Гарэцкі; уклад. Р. Гарэцкага і Т. Голуб. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 640 с.
8. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы : в 2 ч. / Ф.М. Достоевский. – Минск : Гл. ред. Беларус. Сов. энцикл., 1980. – Ч. 1. – 366 с.
9. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Фрунзе : МЕКТЕП, 1964. – 607 с.
10. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – М. : Рус. словари; Языки слав. культур, 2002. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. – 800 с.

The article deals with the constructing of Ironic's literature character as a peculiar exponent of the author's creative maturity and readiness to master foreign writers' creative experience, Dostoevsky's one in the first turn. The character of an ironic is looked on as an evidence of the internal link of the two writers' literary art with the carnival tradition.

Поступила в редакцию 16.12.11

НАШИ АВТОРЫ

Букаева Людмила Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Быстрова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Головня Анастасия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики БГУ. Тел. 227-18-95.

Елынцова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник отдела белорусско-русских языковых и литературных связей Института языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси. Тел. 284-02-76.

Ефимова Елена Владимировна – аспирант кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Казмирова Ольга Владимировна – преподаватель кафедры английской филологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Тел. (8-0212) 21-96-73.

Карапетова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кислицына Анна Николаевна – кандидат филологических наук, докторант Института языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси. Тел. 284-18-85.

Ковалевская Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации БГЭУ. Тел. 209-79-11.

Красник Анна Викторовна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Лашукевич Сергей Анатольевич – аспирант кафедры прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. 284-81-56.

Ломовая Анжелика Витальевна – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Минина Виктория Генриховна – доцент кафедры теории и практики перевода Института предпринимательской деятельности (г. Минск). Тел. 247-08-77.

Мирский Анатолий Антонович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Павловская Жанна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Павловский Валентин Антонович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Сазонов Максим Александрович – методист управления информационных технологий и электронных образовательных ресурсов Национального института образования. Тел. 229-19-41.

Свистун Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Синевиц Анна Святославовна – преподаватель кафедры библеистики и христианского вероучения Института теологии им. святых Мефодия и Кирилла БГУ. Тел. 220-22-66.

Федосеева Виолетта Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№1 (56), 2012

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Ст. корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 10.02.12. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 100 экз. Заказ 7.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172